

Виталий Вавикин

ВЕНДАРИ

Книга первая

Глава первая

Габриэла Хадсон любила мотоциклы. Особенно «дукатти». Модель 2048 года. И пусть с того дня, когда эта модель впервые увидела свет, прошло более десяти лет, любовь ничуть не ослабла. Наоборот. Стала сильнее. Габриэла выросла и чувства выросли вместе с ней: сильные, яркие. Если бы такие были у нее и к мужчинам, то жизнь можно было бы считать сложившейся. Но любовь была только к мотоциклу. И, возможно, немного к работе, не особенно радовавшей заманчивыми предложениями в последние годы. После того, как большинство вымерших видов животных были возвращены планете, а в лесах снова запели диковинные, вычеркнутые из книги жизни птицы, политики зашептались о том, что на очереди клонирования стоит человечество. Это напугало общественность. В результате появился ряд законов, запрещающих большинство экспериментов, курируемых ведущими специалистами, знаниями которых воспользовались, чтобы возродить флору и фауну, а затем выбросили на свалку жизни.

Ученые не жаловались. По крайней мере Габриэла не жаловалась. Даже без работы у нее все еще были мотоцикл, загородный дом, сбережения в банке. Вначале были. Затем, через пару лет, сбережения иссякли, задушенные налогами и штрафными выплатами, к которым снова и снова приговаривали бывших спасителей природы нескончаемые суды, обвинявшие их во всех смертных грехах. Загородный дом пришлось продать, потом машину, украшения. Остался лишь мотоцикл. Конечно, все это случилось не за один день. Общество добивало ученых медленно, заставляя смириться, адаптироваться. Оно варило их в своем котле, словно лягушку — не бросало в кипящую воду сразу, давая шанс выпрыгнуть и спастись, нет, общество прибавляло огонь под котлом медленно, позволяя привыкнуть. В результате лягушка сварилась, но так и не поняла этого. Габриэла сварилась. Сейчас был только мотоцикл, кожаная куртка и рюкзак, в котором помещались все ее вещи.

Последний отель, где она жила, был так стар, что с потолка осыпалась штукатурка. Управляющий не узнал бывшего ученого и предложил в ка-

честве оплаты за проживание работу в закусочной — еще более старой и грязной, чем отель. Оставалось только, чтобы со стоянки украли мотоцикл. Эта мысль была такой назойливой, что Габриэла лишилась сна в те дни — стояла у окна и наблюдала за своим последним другом...

— Вот мы и докатились до дна, — говорила она себе и своему мотоциклу. — Вот мы и докатились...

Тогда-то и пришло старое доброе письмо в сером конверте — электронной почтой Габриэла перестала пользоваться с тех пор, как общество сначала возненавидело генетиков, завалив письмами с угрозами и оскорблениями, а затем забыло. Никто не писал Габриэле бумажных писем уже пару лет.

— Это, должно быть, ошибка, — сказала она почтальону, глядя на конверт. — Никто не знает мой адрес.

— Вы не Габриэла Хадсон? — устало спросил почтальон, увидел, как она кивнула, и попросил расписаться в бланке о получении.

Габриэла взяла письмо, бросила на стол и пошла на работу. От горячей воды поднимался пар, пахло грязной посудой, гнилыми фруктами и сыростью. Габриэла мыла грязные тарелки и стаканы, оставленные не менее грязными посетителями, и все еще видела перед глазами конверт. Печать организации-отправителя была ей знакома. Когда-то давно «Зеленый мир» уже предлагал ей работу. Она попыталась вспомнить лицо их директора, но так и не смогла. Какое ей тогда было дело до мелких неудачников. Габриэла вспомнила их лозунг: «Вернем планете утраченную флору». Под флорой они понимали один-два вида потерянных растений, которые культивировали на протяжении пары лет.

Габриэла выключила воду, сняла передник и, оставив грязную посуду отмокать, вернулась в свой номер. Бумага конверта была крепкой, и ей пришлось взять ножницы. Внутри находилось приглашение занять должность консультанта по клонированию растений. Габриэла пробежала глазами перечень обязанностей и остановилась на предложенной сумме оплаты. За последние годы она отвыкла видеть подобные цифры. Нет, это не было чем-то запредельным. Когда-то она получала в десятки, а возможно и в сотни раз больше, но те времена сгнули в далеком прошлом. Сейчас выбирать не приходилось. Габриэла представила груды грязной посуды и спешно начала собираться. Оставшихся денег едва хватало на дорогу. Когда она вышла из прогнившего номера и завела свой мотоцикл, управляющий выскочил из каморки и закричал, чтобы она возвращалась к работе. Габриэла не ответила, дала по газам и умчалась прочь.

Был жаркий день. Ей казалось, что она сможет ехать без остановок до самого офиса «Зеленого мира». Габриэла посмотрела на небо, где сгустились синие тучи, и решила, что когда начнется дождь, она уже будет где-то далеко — сбежит от этого дождя, от старого отеля, от грязной посуды,

которую вынуждена мыть каждый день. Давно Габриэла не чувствовала такой свободы. Казалось, что она стала птицей, и нужно расправить крылья и лететь, куда пожелает сердце. Никто не сможет ее остановить. И ветер, свистящий в ушах, когда она увеличивает скорость мотоцикла, усиливает эту иллюзию полета и свободы, пьянящей лучше любого вина. Габриэла не хотела останавливаться, не хотела нарушать это чувство.

Она не заметила, как начался вечер. Солнце медленно склонилось к горизонту, заползло за эту далекую черную линию. Началась ночь. Мир вокруг сжался до размеров белого пятна, которым освещали дорогу фары мотоцикла. Ветер усилился. Габриэла снизила скорость, вспоминая пару перекрестков, оставшихся позади. Не ошиблась ли она? Не сбилась ли с пути в этой непроглядной тьме, где можно различить лишь серые, подступившие к дороге скалы, да черную пропасть, когда поднимаешься к вершине перед тем, как снова нырнуть вниз, в тоннели и ущелья? И никакой разметки, никаких ограждений.

— Повернуть назад я всегда успею, — тихо сказала себе Габриэла.

Она осторожно ехала вперед, пока не увидела вдалеке свет. Дом был большим и неуклюжим. Габриэла остановилось. Усталость навалилась на плечи. Воображение нарисовало мягкую кровать, сытный ужин и горячий душ. Дорогу к дому преграждал шлагбаум. Машина не смогла бы проехать здесь, но кто говорил о машине? Острые камни загребели под колесами мотоцикла, посыпались в пропасть. Дорога снова устремилась вверх, сузилась. Габриэла заставила себя не смотреть по сторонам. В старом доме засветилась еще пара окон, словно почувствовав приближение гостя. Железные ворота были открыты. Вблизи старый дом выглядел более громоздким и неуклюжим. Габриэла остановила мотоцикл возле парадного входа, выключила зажигание. Входная дверь открылась. Яркий свет ворвался в густую ночь, ослепил глаза. Габриэла зажмурилась.

— Вы Фредерика? — спросил мужчина. Он был высок и хорошо сложен. Его выющиеся темные волосы достигали плеч. — Мне казалось, Надин сказала, что вы приедете утром, — он спустился с крыльца. Его колкий, сканирующий взгляд изучал мотоцикл. — Могу я узнать, где сама Надин и где ваша машина?

— А разве это не машина? — Габриэла заставила себя улыбнуться и погладила рукой обтекатели мотоцикла. Ее приняли за другую, но разве это плохо? Она не знала почему, но у нее появилась уверенность, что если назвать свое настоящее имя, то ей не позволят остаться на ночь. «Все можно будет прояснить утром», — решила Габриэла.

— Отвезите свою машину в гараж, — сказал мужчина. В его руках появились ключи.

Ветер усилился.

— Думаю, это может подождать до утра, — попыталась возразить Габриэла.

— Я настаиваю, — взгляд незнакомца стал пытливым, цепким. Габриэле показалось, что этот взгляд может проникнуть в самый мозг, в самые мысли.

Она шагнула вперед, взяла ключи. Их руки соприкоснулись. Мужчина был холоден, как лед, как мертвец. Габриэла передернула плечами, желая подавить дрожь. В какой-то момент ей захотелось завести мотоцикл и умчаться прочь, но... куда?

— Я так понимаю, вы хозяин дома? — осторожно спросила она.

— Можете называть меня Гэврил.

— А другие жители?

— Другие? — мужчина нахмурился.

— Что-то не так?

— Мне казалось, Надин объяснила вам все, что нужно, — взгляд хозяина снова стал цепким, недоверчивым.

— Конечно, объяснила, — Габриэла широко улыбнулась и спешно покатила мотоцикл в гараж, ожидая, что обман раскроется в любую минуту.

Взгляд хозяина дома сверлил ее спину. Габриэла не видела этого, но чувствовала, знала. На дверях в гараж висела цепь и старый ржавый замок. Ключ долго не хотел проворачиваться. Затем цепь звякнула, упала на землю. Деревянные двери открылись. В нос ударил запах пыли и плесени.

— Здесь давно никого не было, — сказал мужчина.

Он оказался прямо за ее спиной, заставив вздрогнуть, стоял и ждал, когда Габриэла покинет гараж и закроет ворота. Габриэла снова засомневалась. Но сейчас уже не сбежать. Она только все испортит. Испортит, потому что испугалась паутины и запаха плесени. Габриэла подняла цепь, повесила замок. Старый механизм скрипнул, провернулся, но замок не закрылся. Это заметила Габриэла, но не заметил хозяин дома. Габриэла вернула ему ключ. Он убрал его в карман и жестом предложил следовать за ним.

— Надеюсь, теперь я смогу немного поспать? — спросила Габриэла.

— Поспать? — мужчина окинул ее удивленным взглядом.

Они вошли в дом. Такой же затянутый паутиной и такой же запущенный, как гараж.

— Как вы думаете, сколько вам потребуется времени, чтобы прибраться здесь? — спросил мужчина. Габриэла честно призналась, что не знает. Мужчина кивнул. — Надин сказала, что вам потребуется не больше пары дней.

— Значит, так оно и будет, — Габриэла снова заставила себя улыбнуться.

В ярком искусственном свете лицо хозяина дома было бледным и бескровным. Габриэла разглядывала его, а он разглядывал ее, изучал.

— Выберите себе любую свободную комнату, — сказал мужчина.

Габриэла указала на первую попавшуюся на глаза дверь, спросила, есть ли в этой комнате душ.

— Душ?

— Мне нужно помыться после долгой дороги.

— Помыться? — Мужчина нахмурился, затем осторожно кивнул, сказал, что душ есть в конце коридора.

Габриэла прошла в свою комнату. От постельного белья пахло сыростью. Она бросила походный рюкзак на кровать, выждала пару минут, надеясь, что хозяин дома уйдет, выглянула в коридор, убедилась, что за ней никто не наблюдает. Свет в доме еще горел. Габриэла прошла в конец коридора. Трубы грохотнули, выплюнули ржавую воду. Габриэла разделась, бросив пыльную, пропитавшуюся потом одежду на пол. Горячей воды не было, но это ее не волновало. Духота минувшего дня висела на теле, словно вторая кожа, от которой хотелось избавиться во что бы то ни стало. Габриэла встала под холодные струи и закрыла глаза. Она не знала, сколько провела времени в душе, но когда вышла в коридор, свет уже не горел. Темнота поглотила дом. Вернулись и страх, и дурные предчувствия. Габриэла замерла, прислушалась.

— Эй, есть тут кто? — тихо спросила она, вглядываясь в темноту, не получила ответа, добралась почти бегом до своей комнаты.

Теперь спать. Укрыться с головой одеялом и представить что-то хорошее, светлое. Габриэла услышала сдавленный крик, вздрогнула, прислушалась. Тишина.

— Все это сон, — она попыталась рассмеяться над разыгравшимся воображением, закрыла глаза, но заснуть так и не смогла — лежала и прислушивалась к тишине.

Полчаса. Час. Крик повторился, когда она снова начала засыпать. Женщина или ребенок.

— Что же это за место, черт возьми? — Габриэла поднялась с кровати, выглянула в коридор.

Первые лучи рассвета прорезали небо, но в доме было еще темно. В доме, который жил словно в прошлом веке. Габриэла попыталась убедить себя, что многие люди могут быть эксцентричны или просто помешаны на старине или уединении, что не делает их опасными или безумными. Но в тот самый момент, когда она уже хотела вернуться в свою комнату, крик повторился. Вернее, не крик, а, скорее, стон. Габриэла замерла, услышала еще один стон, который сочла бы просто завыванием ветра, если бы услышала впервые. Но сейчас обмануть себя было невозможно.

Подняться на второй этаж, идти по коридору, вглядываясь в закрытые двери. Снова стон. Зайти в комнату. Женщина на кровати. Машины выкачивают из ее тела кровь. Глаза женщины закрыты. Крови, заполнившей стеклянные сосуды, так много, что Габриэла не сомневается — она мертва. И новый стон. Откуда-то из глубины. Заставить себя двигаться. Комната в конце коридора. Именно оттуда доносятся стоны — Габриэла не сомневается в этом. Бежать. Бежать из дома. Но Габриэла идет вперед, к комнате. Дверь не заперта. Дверь в этом старом, затянутом паутиной доме. Чернокожий мальчик лежит на кровати. Ему не более десяти лет. К нему подсоединена такая же машина, как и к женщине в предыдущей комнате. Но крови в сосудах мало. Мальчика можно спасти. Габриэла делает шаг вперед, слышит звук подъезжающей к дому машины, замирает. Мальчик снова стонет. Сон вздрагивает, разваливается на части. Глаза открываются. Утро.

Габриэла не сразу поняла, что проснулась. Но сон не был сном. По крайней мере та его часть, где она слышала шум работы машины. Машина была в реальности, стояла возле дома и светила белыми лучами фар в окна. Габриэла поднялась с кровати.

Высокая женщина заглушила двигатель.

— Фредерика! — позвала она женщину, сидящую на заднем сиденье.

Женщина послушно вышла. Утро робко разбавляло ночь бледным светом, но и в полумраке Габриэла видела, что Фредерика похожа на большого ребенка. Большого, глупого ребенка. Женщина-даун. Хлопнула входная дверь.

— Надин? — удивился хозяин дома, увидев высокую женщину.

— Извини, Гэврил, но я так и не смогла научить это животное водить машину, — сказала она.

Хозяин дома подошел к Фредерике. Женщина не двигалась. Гэврил долго смотрел на нее, затем обернулся, уставился на окна комнаты, где остановилась ночная гостья.

Габриэла выругалась и спешно начала одеваться. Гэврил и Надин вошли в дом. Габриэла попробовала открыть окно, поняла, что это ей не удастся, и разбила хрупкое стекло. Звякнули посыпавшиеся осколки. Габриэла выбралась из дома и побежала к гаражу. Станный недавний сон все еще путал мысли, заставлял нервничать. Незакрытый замок упал на землю. Следом за ним цепь. Габриэла вывела мотоцикл из старого гаража, включила зажигание. Теперь бежать.

Габриэла увидела хозяина дома и высокую женщину, дала по газам, надеясь, что никто не попытается ее остановить. Хозяин дома шагнул вперед, попытался схватить ее. Зеркало заднего вида ударило его по руке. Брызнула кровь, попав Габриэле на лицо. Она нажала на тормоз, обернулась, желая убедиться, что с хозяином дома все в порядке, и снова дала по газам.

Старый дом удалялся, и вместе с ним удалялся страх. Теперь Габриэла могла рассмеяться. За последние годы она несколько раз сбегала из отелей, задолжав за номер. Она называлась чужим именем, врала, чтобы сэкономить на оплате за жилье или обед, но еще ни разу ей не приходилось разбивать стекла, чтобы скрыться раньше, чем обман раскроется.

— Все, хватит с меня! — сказала Габриэла, представляя как с новой работой все изменится. Эта мысль придала сил.

Она гнала мотоцикл без остановки до полудня.

Секретарша в главном офисе «Зеленого мира» смерила женщину в пыльной кожаной куртке недоверчивым взглядом и согласилась пропустить ее на прием только после того, как увидела документы, удостоверяющие личность Габриэлы, и письмо с подписью директора и знакомой печатью. Все это время Габриэла заставляла себя улыбаться. «Новая жизнь, — говорила она себе. — С этого дня новая жизнь». Но новая жизнь принесла новые странности. Сначала вернулись сны. Вернее, один сон — сон о чернокожем мальчике, из которого машины выкачивают кровь.

В новой квартире, предоставленной Габриэле на время работы в «Зеленом мире», было свежо. Кондиционеры работали исправно, но она снова и снова просыпалась в холодном поту. Сон повторялся. Повторялся так часто и становился таким реальным, что в конце концов Габриэла начала серьезно обдумывать идею вернуться в тот странный дом и проверить комнаты, где она видела во сне людей, из которых выкачивали кровь. Затем, следом за снами, появились видения. Особенно по ночам. Габриэла не могла избавиться от мысли, что за ней следят. Тени оживали, крались за ней. Она заканчивала работу и со всех ног бежала домой, чтобы оказаться под защитой стен раньше, чем наступит ночь. Габриэла даже начала принимать таблетки, которые ей выписал местный психолог, чтобы избавиться от этих страхов. Этот же психолог убедил ее, что сны — это связь с прошлым, с прежней работой и чувством вины за содеянные эксперименты над животными.

— Нет вины, — говорила ему Габриэла снова и снова, но терапия помогала, и она знала, что рано или поздно согласится с психологом и с обществом, отправившим уже однажды ее на дно жизни. Знала до тех пор, пока не появилась Надин: высокая и стройная, средних лет, в строгом платье и туфлях на высоком каблуке. Габриэла была ей чуть выше плеча.

— Знаешь, а генетика найти намного проще, чем девушку на мотоцикле, — сказала Надин, проходя в гостиную.

Она не ждала приглашения, но возразить ей Габриэла не решилась.

— Если вы хотите, чтобы я оплатила разбитое окно или извинилась, то...

— Мне интересны твои сны, — перебила ее Надин.

— Сны?

— Там, в доме... Ты ведь что-то видела... — Надин подошла к окну.

— Не нужно его открывать, — попросила Габриэла, не желая, чтобы ночь беспрепятственно лилась в дом.

— Ты боишься? — Надин обернулась, смерила ее внимательным взглядом. — Как много ты знаешь о хозяине того старого дома?

— Я ничего не знаю и знать не хочу.

— Верю. Я тоже не хотела. Но ты ему понравилась, — Надин улыбнулась. — Понравилась так же, как когда-то давно понравилась я, — еще одна улыбка. — Почти два века назад, если быть точным.

— Два века? — Габриэла смерила гостью презрительным взглядом. — Вы держите меня за идиотку?

— И я так говорила... — Надин все-таки открыла окно. — А еще я не верила, что кто-то хочет отказаться от бессмертия. Женщина, которая меня нашла. Она стояла передо мной так же, как сейчас перед тобой стою я, и говорила, что устала. Но Гэврил нуждается в одном из нас... Кстати, я не спросила, ты веришь в бессмертие?

— Нет.

— Это правильно. Потому что даже такие как Гэврил смертны. Он сам говорил мне, что смертен, просто... — Надин тряхнула головой. — Ты поверишь, если я скажу, что они появились на этой планете раньше, чем мы? Поверишь, если я скажу, что для них мы не более чем пища? Всего лишь стадо, за которым они наблюдают с рождения. Стадо, которое кормит их уже очень долго, — Надин заглянула Габриэле в глаза. — Ты не веришь. Я тоже не верила.

Она достала нож и прежде, чем Габриэла поняла, что происходит, резала себе ладонь. В открывшейся ране показались белые кости и перерезанные сухожилия. Кровь заструилась по пальцам, потекла на пол.

— Не обещаю, что они смогут сделать тебя бессмертной, но замедлить процесс старения им под силу. Когда Гэврил нашел меня, мне было почти тридцать, — Надин не отрываясь смотрела на свою ладонь. Свежая рана медленно начинала затягиваться. — Насколько я выгляжу сейчас? — она улыбнулась и показала Габриэле исцелившуюся руку.

— Как это? — растерялась Габриэла. — Это какой-то трюк?

— Трюк? — губы Надин изогнулись в усталой улыбке. — Возьми, — она протянула Габриэле нож. — Если хочешь, можешь порезать меня сама, только предупреждаю, это чертовски больно.

Надин вытянула вперед руку и закрыла глаза.

— Я не буду тебя резать.

— Генетик-злодей боится крови?

— Нет.

— Тогда режь. Особенно если это поможет тебе поверить.

— Не во что верить.

— Хочешь, чтобы тебя съели?

— Съели? — Габриэла хотела рассмеяться, но не смогла.

— В нашей крови есть энергия, которой питаются эти существа, — Надин ждала, что Габриэла возьмет нож. — Я видела только Гэврила, но он заверил меня, что его сородичи очень враждебны. Они ненавидят друг друга. Я думаю, это из-за того, что они слишком долго живут. Поэтому им нужно планировать все намного дальше, чем нам. Знаешь, Гэврил боится, что когда-нибудь настанет день и ему не найдется пищи. Представляешь, нас так много, но он боится. И еще он боится, что кто-то из его сородичей проберется на его территорию и начнет воровать его пищу.

— Пищу?

— Нас, глупая! — Надин рассмеялась, спрятала нож. — До встречи с Гэврилом я верила, что у меня есть душа, после — что у меня есть энергия, которая созревает во мне для того, чтобы такие, как он, могли питаться, поддерживать свое странное существование, и знаешь... Для того чтобы замедлить мое старение, Гэврил давал мне иногда немного этой пищи... Это нечто! — ее глаза вспыхнули. — Почти как наркотик... Но вечность утомляет. Поверь мне. Это не так интересно, как мне казалось. По крайней мере для меня. Гэврил думает, что ученый, как ты, мог бы использовать это иначе. Ты исследователь, но для исследований тебе не хватит времени. В этой жизни не хватит, но с Гэврилом...

— Ты сумасшедшая, — потеряла терпение Габриэла. — Не знаю, как ты проделала трюк со своим порезом, но...

— Так ты все еще не веришь? — теперь Надин вместо ножа предложила Габриэле крохотный стеклянный сосуд с темно-красной жидкостью.

— Это что такое, черт возьми? — скривилась Габриэла. — Это что, кровь?

— Не совсем кровь, но...

— Твою мать... — Габриэла попыталась к выходу, вспоминая свой сон, где из живого чернокожего мальчика выкачивали кровь. И еще женщина. Мертвая женщина, которая лежала на кровати. В какой-то момент она засомневалась, а что если в действительности это не было сном?

— Ты не сможешь убежать, — предупредила Надин. Габриэла не отвестила, открыла входную дверь. — Гэврил непустит тебя.

— Плевать! — Габриэла выбежала в ночь, в темноту.

Тени окружили ее, сгустились.

— Неужели ты хочешь умереть? — крикнула Надин.

Впереди, за поворотом, был фонарь. Габриэла знала, что был, но когда она добралась до того места, фонарь оказался разбитым.

— Черт! — Габриэла замерла, огляделась. Она могла поклясться, что кто-то идет за ней, что слышит шаги своего невидимого преследователя или преследователей.

— Ты не сможешь сбежать! — прокричала где-то далеко позади Надин. — Либо ты станешь пищей, либо той, кто поставляет ему пищу. Выбери.

— Пошла к черту! — Габриэла увидела вдалеке свет и побежала к витринам магазина.

Шаги за спиной стали громче. Тень мелькнула совсем рядом: стремительно, неуловимо, словно клинок рассекает воздух. Холод обжег плоть. Габриэла вскрикнула, но заставила себя не останавливаться. Она добежала до витрин магазинов, осмотрела рану на свету: глубокий порез с покрытыми инеем краями.

— Что за... — Габриэла зажала кровоточащую рану рукой.

Яркая неоновая вывеска над ее головой вспыхнула и погасла. Тьма, скрывавшая улицу, заструилась по земле к ногам Габриэлы. Ночь была теплой, но она могла поклясться, что чувствует холод, исходящий от темноты. Сейчас, как никогда, она пожалела, что рядом нет верного друга — старого мотоцикла, с которым они были так долго вместе. Сейчас можно было бы включить зажигание и умчаться прочь. Но мотоцикл давно пылился на стоянке, забытый и покинутый.

— Это сильнее нас, — сказала Надин. Женщина стояла вдали от мигающих витрин. Ее окружала тьма. — Как ты не поймешь, что нет смысла сопротивляться. Мы для них словно подопытные животные, над которыми ты раньше проводила эксперименты. Если тебе станет легче, то относись к этому, как к неизбежному злу. Тебе ведь не привыкать.

— Отстань от меня! — почти плаксиво взмолилась Габриэла, но тут же заставила себя собраться.

«Все это не по-настоящему, — сказала она себе. — Все это какой-то розыгрыш».

— Подумай о плюсах, — продолжила Надин, приближаясь к ней. — Ты сможешь продолжить свои исследования. У тебя будет столько времени, сколько ты захочешь...

— Почему же ты уходишь от своего хозяина? — спросила Габриэла, продвигаясь в сторону, где еще продолжали светить витрины, но они уже начинали мигать и гаснуть.

— Я жила слугой слишком долго, — Надин вышла на свет. Окружавшие ее тени остались позади. — Я хочу вспомнить, что такое быть человеком, и прожить то, что мне осталось.

— Почему ты думаешь, что я не хочу того же?

— Я не думаю. Если честно, то мне нет до тебя вообще никакого дела. Хочешь кого-то винить, вини Гэврила, — она обернулась, словно

в темноте мог находиться ее хозяин. А может, и находился? Габриэла вздрогнула, решив, что глаза подводят ее. Тени задрожали, сформировали образ.

— Не сопротивляйся, — сказал силуэт без лица, а в следующий момент яркий свет фар случайной машины разорвал темноту, прогоняя видение.

Тени метнулись прочь. Габриэла могла поклясться, что слышала их крик. Случайная машина вильнула в сторону, к тротуару. Или не случайная? Колеса перепрыгнули через бордюр. Надин обернулась в тот самый момент, когда машина ударила ее, подмяла под себя, подпрыгнула на изуродованном теле и так же неожиданно, как и прежде, вильнула в сторону, чтобы не сбить Габриэлу.

Все это произошло за пару секунд, но Габриэле казалось, что время остановилось. Она не смогла разглядеть лицо водителя — сознание вернулось, когда машина уже мчалась прочь. Габриэла видела ее красные огни. Затем она посмотрела на Надин. Ее ноги были сломаны. Виднелись белые кости. Колеса переехали грудь, разодрали платье, оставив черные кровоточащие следы от покрышек. Плоть в этих местах была содрана. Левая грудь свисала на асфальт бесформенными ошметками. Под бездыханным телом расползалась лужа крови. В стеклянных глазах застыла растерянность. Рот перекошен то ли от боли, то ли от презрения. Эту картину Габриэла могла видеть несколько секунд, затем неоновая вывеска над Надин погасла, и тени скрыли изуродованное тело. Густые, живые тени.

Габриэле снова показалось, что время застыло, как и в момент аварии. Она не могла дышать, не могла двигаться. Только смотреть. Затем Надин пошевелила рукой и начала подниматься на ноги. Захрустели кости и суставы. Тени окружали Надин, помогали подняться. Габриэла видела, как сломанные кости начинают срастаться. Плоть регенерировала. Габриэла услышала новый крик и поняла, что кричит она сама. Немота оставила тело. Ватные ноги заставили развернуться и побежать прочь. И не оборачиваться. Не смотреть.

Габриэла пришла в себя лишь на стоянке. Сознание вернулось. Легкие горели. Все тело покрылось потом. Теперь забрать мотоцикл и мчаться прочь. Старый железный друг не подведет. Габриэла выехала за город, но не остановилась. Белый свет фар освещал черное полотно дороги, прогоняя темноту, и это было главное. Ни одна тьма не сможет добраться до нее теперь. Ни одно безумие не подчинит себе.

Габриэла увеличила скорость, радуясь ветру и ночной прохладе. Она не знала, куда едет, но это сейчас было не главным. Имело смысл лишь само движение, сама скорость. Но где-то в глубине сознания ей приходилось признавать, что она бежит от своих страхов, от темноты,

крадущейся за мотоциклом. Габриэла заставила себя не оглядываться. Воображение нарисовало ей изуродованное, перемещающееся словно гигантское насекомое тело Надин, и рядом с ней ее хозяина — высокого мужчину с бледной кожей, который питается энергией людей, разводит их, как животных. И нет смысла бежать, потому что где-то есть такие же, как Гэврил, и вся планета поделена на пастбища.

Новый приступ страха заставил снова увеличить скорость. Резина закричала на крутом повороте. Габриэла с трудом удержала мотоцикл на дороге, но скорость не снизила. Она неслась так до тех пор, пока не наступило утро. Молочный свет прорезал небо. Тьма зашипела, начала отступать. Но ощущение погони заставляло Габриэлу двигаться вперед до тех пор, пока зарождавшийся день не расплавил последние клочки теней и ночи. Только тогда Габриэла позволила себе остановиться, сняла шлем и попыталась отдышаться.

Двигатель мотоцикла перегрелся, и от него веяло жаром. Габриэла вздрогнула, увидев на боковом зеркале запекшуюся кровь, которая появилась после бегства из старого дома в горах. Кровь Гэврила.

— Человек. Он всего лишь человек, — сказала Габриэла, пытаясь объяснить все, что случилось с ней в эту ночь. Но объяснений не было. Логичных объяснений. — Или нет? — Габриэла заставила себя успокоиться, заставила себя думать, отбросив страх или же поставив его на свою сторону. — Все хорошо, — тихо сказала она. — Все хорошо.

Теперь развернуть мотоцикл, вернуться назад в «Зеленый мир». Оборотование не самое лучшее и давно устарело, но его хватит для того, чтобы клонировать Гэврила, чья кровь находилась на старом мотоцикле.

Габриэла потратила на эту затею три долгих дня, за которые тени почти добрались до нее. Холодные, густые тени, в которых была жизнь. Габриэла не хотела верить в последнее, но знала, что это так. И где-то там была изуродованная в аварии Надин, которая передвигалась словно гигантское насекомое. Шея ее изогнулась, вывернулась на сто восемьдесят градусов. То же самое произошло и с суставами. Сейчас она напоминала Габриэле паука, правда конечностей у нее было всего четыре. Надин не выходила больше на свет, держалась всегда в тени и звала Габриэлу, убеждала присоединиться к Гэврилу... Присоединиться к тому, чьи клоны развивались в лаборатории «Зеленого мира».

Первые попытки потерпели неудачу, поэтому Габриэла пыталась запустить сразу несколько камер. Она знала, что один из клонов когда-нибудь обязательно выживет, и тогда она сможет изучить врага, тогда она сможет убедить себя, что это всего лишь человек, а все остальное либо дьявольский розыгрыш, либо игра воображения. В сверхъестественное Габриэла не верила. Не верила она и в рассказ Надин о пастбищах, созданных на этой планете такими, как Гэврил, много тысячелетий назад.

Не хотела верить, отказывалась до тех пор, пока на свет не появились два клона Гэврила. Это было неожиданно, и Габриэла так и не смогла определить, какого из двух мальчиков оставить. Или же существ? Она провела десяток тестов, может быть сотню, но все говорило о том, что это не люди. Очень похожи на людей, но немного другие. Словно рассказы Надин о пастбищах были правдой, и эти существа действительно создали людей, взяв за основу свой образ, но забрав силу и вечную жизнь.

Габриэла заварила кофе и попыталась взять себя в руки. Она не спала несколько суток, если не считать короткой дремоты в периоды ожидания, но это была жалкая компенсация. Усталость брала свое. Габриэла откинулась на спинку дивана и закрыла глаза. Она держала чашку кофе в руке, но сон уже подкрался к ней. Темный, беспокойный сон, похожий на тени, которые следовали за Надин. Но ей было плевать. Сейчас сон был сладким и желанным. Возможно, самым желанным из всего, что случилось с ней в последние дни. Сон, прерванный диким криком.

В первые мгновения после пробуждения Габриэла решила, что ей приснился кошмар и это кричит она, но крик рвался не из ее горла. Два ребенка, два клона Гэврила, выбравшись из своих камер, рвали друг друга на части. Кровь и ошметки плоти летели в разные стороны. Это были всего лишь дети, но дети ненавидели друг друга и дрались словно разъяренные дикие животные. Габриэла понимала, что должна остановить их, спасти, но она не могла пошевелиться. Зрелище подчинило ее. Или же не желая, чтобы она вмешивалась, это сделали клоны Гэврила телепатически или еще каким-то неизученным способом? Габриэла не знала, лишь видела, как тени в углах ожили, потянулись к центру безумного поединка. Одна из теней коснулась ноги Габриэлы. Холод обжег, оставил бледный рубец. Габриэла вздрогнула, прижала ладонь к обмороженной коже.

Раздался крик одного из детей: дикий, словно вопль умирающего животного, обжигающий сознание подобно тому, как мгновение назад кожу обжег холод прикоснувшихся теней. Физическая боль отступила. В наступившей тишине было слышно, как бьется собственное сердце. Габриэла заставила себя поднять глаза и посмотреть на сражавшихся детей.

Поле боя все еще окружали тени, но сам бой уже прекратился. Один из младенцев был мертв. Другой, изуродованный и окровавленный, лежал на спине и жадно хватал крохотным ртом воздух. Его прорезавшиеся молочные зубы были покрыты кровью. На губах пенилась алая жижа. Габриэла смотрела на младенца и чувствовала, как страх уходит, уступая место материнскому инстинкту. Ребенок умирал. Тени наступали на него. Тени, посланные Гэврилом. Габриэла не сомневалась в этом. Лампы дневного света замигали, начали гаснуть одна за другой. Тьма сгустилась над клонированными младенцами. Тени забрали мертвое тело, растворили его в своей холодной густоте и начали подкра-

дываться к еще живому ребенку, жечь его кожу. Ребенок открыл глаза и заплакал.

— Какого черта ты делаешь? — закричала из темноты Надин, когда Габриэла, схватив младенца, выбежала с ним в круг света от еще не потухшей лампы.

Тени метнулись следом за ней, зашипели, отступили от света. Габриэла замерла. Ребенок на ее руках, не моргая, смотрел ей в глаза.

— Он все равно умрет, — сказала из темноты Надин. — Он должен умереть! Обязан!

— Пошла к черту! — Габриэла дотянулась до выключателя резервного освещения.

Белый свет залил лабораторию. Она так и не смогла рассмотреть Надин. Тени заматались, ища спасение от света, растаяли, и вместе с ними растаял образ Надин. Ребенок на руках Габриэлы успокоился, закрыл глаза, заснул. Его умиротворение принесло спокойствие и Габриэле. Все ушло, закончилось. Сейчас, здесь. Габриэла уложила ребенка на стол, смыла с него кровь, обработала рваные уродливые раны, начавшие затягиваться и исцеляться прежде, чем она успела наложить бинты.

— Все с тобой будет в порядке, — тихо сказала младенцу Габриэла.

Ребенок не проснулся, но улыбнулся сквозь сон. Сейчас он выглядел самым обыкновенным. Его образ был подобен образу купидонов, которых Габриэла видела в старых храмах, но образ этот был обманчив. Как прекрасная скульптура из камня, как бы сильно она ни была похожа на живого человека, хранила в себе холод материала, из которого была создана, так и за внешней невинностью младенца скрывалась сила. Такая же темная и чуждая для человечества, как та, что была у Гэврила и поддерживала в изуродованном теле Надин жизнь. Габриэла знала это, но не могла ничего с собой поделать. Ребенок был для нее просто ребенком, которого она хотела защищать, оберегать, заботиться о нем. Она так и заснула рядом с ним — сложив на столе руки и положив на них тяжелую усталую голову.

Надин видела Габриэлу, наблюдала за ней с улицы. Свет выгнал ее в ночь, за окна, заставив прятаться в темноте. Нет, она сама не боялась света, но света боялся ее хозяин. За долгие годы она изучила это достаточно хорошо. Как и то, что нужно всегда быть настороже. Соплеменники Гэврила не дремлют. Они не рискуют нарушать границы установленных владений лично, потому что даже у таких тварей, как они, есть правила и уставы. Есть свод законов, на которых держится их темный мир. Но они не стесняются посылать слуг на чужие пастбища, открывая сезон охоты на других слуг.

Надин знала, что последние годы работает слишком усердно. Кто-то обязательно заметит ее и захочет убить. Но она хотела выслужиться перед Гэврилом, чтобы он позволил ей оставить его ради настоящего

мужчины из плоти и крови. Сначала это были мечты, надежды, но затем, когда появилась Габриэла, Надин впервые ощутила, что цель близка. Новый слуга, казалось, был уже согласен. Нужно лишь правильно все объяснить, донести, но... Надин не сомневалась, что смогла бы достичь успеха, если бы не появились слуги соплеменников Гэврила. Она на мгновение утратила бдительность и поплатилась за это, оказавшись под колесами черного автомобиля.

Сейчас, наблюдая за тем, как спят Габриэла и клонированный младенец, Надин думала лишь о том, сможет ли Гэврил вернуть ей прежнее тело. Нет, она не чувствовала боли и дискомфорта от своей новой изуродованной оболочки. Но разве мир примет ее такой? Не станет ли она еще одной тенью, еще одной уродливой тварью, крадущейся в ночи боясь яркого света и своего уродства?

Надин вспоминала мужчину, ради которого хотела отказаться от своего бессмертия и своей службы. Его звали Гирт, и он был самым необыкновенным из всех, кого она встречала за последнюю сотню лет. Его необыкновенность заключалась в простоте, в обыкновенности. Последнее для Надин было важнее всего. Гэврил обещал, что как только она оставит его, перестанет принимать кровь древних, то организм восстановится, утратит чудесную способность к регенерации, начнет стареть. Она мечтала об этом дне, мечтала, что у них с Гиртом будет настоящая семья. Мечтала, как состарится, как увидит своих внуков. Но сейчас, в этом новом теле, все мечты летели в пропасть, в бездну. Вечность сократилась до нескольких дней, возможно — часов.

Надин не знала, сколько теперь проживет ее тело, не знала, сможет ли Гэврил все исправить, да и захочет ли он исправлять. К тому же ее замена в лице Габриэлы показала зубы, отказалась от предложенной службы. И еще этот ребенок — клон Гэврила. Несомненно, хозяин захочет избавиться от него. Несомненно, Габриэла попытается спасти ребенка... И все закрутится, запутается, затянется... Но нет гарантии, что Гирт станет ждать еще добрый десяток лет. Он слишком обыкновенный для подобных сложностей.

Изуродованное лицо Надин исказилось судорогами, из глаз потекли редкие слезы. У нее были в запасе несколько часов. Затем вернется Гэврил, начнется рассвет. И даже если хозяин предпочтет дожидаться следующей ночи, Надин все равно не сможет перемещаться в таком теле днем. Поэтому если она хочет проститься с Гиртом, то действовать нужно прямо сейчас — оставить свой пост и, прячась в темноте, красясь к дому возлюбленного...

Гирт встретил ее криками и опорожненным от страха кишечником. Надин умоляла не смотреть на нее, умоляла слушать ее голос, довериться ей, но он не понимал ее, не понимал, что это она, не хотел, не мог

понять. Уродливая тварь, похожая на женщину-паука, пряталась в темноте его дома, и он умолял, чтобы она ушла, оставила его в покое. Надин заплакала, осознав свою ошибку, свою потерю. Гирт не заметил слез, не понял их. Обида на его бесчувствие породила гнев. В уродливом теле начали проявляться уродливые инстинкты и чувства. Надин ощутила острое желание причинить Гирту боль. Такую же боль, как та, что он сейчас причинял ей. Ее глаза налились кровью. Весь мир налился кровью. Она зарычала, вышла из темноты, заставив Гирта снова закричать.

— Беги! — приказала ему Надин, надеясь, что как только он уйдет, гнев оставит ее. — Беги немедленно!

Она закрыла глаза, услышала, как захлопнулась входная дверь. Дом опустел. Где-то далеко заскрипели ворота. Надин хорошо знала этот звук. «Сейчас Гирт заведет свою старую машину и умчится прочь», — решила она, но вместо этого Гирт вернулся в дом, взяв в гараже топор. Уродливая тварь, пробравшаяся в комнату, пугала, но страх придавал сил и решимости. Сталь сверкнула в темноте. Надин увернулась от первого удара. Следующим ударом Гирт отсек ей левую руку, вернее то, что раньше было рукой, сейчас же это больше напоминало одну из многочисленных конечностей паука. Надин закричала. Закричала не от боли. Закричала от бессилия, от понимания того, что больше не может сдерживать свой гнев.

Топор снова метнулся вверх, но Надин двигалась слишком быстро. Она сбила Гирта с ног, сломав ему пару ребер. Он упал возле дальней стены, но не выронил топор. Захрипел, попытался подняться и продолжить атаку. На мгновение сознание вернулось к Надин. Ее человеческое сознание.

Она развернулась и выпрыгнула в окно. Зазвенели разбитые стекла. Из отрубленной руки хлестала кровь. Суставы были вывернуты, и Надин с трудом могла ковылять вперед на трех конечностях. Гирт выбежал из дома и продолжил свое преследование. Одно из сломанных ребер проткнуло легкое, на губах вздувались кровавые пузыри, но он не замечал этого. Страх затмил сознание. Не было ни боли, ни усталости. Гирт догнал Надин и взмахнул топором. Холодная сталь с хлопаньем рассекла мягкую плоть. Надин взмолилась о пощаде, но Гирт не услышал. Топор взмывал вверх и опускался снова и снова. Затем Гирт увидел, как тени сгустились, укрыли разрубленное на части тело вторгшейся в его дом твари, растворили его. Осталась лишь кровь, кости, куски разлагающейся плоти и тошнотворный запах. Гирт выронил топор и потерял сознание.

Надин умерла, но Габриэла, проснувшись утром, все еще думала, что эта женщина где-то рядом, наблюдает за ней. Ребенок, которого она спасла ночью, подросток. Сейчас ему было около трех лет. Он сидел на столе и наблюдал за ней. У него были пытливые голубые глаза и бледная кожа. Габриэла смотрела на него и спрашивала себя, почему прежде никогда не хотела

завести детей? Прошедшая ночь и смерть одного из младенцев стерлись из памяти, стали призрачной дымкой, туманом, словно кто-то пробрался в голову и подменил мысли, чувства. «Все наладится», — сказала себе Габриэла, понимая, что ей нравится новая роль заботливой матери.

— Гэврил вернется, — сказал ребенок, словно зная все ее мысли.

— Гэврил? — Габриэла нахмурилась. Имя показалось знакомым. Затем пришли воспоминания. Она посмотрела на ребенка и осторожно кивнула, соглашаясь с его замечанием. — Так все, что о нем рассказала Надин, правда? — Габриэла увидела, как мальчик кивнул. — А ты... Ты знаешь, кто ты?

— Я знаю, что ты создала меня.

— Верно... и кровь Гэврила была твоим началом. Ты понимаешь, что это значит?

— Для нас это ничего не значит.

— Думаешь, Гэврил захочет убить тебя?

— Не сомневаюсь.

— А ты... Ты сможешь противостоять ему?

— Пока нет.

— Тебе нужно подрасти?

— Мне нужно, чтобы ты позаботилась обо мне.

— Позабочусь... — Габриэла огляделась, пытаясь решить, где ребенок сможет быть в безопасности.

— Пока я не вырасту, нам лучше держаться подальше от этого города.

— Конечно.

— А потом мне придется вернуться и сразиться с Гэврилом...

Взгляд мальчика впился в глаза Габриэлы. Он словно ждал одобрения, но одобрения не было. Габриэла не знала почему, но все, о чем она могла думать — это то, что она не хочет больше никогда отпускать этого ребенка. Пусть она не вынашивала его как мать, но она дала ему жизнь, она создала его, и она в ответе за него...

— Думаю, нужно дать тебе имя, — сказала Габриэла, заставляя себя не думать о дне, когда ребенок вырастет и покинет ее.

— Можешь называть меня Эмилиан.

— Эмилиан? Ты сам придумал это имя?

— Оно означает претендент. Думаю, это то, что подходит мне.

— Наверное... — Габриэла нахмурилась, хотела предложить пару других имен, но так и не решилась. Да и названное мальчиком имя начинало нравиться ей все больше и больше. — Но куда ехать?

— Ты можешь продать свой мотоцикл, — сказал Эмилиан.

— Мотоцикл? — Габриэла вспомнила старого железного друга, но так и не смогла возразить ребенку. Ее ребенку.

Глава вторая

Детектив Джейсон Оливер. Ему было почти сорок. Он разводился с женой Биатрис и проводил выходные с дочерью Лорой — подростком, который с каждым месяцем становился все более и более несносным. Сначала она любит отца, затем мать, потом зубного врача, с которым живет мать, затем ненавидит зубного врача, ненавидит своих родителей, ненавидит себя... В ту ночь, когда детектив Оливер впервые столкнулся с тенью, у Лоры как раз был очередной приступ ненависти ко всему миру. Детектив Оливер ехал к месту преступления и уверял себя, что дочь пройдет через это и снова станет милой Лорой, радовавшей своих родителей еще год назад. Штатный психолог из их участка сказала, что так все и будет.

— Переходный возраст переворачивает мир подростка с ног на голову. К тому же добавь сюда развод. Лора отказывается принять это как неизбежность и не знает, кого обвинить в случившемся: родителей, себя, мужчину, с которым сейчас живет мать, женщину, с которой живет отец... — психолог еще о чем-то говорила, но Оливер уже не слушал ее. Не хотел слушать, не хотел думать.

Сейчас, по дороге на вызов в четыре часа утра, он тоже не хотел ни о чем думать. Устал думать.

— Что это такое, черт возьми? — спросил Оливер патрульного, указывая на лужу черной жижи посреди дороги.

— Медики сказали, что это останки человека.

— Вот как? — хмыкнул Оливер. Реальность до боли напоминала дурной сон.

— Хотите, чтобы я опросил свидетелей? — спросил патрульный.

— Свидетелей? — Оливер окинул отрешенным взглядом собравшихся людей. Красные фонари неотложки, неуклюже притулившейся у тротуара, слепили глаза мигающими огнями. Двери машины были открыты, и Оливер видел внутри мужчину. — Это свидетель или подозреваемый? — спросил Оливер патрульного.

— Свидетели говорят, подозреваемый.

— А где его машина?

— Зачем ему машина?

— Ну, он же должен был как-то привезти сюда все эти останки?

— Люди говорят, он ее разрубил, — взгляд офицера устремился к топору. Оливер закурил, посмотрел на жижу, оставшуюся от человека, на топор.

— Так невозможно разрубить человека, — решил Оливер.

Молодой патрульный пожал плечами.

— Можете осмотреть дом подозреваемого.

— Так он живет на этой улице?

— В самом начале.

— Понятно.

Оливер снова посмотрел на окровавленный топор. Темный шлейф крови тянулся по дороге к дому подозреваемого. В почтовом ящике лежала пара писем Гирту Делаверу. Одно письмо от рекламной компании пылесосов, второе от женщины по имени Надин. Входная дверь была открыта. Оливер вошел в дом. Стекла разбитого окна в гостиной хрустнули под ногами. На темно-сером ковре лежала отрубленная рука. Воображение нарисовало картину убийства. Оливер представил, как мужчина отрубает женщине руку, она, спасаясь, выпрыгивает в окно, бежит по улице, а мужчина идет за ней с топором и медленно добивает. Оливер выругался и достал еще одну сигарету. «Может быть, Биатрис была права, и от этой работы действительно можно сойти с ума?» — подумал он, вспоминая свою жену.

Позже, в участке, слушая рассказ Гирта Делавера об уродливой твари, проникшей в его дом, он уже не сомневался в правоте слов бывшей жены.

— Кто такая Надин? — спросил Оливер подозреваемого, решив, что это сможет вернуть того в чувство. — У вас с ней был роман? — он положил на стол письмо Надин, которое нашел в почтовом ящике. Гирт вздрогнул, нахмурился. — Это она, да? — Оливер заглянул ему в глаза. — Это она пришла к тебе в образе монстра?

— Нет.

— Я нашел в твоём доме женскую руку.

— Это был монстр.

— Это ты видел монстра... — Оливер закурил, предложил сигарету Гирту. — Я одного не могу понять, что ты сделал с остальным телом? Это была кислота или щелочь?

— Тени.

— Тени?

— Они скрыли тело монстра, забрали его.

— Понятно... — Оливер покинул комнату для допросов, чтобы не наговорить лишнего.

Перед глазами настырно витали картинки описанного Делавером монстра. Уродливая паукообразная тварь с вывернутыми наизнанку суставами. Оливер снова тихо выругался, выпил пару чашек кофе, чтобы прогнать сон. Ближе к полудню пришел отчет патологоанатома. Собранная с дороги жижа не поддавалась анализу. Оливер бегло просмотрел отчет по отрубленной руке, протер глаза, решил, что понял что-то неверно, снова прочитал. Нет, ошибки не было. Все суставы на руке были вывернуты наизнанку.

— Это что за дерьмо? — спросил Оливер, встретившись с патологоанатомом лично. В морге было холодно и тихо. Жаркий день и суета дня оставались где-то далеко. — Это что, какой-то розыгрыш? Кто-то решил подшутить надо мной?

— Подшутить? — сидящий патологоанатом смерил детектива растерянным взглядом.

— Просто скажите, что это шутка, и забудем об этом, — поторопил Оливер.

— Давайте лучше я покажу вам эту руку, а вы уже сами все решите.

Патологоанатом жестом позвал его за собой. В морозильной камере лежал запечатанный пакет с останками человеческого тела и отрубленная рука. Патологоанатом достал руку, открыл пакет.

— Посмотрите на ее пальцы. На ее кисть. Ни одного нормального сустава.

— И что это значит? — спросил Оливер.

— Вы мне скажите.

— Это могло быть сделано хирургически?

— Сомневаюсь.

— Значит, человек таким родился?

— Я подобного не встречал, — патологоанатом растерянно пожал плечами и посоветовал проверить отпечатки пальцев. — Ответ всегда где-то на поверхности, нужно лишь знать, куда смотреть, — сказал он детективу перед тем, как тот ушел.

Оливер не ответил. Вернувшись в участок, он провел за компьютером несколько часов, но поиск по базам отпечатков пальцев так и не дал результата. Вернее, результат был, но от него появлялось больше вопросов, чем объяснений. Если верить машине, то рука принадлежала женщине по имени Надин Торн, последнее упоминание о которой было сделано более ста лет назад. Детектив Оливер распечатал ее фотографию и несколько раз перечитал письмо, найденное в почтовом ящике Гирта Делавера. Он вернулся в комнату для допросов и бросил письмо и фотографию Надин на стол.

— Что все это значит, черт возьми? — спросил он подозреваемого. Гирт Делавер увидел фотографию, просветлел. Его тонкие губы растянулись в улыбке. В усталых глазах появилось тепло. — Куда вы хотели уехать с ней? — спросил детектив Оливер.

— Откуда вы знаете... — Гирт скосил глаза к письму Надин.

— Кто эта женщина?

— Она тут ни при чем.

— Как это ни при чем? — детектив Оливер достал сигарету, но так и не прикурил. — Чертов псих, — процедил он сквозь зубы, вспоминая отрубленную руку Надин и оставшуюся от ее тела не поддающуюся анализу жижу. — Ты убил ее.

— Я не убивал ее, — затряс головой Гирт.

— Мы нашли в твоём доме ее руку! Ее кровь была на твоём топоре. Не знаю, что ты сделал с телом, но...

— Я не убивал ее... — настырно повторил Гирт, но внутри у него что-то екнуло. Солнечный день прогнал страхи. Теперь он мог вспомнить пришедшую в его дом тварь, не испытывая прежний ужас.

— Надин была больна, ведь так? — детектив Джейсон Оливер подался вперед, навис над подозреваемым, опираясь руками о стол. — Поэтому ты называл ее тварью? Поэтому ты убил ее?

— Я не убивал ее! — закричал Гирт. — Не убивал! Не убивал! — голос его сорвался.

— Скажи, как ты избавился от ее тела, — устало сказал детектив. Гирт покачал головой. Джейсон Оливер сел за стол напротив подозреваемого, протянул ему сигарету, указал на фотографию Надин. — Я получил фото из базы отпечатков пальцев. Рука женщины в твоём доме принадлежит Надин Торн.

— Это была тварь.

— Это ты так называл ее? Ладно. Но если верить письму, которое Надин написала тебе, то у нее были к тебе чувства. Она строила планы на жизнь, в которых был ты...

— Надин не тварь! — снова закричал Гирт охрипшим голосом.

— Тогда почему ты убил ее?

— Я ее не убивал... — он обмяк. Мысли спутались. Гирт закрыл глаза, надеясь, что сейчас проснется и кошмар закончится.

— Соседи видели тебя на улице с топором. На топоре была кровь Надин Торн и твои отпечатки...

— Это была тварь... — прошептал Гирт. — Она пришла в мой дом, напала на меня. Спросите врачей, они подтвердят, что у меня сломаны ребра.

— Женщина не могла нанести такой удар.

— Это была не женщина! — Гирт вздрогнул, вспомнив лицо твари, напавшей на него. — А та рука, которую вы нашли у меня в доме, она...

она... ее суставы... у твари были вывернуты наизнанку все суставы. Как у насекомого... Не знаю... Это... — память ожила, принесла голос твари. Знакомый голос. — Это не могла быть Надин, — по лицу Гирта покатались крупные капли пота. — Я познакомился с Надин несколько лет назад, и она была самой красивой женщиной из всех, кого я знал, а эта тварь, которая пришла ко мне ночью, это было...

— Хочешь я познакомлю тебя с нашим психологом? — предложил ему детектив.

— Что? С психологом? Зачем?

— Ее зовут Клео Вудворт, и она сможет помочь тебе.

— Помочь в чем? — где-то подсознательно Гирт начинал понимать, что случилось на самом деле. — Помочь в чем? — закричал он, пытаясь наброситься на детектива, как на единственный источник проблем.

Джейсон Оливер толкнул его в грудь, заставляя сесть обратно на стул. Сломанные ребра отозвались острой болью. Гирт застонал. Воспоминания снова вернули его в минувшую ночь. Теперь он видел все как на фотографии. Видел себя, видел тварь у окна. Уродливую тварь на четырех конечностях. Ее грудь находилась сверху, словно два небольших горба. Шея была вывернута на сто восемьдесят градусов. Лицо искажали судороги... Но это было знакомое лицо. Определенно. Сейчас Гирт не сомневался в этом. Он зажмурился. Безумие, казалось, пробирается прямо в мозг, скребется изнутри по черепу. Безумие, в котором к нему пришла Надин в образе уродливой паукообразной твари. Его прекрасная Надин.

— Я знал, что все не может быть так хорошо, — пробормотал он не столько детективу, сколько просто думая вслух.

Они встретились с Надин случайно. Было раннее утро. Гирт возвращался с ночной смены. Женщина стояла на мосту у местной дамбы и смотрела в разверзшуюся далеко внизу бездну. Фары выхватили ее из туманной молочной белизны утра на короткое мгновение, но этого хватило Гирту, чтобы понять, что происходит. Он нажал на тормоз, выскочил из машины. Женщина обернулась, встретила с ним взглядом и на губах ее появилась улыбка.

— Не делай этого, — попросил Гирт. Еще в детстве родители велели ему держаться подальше от дамбы, пугая статистикой погибших здесь людей. — Не надо.

— Почему? — женщина улыбалась, но голос ее был монотонным, безжизненным.

— Это глупо, — сказал Гирт.

— Что ты знаешь о глупости? — спросила женщина.

— Я знаю, что прыгать с этого моста — глупость.

— Верно. Я не умру.

— Как раз наоборот, — Гирт попытался вспомнить имена тех, кто утонул здесь.

— Я другая, — сказала женщина.

— Сильно сомневаюсь, — Гирт осторожно подошел к ней.

Женщина не двигалась. Редкие порывы ветра колыхали подол черного платья. Ей было около тридцати, может, чуть больше. Длинные волосы волнами рассыпались по плечам. От нее пахло цветами и зимней свежестью. Запах был тонким, но Гирт почему-то уловил его. Никогда прежде не улавливал запахи женщин, ароматы духов, но сейчас уловил. Еще ему показалось, что на какое-то мгновение он услышал мысли этой странной женщины, возле ног которой клубились густые тени. Нет. Гирт никогда не боялся темноты, не верил в темноту. Этим утром он тоже не верил, не боялся, но тени были.

— Где ты живешь? — спросил женщину Гирт. — Давай я отвезу тебя домой?

— Я не хочу домой.

— Ладно... — Гирт огляделся по сторонам. — Тогда куда ты хочешь поехать?

— Никуда.

— Но и здесь я оставить тебя не смогу, — Гирт начал рассказывать о своей скучной однообразной работе, о том, что едет сейчас с ночной смены. — Если ты согласишься, то я могу выпить с тобой пару чашек кофе. Только не прыгай.

— Почему ты хочешь спасти меня?

— Потому что я не хочу, чтобы кто-то умирал. По крайней мере не так глупо.

— Ты ничего не понимаешь в глупости, — женщина тяжело вздохнула и пошла к его машине.

Они остановились в небольшом кафе, вдали от дамбы.

— Меня зовут Надин, — сказала женщина, закуривая сигарету.

Кафе только открылось, и посетителей не было. В открытые окна врывался ветер. Гирт заказал два кофе. Надин курила сигарету за сигаретой и молчала.

— У тебя есть семья? — спросил Гирт, устав от тишины. Она наградила его странным взглядом и качнула головой. — У меня тоже нет.

— Почему?

— Не знаю, — Гирт заставил себя улыбнуться. — Наверное, просто как-то не сложилось.

— А ты хотел семью?

— Как и все.

— Все люди разные.

— Ты разве не хочешь завести семью?

— Я не могу завести семью.
— Все могут завести семью.
— Иногда все становится очень сложно.
— С партнером?
— Со всем.
— Сомневаюсь, что такая женщина, как ты, не может найти себе достойного партнера.
— Ты считаешь меня красивой?
— Очень.
— Вот как... — Надин окинула его внимательным взглядом, словно увидела впервые. — Хочешь провести со мной ночь?
— Ночь?
— Ну или день, в общем... — она опустила глаза.
— Так ты... — Гирт почувствовал разочарование.
— Нет... — Надин улыбнулась. — По крайней мере, я не занимаюсь этим за деньги.
— Это хорошо.
— Ты так думаешь?
— Уверен, — Гирт вспомнил дамбу и подумал, что если сейчас уйдет, то эта женщина обязательно вернется и сделает то, что хотела сделать утром. — Если ты не хочешь быть одна, то мы можем поехать ко мне, я переоденусь, а потом...
— Мне казалось, ты говорил, что я красивая.
— Красивая.
— Тогда почему ты не хочешь заняться со мной сексом?
— Дело не во мне.
— Тогда в чем?
— Думаю, ты сама этого не хочешь.
— Ты меня не знаешь. Совсем не знаешь.
Надин поднялась из-за стола, покинула кафе. Гирт догнал ее, спросил, куда она идет. Надин пожала плечами. Солнце на небе то выглядывало из облаков, слепя глаза, то снова пряталось за сливочные пудинги, плывущие по небу.
— Езжай домой, Гирт, — сказала Надин. — Возвращайся в свой маленький скучный мир.
— Не могу, — он взял ее за руку, желая показать, что не отпустит ее. Не сейчас. Не так. — Не хочу прочитать о тебе в некрологах.
— Мне не нужна твоя жалость.
— Я разве говорил о жалости? — он улыбнулся. Надин вяло попыталась высвободить руку. — Не знаю, что у тебя случилось, но уверен, из любой ситуации есть выход.
— Я знаю.

— Не дамба, — Гирт потянул Надин к своей машине, усадил на пассажирское сиденье. Официантка в кафе стояла у окна, наблюдая за ними. — Думаю, она считает, что я маньяк, который похищает девушку на стоянке, — попытался пошутить Гирт.

— Думаю, она просто считает, что у нас семейная размолвка, — сказала Надин.

— Ну пусть будет размолвка, — Гирт сел за руль, включил зажигание. Надин откинулась на спинку сиденья и закрыла глаза. — Не хочешь говорить? — спросил Гирт. Она не ответила. Гирт кивнул, выехал со стоянки.

Когда он остановился возле своего дома, Надин открыла глаза, вышла из машины.

— Ты правда здесь живешь? — спросила она, разглядывая скромный одноэтажный дом.

— Не нравится?

— Наоборот, — она улыбнулась. — Это даже лучше, чем я себе представляла.

Они прошли в дом.

— Я только приму душ и переоденусь, — сказал Гирт и выпросил у Надин обещание, что она дождется его.

— Посмотрим! — рассмеялась Надин и начала по-хозяйски ходить по квартире, изучать ее.

Около минуты Гирт наблюдал за ней, затем отправился в душ. Когда он вернулся в гостиную, Надин спала на диване. Гирт укрыл ее покрывалом. Она спала до позднего вечера — дольше, чем спал сам Гирт, уставший после ночной смены.

— А ты и правда очень странный, — сказала Надин, когда он позвал ее ужинать.

— Почему? — спросил Гирт.

Она встретилась с ним взглядом, но так и не ответила. Лишь сказала, что ей нужно уходить.

— И не бойся. Тебе не придется читать обо мне в некрологах, — заверила Надин.

Гирт стоял у окна и смотрел, как она идет по залитой алым закатом улице. Он не знал, вернется она или нет, не думал, не надеялся. Но Надин вернулась. Пришла неделю спустя и предложила устроить свидание.

— Только сделай это не из жалости ко мне, — попросила она. Гирт сказал, что уже забыл о дамбе и о том далеком утре. — Хорошо, — сказала Надин и дала ему пятнадцать минут, чтобы собраться.

На улице их ждало такси. Ресторан, куда привела Гирта Надин, был дорогим, и он чувствовал себя неловко.

— Если хочешь, то можем пойти куда-нибудь, где тебе будет более комфортно, — предложила Надин.

— Нет. Все нормально, — соврал Гирт, однако через четверть часа признался, что лучше будет уйти.

Был поздний вечер, и когда они вышли на улицу, их окружили густые тени. Надин, казалось, совершенно не замечала их, но Гирт чувствовал дискомфорт еще больший, чем в ресторане. Он неосознанно выбирал те места, где фонари светили ярче других, где было больше всего неоновых вывесок, витрин. Но тени преследовали их, шли по пятам.

— Что-то не так? — растерянно спросила Надин.

— Просто разыгралось воображение.

Гирт заставил себя не обращать внимания на тени. Попытался заставить, но ночь начала пугать его, хотя никогда прежде не пугала. В детстве он не боялся темноты. Не видел в ней ничего сверхъестественного, но сейчас казалось, что мир встал с ног на голову. Гирт поймал себя на мысли, что единственное, чего он хочет — вернуться домой, включить свет во всех комнатах и закрыть двери.

— Гирт? — Надин взяла его под руку. Близость женского тела помогла отвлечься, но он все равно видел, как тени ползут за ними, преследуют их. — Если хочешь, то можем поужинать у тебя, — предложила Надин.

Гирт хотел отказаться, но мысль о доме и защите знакомых стен была слишком сильной.

— Я не против. Так даже лучше, — Надин заглянула ему в глаза и улыбнулась.

Ее улыбка понравилась Гирту. Ее лицо, взгляд, запах ее духов. Волнение и страх стали единым целым. Надин заставила его остановиться и поцеловала в губы. У нее было свежее и неровное дыхание. Ее тело казалось мягким и податливым, пластичным. Гирт почувствовал себя грубым и неуклюжим. И еще эти тени, за которыми он продолжал следить краем глаза.

— Я слишком спешу? — спросила Надин.

— Нет, — Гирт заставил себя улыбнуться.

— Хорошо, — Надин предложила зайти в магазин. — Давай купим вино и немного телятины. Я приготовлю ужин, и мы попробуем начать это свидание еще раз, но уже в привычной тебе обстановке.

— Я могу приготовить ужин и сам.

— Или мы можем сделать это вместе, — Надин снова поцеловала его: страстно, жадно, словно заблудившийся в пустыне путник, умирая от жажды, нашел флягу с холодной водой и теперь не может напиться. Гирт почувствовал возбуждение, смутился. Надин притворилась, что ничего не заметила.

Они вошли в магазин. Тени остались за дверьми ждать. Гирт знал это, но близость Надин становилась более важной. По крайней мере сейчас. Он был так сильно занят мыслями об этом, что не заметил, как Надин сама расплатилась за покупки, снова смутился, хотел вернуть ей деньги. Надин не спорила, лишь снова поцеловала его. На этот раз еще более жадно, чем прежде, словно он и был той флягой с холодной водой, к которой припал губами умирающий от жажды странник в пустыне. У Гирта перехватило дыхание, закружилась голова. Все естество, казалось, тянулось к Надин, к ее зовущему податливому телу.

— Сначала ужин, помнишь? — она снова улыбнулась.

Тени в подворотне ожили, зашептались. Гирт наблюдал за ними, пока Надин ловила такси. Мысли в голове путались. Даже когда он оказался в своем доме, все стало только более странным. Присутствие Надин начало казаться ему сном: сладким, дивным, который должен вот-вот рассыпаться, потому что начинается утро, встает солнце, и его лучи будят Гирта.

— Не волнуйся, — попросила Надин. Гирт замер, ожидая еще одного поцелуя, но вместо поцелуя была лишь улыбка. Надин прошла на кухню. Гирт хотел помочь ей с ужином, но вместо этого стоял и смотрел, как она готовит. — У тебя давно не было женщины? — спросила не оборачиваясь Надин, словно прочитав все волнения, что были у него в голове.

— Такой, как ты, никогда, — честно признался Гирт.

Надин обернулась. В глазах ее что-то вспыхнуло. Она поставила мясо в духовку, отвела Гирта в гостиную, усадила на диван. Он не сопротивлялся. Волнение принесло немоту. Онемело все тело, все мысли. Надин выключила в гостиной свет. Тени за окнами начали пробираться в дом. Гирт мог поклясться, что видит, как это происходит, но сейчас это было не главным.

— Только не двигайся, — попросила Надин, дождалась, когда он кивнет, подняла подол длинного платья.

Старый диван скрипнул под ее коленями. Гирт ждал поцелуев, но поцелуев не было. Только взгляд. Надин нависала над ним, смотрела ему в глаза. Где-то далеко, словно в другом мире, звякнула пряжка его ремня, которую растянула Надин. Гирт замер, перестал дышать. Зажужжала молния на его брюках. Руки Надин коснулись его возбужденной плоти. Прикосновение не было ни грубым, ни нежным. Она просто хотела направить его в свое тело. Медленно опустилась, замерла. Глаза Надин были открыты. Она смотрела на Гирта: не моргала, не двигалась. Работали лишь ее мышцы — там, внизу. Сначала осторожно и неспешно, затем настойчиво, энергично. Теперь заблудшим в пустыне странником были не губы Надин, а тело. А Гирт стал тем самым сосудом, который

поможет этому страннику утолить свою жажду. Никогда прежде Гирт не чувствовал ничего подобного. Слышал, что некоторые женщины способны на такое, но не думал, что это может случиться с ним. Происходящее снова начало казаться ему сном. Он даже не сразу понял, что испытал оргазм. Мышцы Надин сократились еще раз, замерли, затем сократились сильнее, словно пытаясь выжать его до последней капли. Гирт задрожал, вспомнил, что нужно дышать. Тени еще скреблись в закрытые окна, но ему было уже все равно. Где-то на кухне звякнул таймер духовки. Мышцы Надин ослабили хватку, выпустили его возбужденную плоть. Она застегнула ему брюки, поднялась с дивана, одернула платье. Гирт не двигался.

— Ужин будет скоро готов, — сказала Надин.

Она ушла на кухню. Гирт снова спросил себя, а не сон ли все это. Он закурил сигарету, бросая короткие взгляды в сторону кухни, где Надин по-хозяйски гремела посудой. Мысли в голове продолжали путаться. Не помог и бокал вина, который жадно выпил Гирт, как только они с Надин сели за стол.

— Я сделала что-то не так? — спросила Надин. — Для тебя все это слишком быстро?

— Нет, — Гирт поспешно качнул головой. — Просто...

— Тебе не нравятся активные женщины?

— Нет, просто у меня никогда... не было... такой, как ты, — он налил себе еще вина. — С тобой мне кажется, что мир вокруг встает с ног на голову.

— Это из-за дамбы или из-за того, как мы занимались сексом?

— Не знаю. Ни одна знакомая мне женщина не хотела прыгнуть с дамбы и не могла делать такое в постели.

— Тебе не понравилось?

— Не думал, что такое вообще возможно. Как ты только научилась этому?

— Не сразу.

— Не сразу?! — Гирт нахмурился, словно собираясь спросить о подробностях, затем неожиданно рассмеялся, сказал, что ведет себя как мальчишка, извинился за любопытство.

— Ты уже не мальчишка, — сказала Надин.

В ее глазах появилась теплота. Так, по крайней мере, показалось Гирту. Надин улыбнулась, напомнила об остывающем ужине. Гирт кивнул. Они разделались с мясом, разговаривая о пустяках, затем, не сговариваясь, отправились в спальню.

Когда наступило утро, Надин ушла. Вместе с ней ушли и тени, к которым Гирт впоследствии смог привыкнуть. Он перестал их замечать, приписав это необычное явление волнению или своей нерешительнос-

ти. Жизнь с Надин стала новым миром, новой реальностью, кардинально отличавшейся от той, что была без нее, и тени, казалось, были частью этой новой жизни.

Иногда Надин и Гирт встречались каждый день на протяжении недели. Иногда он не видел ее пару месяцев, но знал, что она вернется. Верил. Думал, что знает ее уже достаточно хорошо, чтобы не сомневаться в своих чувствах к ней, в ее чувствах к нему. Он хотел сделать ей предложение и знал, что она не откажет. Нужно лишь не торопить ее и не замечать ее маленьких странностей и причуд. Как не замечать теней, пришедших в его жизнь вместе с Надин. И все будет хорошо... Так думал Гирт. Думал, пока в его доме не появилась уродливая тварь, похожая на паука... Думал, пока не оказался в комнате для допросов.

Детектив Джейсон Оливер сидел напротив и сверлил единственного подозреваемого взглядом. Топор, которым Гирт убил тварь, находился в отведенном для улик помещении участка. На столе лежала фотография Надин и письмо, найденное детективом в почтовом ящике. Письмо, в котором Надин просила Гирта быть более терпеливым, дать ей немного времени. Почерк был неровным и сбивчивым, словно она писала его в сильном алкогольном опьянении. И еще эта рука, о которой рассказал детектив! Гирт пытливо заглянул детективу в глаза. Нет, никаких сомнений. Это не розыгрыш. Но если тварь, убитая им, была Надин, то... Гирт зажмурился, не понимая, что плачет.

— Давай начнем сначала, — предложил ему детектив. Гирт кивнул. Он чувствовал себя раненым, испуганным животным, затравленным собаками, загнанным в западню. — Тебе нужна еще одна сигарета? — спросил детектив Оливер.

— Нет.

— Тогда закурю я.

Щелкнула зажигалка. Помещение заполнилось синим дымом. Детектив почему-то молчал, и Гирту казалось, что он может слышать, как в тишине трещит горящий табак.

— Я не мог ее убить, — тихо сказал Гирт, касаясь пальцами фотографии Надин. Сказал не детективу, а себе.

— Допустим, ты не понимал, что это она, — детектив Оливер дождался, когда Гирт кивнет. — Допустим, мы пока закроем глаза на детали того, что случилось в твоём доме. — Гирт снова кивнул. — Ты помнишь, чем болела Надин?

— Я не знал, что она болеет.

— Но ее вывернутые суставы трудно не заметить. Не так ли?

— У нее были нормальные суставы, — Гирт встретился взглядом с детективом. — Она была самой красивой женщиной из всех, кого я знал. Самой здоровой. Посмотрите на ее фотографию. Разве она похожа

на уродца? Разве у женщины с подобной осанкой, как на фотографии, могут быть вывернутые наизнанку конечности? — Гирт выдержал тяжелый взгляд детектива.

Джейсон Оливер невольно опустил глаза к фотографии Надин Торн, сделанной более ста лет назад, затем вспомнил патологоанатома, показавшего ему изуродованную руку Надин, сказав, что не видел прежде ничего подобного.

— Хорошо, оставим пока этот вопрос, — решил детектив. — Тогда попробуй мне объяснить, что случилось с ее телом. Какие химикаты ты использовал?

— Я ничего не делал с телом.

— Нам нужно как-то опознать его. Как получилось, что за пару минут оно превратилось в лужу жижи из человеческой плоти?

— Это были тени.

— Что?

— Это они забрали тело твари, которое я разрубил... — Гирт вздрогнул, снова посмотрел на фотографию Надин. — Они всегда приходили с ней.

— С тварью?

— С Надин.

Усталость неожиданно навалилась на плечи Гирта, придавила его. Он попросил у детектива сигарету. Действие обезболивающих, которые дали врачи, кончалось, и ребра снова начинали болеть. Во рту снова начал ощущаться вкус крови. Гирт вспомнил врачей, не желавших отпускать пациента, пока не услышали, что он убийца. Такие далекие врачи из такой далекой ночи. Все это было уже не важно.

— Я познакомился с Надин на мосту через дамбу, — сказал Гирт детективу.

Он не знал почему, но ему показалось крайне важным рассказать, как они познакомились с этой женщиной. Где-то подсознательно Гирт ожидал, что детектив прервет его, скажет, что это несущественно, особенно когда воспоминания подошли к интимным моментам близости, но детектив курил сигарету за сигаретой и молчал. Хмурился иногда, но отнюдь не от интимных подробностей. Перед глазами мелькала отрубленная рука Надин Торн и ее вывернутые наизнанку суставы. К тому же была еще запись в базе данных об этой женщине, датированная прошлым веком. Разве такое возможно? Детектив Джейсон Оливер нахмурился сильнее, закурил новую сигарету. «А эти тени?» — Он бросил короткий взгляд на подозреваемого. — «Чертовы психи, с ними действительно сам сойдешь с ума».

История Гирта стала сбивчивой. Он добрался до минувшей ночи. Слезы и крупные капли пота на его лице смешались. Джейсон Оливер

протянул ему новую пачку сигарет и бумажные спички, предложил стакан воды. Гирт покачал головой.

— Хорошо, — детектив поднялся на ноги, покинул комнату для допросов.

Гирт не взглянул на него. Детектив Оливер закрыл дверь. Электронный замок щелкнул, закрылся. Теперь прямо по коридору и направо. Кабинет штатного психолога всегда казался ненужным и лишним, словно аппендицит, который рано или поздно вырезают у многих людей. Постучать в дверь. Когда Клео Вудворт занята, она всегда вывешивает табличку «не беспокоить». Но сейчас таблички нет. Выждать пару секунд, заглянуть в кабинет. За столом никого. В воздухе запах молотого кофе. В смежной с кабинетом комнате есть умывальник. Джейсон Оливер закрыл дверь и осторожно позвал психолога по имени.

Доктор Вудворт выглянула из смежной комнаты. У нее были светлые волосы до плеч и приятное, ничем не примечательное лицо. В первый год ее работы в участке Оливер долго не мог запомнить, как она выглядит. Узнавал, когда Клео здоровалась с ним, но, пытаясь вспомнить, видел перед глазами десятки, сотни одинаковых лиц, обрамленных светлыми волосами. Лишь после ранения, когда Оливера обязали посещать психолога дважды в неделю, он смог запомнить ее лицо. И то — иногда, не узнав, проходил мимо на улице. Она окликала его. Он оборачивался, хмурился, извинялся, списывая все на ранение.

Пуля тогда попала в голову, раздробила лобную кость и застряла в черепе. Операция длилась больше восьми часов. Все это время Оливер находился в сознании. Врачи извлекали пулю, не надеясь, что их пациент выживет. Он слышал их голоса. Они просто делали свою работу. Несколько раз Оливер хотел спросить, что случилось с его напарником, но не мог. Он не чувствовал своего языка, не чувствовал губ, лица. Такая немота продолжалась больше месяца после операции. Врачи приходили и обещали, что речевые функции вернуться. Кто-то принес извлеченную из головы пулю и положил на прикроватную тумбу. Двигаться было больно, но Оливер заставил себя дотянуться до пули и выбросить в открытое окно. Его долго держали под наркозом. Так, по крайней мере, казалось Оливеру.

За пеленой забытья он не помнил, кто принес ему записную книжку и карандаш. Скорее всего, кто-то незнакомый, потому что карандаш вложили не в ту руку, и Оливер долго не мог разборчиво нацарапать имя своего напарника, чтобы узнать, что с ним случилось. Гвен Тэйлор. Гвен Тэйлор. Гвен Тэйлор. Оливер писал это имя снова и снова. В глубине души он понимал, что ее уже нет и чуда не произойдет, но иррационально продолжал надеяться. В первые две недели после операции он не видел снов. Просто закрывал глаза вечером и открывал утром.

Потом закрывал их в начале дня и открывал уже вечером. Но затем сны вернулись. Один сон, повторявшийся снова и снова.

Крутая лестница уходит вверх. По бокам желтые стены. За спиной поют птицы и шелестят на ветру листья деревьев. Наверху пустота. Сейчас пустота. Пустота, потому что Оливер знает, что случится через пару минут. Но тогда наверху лестницы был свет, они поднимались по скрипучим ступеням, и он думал о чем угодно, но только не о смерти.

Кассиус Марк-младший жил в квартире номер семнадцать. Управляющий сказал, что это наверху, сразу за лестницей. Нужно лишь подняться и постучать. Нужно лишь подняться и умереть. Кассиус Марк младший — высокий чернокожий толстяк с белыми зубами, один из которых блестит серебряной коронкой. На нем широкая синяя футболка, шорты ниже колен и мокасины апельсинового цвета. На шее татуировка в виде змеи. Из комнаты пахнет марихуаной. Местный сутенер позвонил Оливеру и сказал, что одна из его девушек не вернулась с работы. Она ушла с толстяком Марком-младшим три дня назад. Девушку зовут Дэйзи. Оливер видел ее фотографию. Он смотрит на своего напарника, спрашивает темнокожего толстяка о Дэйзи. Толстяк улыбается.

— Она хочет остаться со мной, — говорит он.

— Мы можем поговорить с ней? — спрашивает Гвен Тэйлор.

Толстяк пожимает плечами. Белая дверь в желтом коридоре открывается шире. Запах марихуаны усиливается. Войти в квартиру, оглядеться. Девушка лежит на кровати лицом вниз. На ней нет одежды. Простыня укрывает ее по пояс. Со стороны кажется, что она спит. Окно открыто. Ветер колышет шторы. Гвен Тэйлор подходит ближе. Толстяк глуповато улыбается.

— Ты, случаем, не лесбиянка? — спрашивает он Гвен Тэйлор. — Потому что если лесбиянка, то я буду ревновать, — он снова глуповато улыбается.

— Дэйзи? — зовет девушку Гвен. Девушка не двигается. В голове Оливера мелькает мысль, что она мертва, но затем Дэйзи просыпается. — С тобой все в порядке? — спрашивает Гвен Тэйлор.

Дэйзи растерянно оглядывается по сторонам. Кассиус Марк-младший продолжает улыбаться. Джейсон Оливер замечает краем глаза эту улыбку, а также оружие в руках толстяка. Короткоствольный револьвер целится в пустоту. Достать свое оружие, постараться удержать ситуацию под контролем. Девушка на кровати кричит.

— Заткнись! — говорит Гвен Тэйлор.

Толстяк смеется. Оливер велит ему опустить оружие. Смех становится громче. Кассиус Марк-младший ни в кого не целится. Он словно не особенно понимает, что держит в руках оружие. Гвен называет его по имени, привлекает его внимание, убирает свое оружие и жестом просит

Оливера сделать то же. Оливер слышит, как она убеждает толстяка не делать глупостей. Голос ее твердый и уверенный, властный и бескомпромиссный. Смех толстяка стихает. Оливер слышит эту тишину. Затем раздается выстрел. Мир вздрагивает, искажается, дробится, словно кто-то разбил зеркало, где отражалась реальность. Но в одном из этих осколков Оливер еще видит Кассиуса Марка-младшего, а в другом видит Гвен, которая пытается что-то говорить, пытается взять ситуацию под контроль. Звучат еще четыре выстрела. Дальше револьвер щелкает вхолостую. Все четыре пули попадают Гвен в грудь. Оливер видит, как она оседает, слышит звук ее падения на пол. Кассиус Марк-младший снова начинает смеяться. Оливер слышит этот смех до тех пор, пока не понимает, что лежит на операционном столе...

Потом месяцы реабилитации и возвращение на работу. Похороны Гвен Тэйлор он пропустил — сначала не смог тогда подняться с кровати, после так и не решился прийти на кладбище, не увидел в этом смысла. Она умерла, и от нее осталось лишь тленное тело да черви, пожирающие его. Все остальное ушло. Все, что было ему дорого. Толстяк, забравший ее жизнь, сбежал. Никто не знал, где он, и когда Оливер вернулся на работу, то в каждом подозреваемом ему виделось лицо Кассиуса Марка-младшего. Это было как наваждение. Оливер не мог думать ни о чем другом. Жизнь превратилась в череду одинаковых лиц. И не важно, какого цвета была кожа подозреваемого, какого он был роста и телосложения. Призрак Кассиуса Марка-младшего жил в каждом из них. Но этим наваждение не ограничилось.

Следом за подозреваемыми он стал видеть лицо толстяка, убившего напарника, у соседей, друзей. Последним в этом списке стал их новый семейный дантист — старик, который обычно лечил семью Оливера, отошел от дел, передав их своему молодому коллеге, которого звали Дуэйн Андерсон. Он был метисом среднего роста. Со дня ранения прошел уже почти год: нервный, беспокойный. Оливер почти не жил с семьей, проводя все время в участке. Дом напоминал ему о прошлом. Дом вызывал боль. Физическую боль. Титановая пластина в голове, которой заменили раздробленную кость, начинала порой нестерпимо зудеть, белые шрамы становились розовыми. Позже к этому зуду прибавилась зубная боль. Оливер откладывал поход к дантисту так долго, как только мог, затем сдался.

Он вошел в кабинет и увидел в кресле дантиста свою жену Биатрис. Метис Дуэйн Андерсон осматривал ее зубы и о чем-то говорил. Позже Биатрис назвала своего мужа безумным ревнивцем, но в действительности Оливер был далек от ревности. Он смотрел на молодого дантиста и видел в нем улыбчивого толстяка, окруженного сладким облаком марихуаны, видел Кассиуса Марка-младшего — убийцу, решившего

забрать не только напарника, но и его семью. Все остальное было как в тумане. Оливер достал оружие, снял с предохранителя, вошел в кабинет дантиста, приставил дуло пистолета к его голове и нажал на курок. Механизм щелкнул, но выстрела не последовало. Биатрис закричала. Дантист смотрел на Оливера большими черными глазами. Его полные губы дрожали. Он не двигался, не дышал, не моргал. И его лицо больше не принадлежало толстяку, убившему напарника. Оно принадлежало молодому дантисту. Биатрис продолжала кричать, но Оливер почти не слышал ее. Кровавый туман затянул мир. Он понял, что падает, но самого падения уже не помнил. Сознание вернулось лишь в больнице. Рядом стояла Лора.

— Мама хочет подать на развод, — сказала дочь. Оливер кивнул. — Мама сказала, что вы не занимались сексом больше года.

— Может быть.

— Тогда ты тоже должен ее понять.

— Думаю, здесь дело не в сексе.

— Почему же ты стрелял в Дуэйна? — Лора нахмурилась, увидев, как отец пожал плечами. — Я говорила маме, что она должна тебе расказать.

— Рассказать? — на лице Оливера появилась растерянная улыбка. — Так они встречаются?

— Пару месяцев.

— Понятно.

— И ты правда не ревнуешь?

— Нет.

— Значит, ты больше не будешь стрелять в Дуэйна?

— Если только он не будет обижать тебя или маму.

— Не будет! — решительно тряхнула головой Лора.

— Это была шутка, — Оливер улыбнулся и попытался подняться. Голова закружилась, вернулся туман. Дочь закричала, но крик был уже где-то далеко.

Он очнулся после операции. Пожилой врач сказал, что в прошлый раз в его голове остался осколок лобной кости, препятствовавший поступлению крови в важные участки мозга.

— Но теперь все в порядке, — заверил врач детектива и спросил, готов ли он встретить посетителей. Оливер кивнул. На этот раз вместе с дочерью пришла жена.

— Лора сказала, что ты не злишься за Дуэйна? — осторожно спросила она.

Дочь ткнула ее локтем под ребра, зашипела, что отцу сейчас не до этого, но Биатрис продолжала смотреть на мужа, ожидая ответа. Оливер улыбнулся и покачал головой. Биатрис кивнула, повернулась к неза-

крытой двери и позвала Дуэйна Андерсона. Он вошел в палату, сильно сутулясь. Оливеру показалось, что в его глазах все еще блестит тот же страх, что и в момент, когда к его голове было приставлено оружие.

— Нужно было сразу тебе обо всем рассказать, — сказала Биатрис. Оливер кивнул.

— Меня никогда никто так не пугал, — признался Дуэйн.

«Я не пугал тебя, я собирался тебя пристрелить», — хотел сказать Оливер, но не сказал. Вместо этого он спросил, знают ли о случившемся в участке.

— Только твой шеф и пара патрульных, которых вызвала секретарша.

— Это плохо.

— Мы объяснили ему в чем дело, — сказала Биатрис. — Объяснили, что ты хотел лишь напугать Дуэйна. К тому же ты был не в себе. Теперь врачи все исправили, так что...

Она еще что-то говорила. И Лора. Даже Дуэйн... Перед тем, как уйти, он задержался, заглянул Оливеру в глаза.

— Ты ведь не хотел меня напугать, верно? — спросил он, словно желая дать понять, что сделал Оливеру одолжение, умолчав о том, что жив лишь по воле случая. Оливер встретился с ним взглядом, но так ничего и не сказал.

— Поправляйся, — пожелал ему Дуэйн, словно старому другу. — Твоей дочери нужен отец, — он ушел, осторожно прикрыв за собой дверь.

Спустя два месяца Оливер вернулся на работу. Тогда-то и появилась Клео Вудворт — штатный психолог, посещать которого его обязали дважды в неделю, пока она не решит иначе. Оливер не знал, как относиться к этой обязанности, поэтому просто отвечал на вопросы. К тому же его подкупала фамильярность Клео Вудворт. Она называла его по имени и требовала, чтобы он называл по имени ее. Она не лезла в его болезненные воспоминания, не заставляла переживать снова и снова то, что переживать совершенно не хотелось. На их первой встрече она просто попросила Оливера рассказать о дочери. Затем попросила рассказать, какими были его родители.

— Я понимаю, что в твоём личном деле все это есть, но...

— Да нет, все нормально, — Оливер вспомнил, как едва не пристрелил семейного дантиста, и решил, что эти встречи — меньшее наказание из всех возможных.

— Можешь курить, — предложила ему Клео.

Оливер кивнул, но так и не достал пачку сигарет на первой встрече. Он был удивлен, ожидая, что от него будут требовать что-то конкретное, но Клео только просила, чтобы он продолжал говорить, изредка подталкивая его, когда он смолкал, предаваясь воспоминаниям. Оливер

и не заметил, как они добрались до романа его жены и дантиста. Это была вторая или третья встреча. Он уже не помнил точно.

— Ты правда не занимался с Биатрис сексом больше года? — спросила Клео после того, как Оливер рассказал о разговоре с дочерью в больнице. Он нахмурился, попытался сосчитать месяцы, махнул рукой.

— Около года, — сдался Оливер. — Может, чуть больше или меньше.

— А с другими женщинами?

— Нет.

— Мужчины? — Клео увидела промелькнувшее на лице Оливера отращивание, улыбнулась, снова предложила пациенту закурить, спросила о мастурбации.

— Я вообще не думал о сексе в этот год, — сказал он. Клео кивнула. Взгляд у нее был отрешенным. Она смотрела куда-то в пространство, думала о чем-то далеком. — После того, как умерла Гвен, все как-то потеряло смысл, — сказал Оливер.

— Насколько вы с ней были близки?

— Мы были напарниками.

— И больше ничего? — Клео продолжала смотреть куда-то вдаль.

— И больше ничего, — сказал Оливер и впервые с момента их первой встречи закурил в кабинете. Щелкнула зажигалка. Синий дым устремился к потолку. Клео не торопила его. Сидела и считала его затяжки: одна, вторая, третья...

— Как долго вы с Гвен были любовниками? — спросила она Оливера, когда его сигарета истлела наполовину. Он затянулся еще несколько раз, пожал плечами. — Поэтому ты винишь себя в ее смерти? Потому что боялся отношений с ней? Потому что втайне хотел, чтобы все закончилось? Боялся, что все раскроется, и поэтому думаешь, что год назад позволил ее убить?

— Я не боялся, что все раскроется.

— Значит, боялась Гвен?

— И Гвен не боялась, — Оливер потушил истлевшую сигарету и закурил новую.

Клео терпеливо молчала, ожидая продолжения, но Оливер не хотел продолжать. Ни в тот день, ни в ту неделю, ни в тот месяц... Сейчас, рассказывая Клео Вудворт о своем подозреваемом по имени Гирт Делавер, Оливер добрался до момента, когда встретился с патологоанатомом и увидел женскую руку с вывернутыми наизнанку суставами, и ему снова не хотелось продолжать...

— Ты веришь своему подозреваемому? — спросила Клео Вудворт.

Вместо ответа Оливер закурил и продолжил пересказывать услышанную от Гирта историю его жизни с Надин Торн, затем спросил, что Клео думает обо всем этом.

— Тебя интересует, может ли женщина делать в постели то, что делала Надин? — Клео Вудворт улыбнулась, давая понять, что это шутка. Детектив Оливер сдержанно улыбнулся в ответ. — Хочешь, чтобы я поговорила с подозреваемым? — спросила уже серьезно Клео. Оливер кивнул. Они вышли в коридор. Клео закрыла свой кабинет.

— Есть кое-что еще, — сказал ей Оливер, остановив возле комнаты для допросов. Клео терпеливо заглянула ему в глаза. — Я проверил отпечатки пальцев той странной руки...

— Мне казалось, ты сказал, они принадлежат Надин.

— Да, но... — Оливер огляделся, не желая быть услышанным кем-то еще. — Последнее упоминание о Надин Торн сделано более века назад.

— Что это значит?

— Не знаю.

— Может быть, ошибка?

— Слишком много ошибок и странностей. Тебе не кажется?

— Тебя так сильно взволновала уродливая рука, которую ты нашел, или же то, что кто-то мог убить женщину, которую любил?

— Давай не будем сегодня подвергать анализу меня, — Оливер примирительно улыбнулся. — У всех нас есть свои недостатки и свои достоинства. Просто поговори с подозреваемым и скажи мне свое мнение. У меня самого уже голова идет кругом от этого.

Оливер ушел в соседнюю комнату, наблюдая за допросом по монитору. Видеонаблюдение было безупречным. Звук громкий и четкий. Фильтры поглощали ненужные помехи. В кадре был стол и пара стульев. За спиной подозреваемого окно со стеклами, которые невозможно разбить. Стол и стулья вмонтированы в бетонный пол. Оливер увидел, как Клео Вудворт входит в комнату для допросов и подумал, что на экране она выглядит совсем не так, как в жизни. Видеокамера словно лишала ее тех немногих красок, что были в ней, обесцвечивала.

Оливер заметил два бумажных стакана с кофе в руках Клео. Она пропустила приветствия, подошла к столу, села на стул. Один стакан с кофе она подвинула Гирту Делаверу, другой взяла сама, затем достала из оставленной Оливером пачки сигарету, закурила, отпила кофе, выпустила к потолку струю дыма. Гирт около минуты недоверчиво смотрел на Клео, затем взял предложенный ему стакан кофе. Клео продолжала молчать, но напряжение снизилось. Это почувствовал даже Оливер. Он достал сигарету, собираясь закурить, затем подумал, что было бы неплохо тоже взять себе кофе, вышел ненадолго из комнаты, а когда вернулся, Гирт уже рассказывал Клео историю своей жизни. Но на этот раз в его воспоминаниях не было хаоса и сбивчивости. Клео вела его, заставляла говорить то, что ей нужно. И пусть вначале кажется, что речь

идет совершенно ни о чем, в конце ты скажешь ей то, что она хочет. Оливер знал это, потому что нечто подобное она проделывала с ним. По крайней мере в первые месяцы их знакомства как пациент-терапевт. После все было иначе. Так думал Оливер... Хотел думать, хотя иногда ему начинало казаться, что их сближение было частью какого-то плана Клео. Их дружба. Их связь. Смог бы он узнать о Клео то, что узнал, если бы она не захотела этого? Наверное, нет.

Это произошло на третий или четвертый месяц их профессиональных встреч — Оливер уже не помнил точно. Он пропустил три встречи подряд. Пропустил осознанно.

— Считаешь свой случай особенным? — спросила Клео.

Оливер не ответил. Был вечер. В кабинете психолога сгущались тени. Горела лишь лампа на столе. Лампа, которая на прежних встречах была всегда выключена, словно Клео сегодня специально хотела подчеркнуть неформальность этой встречи.

— У каждого из нас есть своя история, — сказала она и попросила Оливера показать свои руки. Его костяшки были разбиты. Клео прикоснулась к его пальцам. — Я подписала твое разрешение заниматься оперативной работой. Я доверилась тебе. А что сделал ты?

— Подозреваемый хотел сбежать.

— Я говорила с твоим напарником. Ты вошел в дом первым. Никто не видел, что случилось, — теперь она касалась его свежих болячек на костяшках. — Ты выбил подозреваемому два зуба. Почему?

— Я все уладил.

— Я спросила не об этом, — Клео заглянула ему в глаза. Ее прикосновения волновали и сбивали с мысли. — Тебе ведь стало нравиться это? Сначала ты был болен и не отдавал себе отчет в том, что делаешь, теперь ты вспоминаешь об этом, и это начинает подчинять тебя.

— Подозреваемый хотел сбежать.

— И сколько раз ты ударил его?

— Не помню.

— Тогда скажи, после какого по счету удара подозреваемый уже никуда не бежал? Скажи, сколько ударов ты нанес ему после?

— Я пытался его остановить, догнать.

— Ты бил его в лицо. Как бы ты смог это сделать, если он бежал от тебя?

— Я не знаю.

— Тебе это нравится, — теперь ее ладонь лежала поверх руки Оливера. — Не бойся. Ты можешь доверять мне, — она снова заглянула ему в глаза. — Ты стал пропускать наши встречи, потому что тебе было стыдно?

— Я не знаю, почему продолжал бить его.

- Тебе это нравилось?
- Не знаю.
- Твоя жена говорит, что после ранения ты стал агрессивным.
- Ранение здесь ни при чем.
- Ты укусил ее.
- Она хотела заняться сексом. Когда я вышел из больницы...
- У нее остался шрам. Я видела. Не говори, что это было случайным возбуждением.
- Это не было возбуждением.
- Злость?
- Не знаю.
- Ты злился на нее за то, что она жива, а Гвен нет?
- Не знаю... Думаю, она была рада, что Гвен больше нет.
- Потому что она знала о вас?
- Подозревала.
- Она не знала.
- Что?
- Если бы знала, то я бы заставила ее сказать мне об этом. Но она не знала, — Клео выждала пару минут, давая возможность Оливеру обдумать услышанное.
- Это ничего не меняет, — тихо сказал он.
- Не меняет в тебе?
- Я тебя не понимаю.
- Гвен все равно останется мертва.
- Да.
- Скажи, когда ты работал с ней в паре, она часто избивала подозреваемых?
- Только тех, кто этого заслуживал.
- А ты?
- Только тех, кто этого заслуживал.
- Значит, тебе это не нравилось?
- Я этого не говорил.
- А Гвен? Ей нравилось избивать подозреваемых?
- Ты не работала на улице. Ты не знаешь, на что способны некоторые отбросы.
- Ты говоришь о Кассиусе Марке-младшем? Говоришь о том, кто застрелил Гвен?
- Думаю, они все на одно лицо.
- И причиняя им боль, ты представляешь, что так мстишь за Гвен.
- Да.
- И тебе нравится эта идея.
- Да.

— И ты получаешь от этого удовольствие.

— Да, — Оливер встал из-за стола, хотел уйти, но дверь была закрыта.

— Знаешь, моему отчиму тоже нравилось избивать меня.

— Что? — Оливер замер, все еще держась за дверную ручку.

— Мне было двенадцать, и он порол меня несколько раз в месяц за любую провинность. Мать считала это необходимым наказанием, но я уже тогда знала, что его возбуждает это, — на губах Клео появилась улыбка. — Можешь считать, что мать была права, а все остальное лишь больные мечты девочки-подростка. Возможно. Но сейчас мой отчим в тюрьме за изнасилование несовершеннолетней. Ей было двенадцать, как и мне тогда. Он сделал это после того, как развелся с моей матерью, два года спустя, — взгляд Клео устремился в глаза Оливера, в его мозг, в его мысли. — Если ты не остановишься, то когда-нибудь так же переступишь черту.

— Это не одно и то же.

— Почему? Потому что у тебя есть веские причины? У него тоже были веские причины. Моя мать, например, думала, что были. Я действительно была несносным ребенком. Но эти причины были лишь вершиной. Все остальное находилось глубже, — она выдержала тяжелый взгляд Оливера.

— Я тебе не верю, — тихо сказал он.

— Не веришь, что с тобой случится то же самое, или не веришь, что мой отчим порол меня и получал от этого удовольствие?

— Я думаю, ты это придумала.

— Почему?

— Потому что ты решила, что я болен, и хочешь вылечить меня.

— А может ты просто сам впервые за наши встречи понял, что болен и теперь боишься в это поверить?

— Боюсь? — Оливер нахмурился, затем рассмеялся. — Я так и знал, что все это очередная терапия! — он дернул несколько раз дверную ручку, надеясь, что замки не выдержат, выпустят его из комнаты. — Ну все, хватит. Это уже смешно! — Оливер обернулся.

Сбросив с плеч бретельки легкого платья, Клео стояла, повернувшись к нему обнаженной спиной. На бледной коже виднелись белые рубцы старых шрамов.

— Копия решения суда по делу отчима на столе. Можешь прочитать, если все еще не веришь мне, — она выждала минуту, затем оделась. Небольшая грудь на мгновение мелькнула перед глазами Оливера, отпечатавшись в сознании крохотным розовым соском.

— Знаешь, в чем суть всего этого разговора? — спросила Клео, повернувшись к Оливеру лицом. — Безумие как вирус. Если ты долго находишься с зараженным человеком в одной комнате, то рано или поздно

неизбежно заразишься сам. Поэтому нужно знать симптомы и бороться с ними, а не бежать от них, позволяя этому вирусу подчинять себя сильнее и сильнее.

— Хочешь сказать, что тебе тоже нравится пороть людей?

— Нет, но в какой-то момент мне начало нравиться, когда отчим порол меня.

— Ты была ребенком.

— Меня это возбуждало как взрослого, — Клео отвернулась. — Меня до сих пор это иногда возбуждает.

— И как ты с этим борешься?

— По-разному.

— Судя по голосу, получается не очень хорошо.

— По крайней мере, я не причиняю этим вред другим.

— Как это делаю я?

— И многие другие, — Клео отрешенно улыбнулась, открыла дверь. — Теперь можешь идти. А я пока выкурю пару сигарет и попытаюсь собраться, — она подошла к столу, стараясь держаться спиной к Оливеру. — Только сделай одолжение, пусть то, что я тебе рассказала, останется между нами.

— Хорошо, — Оливер смотрел на нее, на ее плечи. Щелкнула зажигалка. В повисшей тишине затрещал разгорающийся табак. Худые плечи Клео вздрогнули. — Ты плачешь? — растерянно спросил Оливер.

— Скорее злюсь.

— На меня?

— На себя.

— Потому что рассказала мне про отчима? — Оливер выждал пару минут, ожидая ответа, но ответа не было. — Знаешь, моя жена Биатрис тоже говорила, что меня сводит с ума моя безумная работа, — он достал сигарету, закурил. — Может, она действительно была права. И ты права. Безумие — это вирус. И мы все больны. Даже Гвен. Ей правда нравилось причинять боль задержанным. Вначале мне казалось это странным, но потом... я примирился. Также заразился этим. Это перестало казаться чем-то ненормальным. словно бесплатный бонус за работу. Ты получаешь зарплату, ждешь заслуженную пенсию, а между делом удовлетворяешь темные желания, избивая подонков этого мира. Говоришь себе, что от этого станет только лучше: тебе, твоим детям, твоим близким.

Оливер бросил короткий взгляд на Клео Вудворт. Она еще стояла к нему спиной, но плечи ее больше не вздрагивали.

— Знаешь, как у нас с Гвен начались близкие отношения? — спросил он, словно Клео могла читать мысли и давно уже обо всем знала. Но Клео не знала. — Это было на третий год нашей работы вместе, — сказал Оливер. — Мы забрали подозреваемого прямо из офиса, где он работал. Он

был невысоким и худым. Нам нужно было его признание. После всегда появляются эти чертовы адвокаты и спускают всю нашу работу в унитаз. Но подозреваемый упрямился. Время кончалось. Я злился. Гвен злилась. Мы отключили видеозапись. Гвен ударила подозреваемого. Затем еще раз и еще. Она не хотела бить его по лицу. По крайней мере после она сказала мне, что не хотела. Я услышал хруст сломанного носа. Подозреваемый охнул, побелел, затем неожиданно вскочил со стула и набросился на Гвен. Он сбил ее с ног и навалился сверху. Кровь из сломанного носа хлестала, словно из крана. Все было в крови: его лицо, одежда, Гвен, пол под ними... — Оливер закурил еще одну сигарету. — Спустя четверть часа мы занялись с Гвен любовью. Это было в служебном туалете. Никто из нас не понял, как это случилось. Вот мы пытаемся отмыться от чужой крови, а вот я уже жадно целую ее в разбитые губы. Все остальное было как помешательство. Безумно быстро. Безумно страстно. Мы не говорили об этом, пока все не повторилось. Потом еще раз и еще...

— Вас возбуждала чужая боль? — спросила Клео.

— Нас возбуждало причинять боль другим.

— Но не друг другу?

— Нет.

— Это хорошо, — она улыбнулась. — Хорошо, что ты начал понимать это. — Оливер кивнул.

В тот день ему показалось, что он обрел близкого друга, такого, каким была для него Гвен Тэйлор. Только на этот раз он не собирался превращать дружбу в интимную связь. Хотя и дружба эта получилась совсем не такой, как он ожидал. Словно где-то на подсознательном уровне они так и остались врачом и пациентом. Или же это для Клео он всегда оставался пациентом? Сейчас, наблюдая за тем, как Клео разговаривает с Гиртом Делавером, он невольно сравнивал этот разговор с теми, которые она ведет с ним самим. Оливер прибавил звук, чтобы лучше слышать ее мягкий бархатистый голос. С ней Гирт, казалось, успокоился. По крайней мере до тех пор, пока не дошел до минувшей ночи и рассказа об уродливой твари, пришедшей в его дом.

— И эти тени! — он вздрогнул, замолчал.

Клео дала ему пару минут, чтобы успокоиться, затем снова ненавязчиво вернула к рассказу, к моменту, когда Гирт побежал в гараж, чтобы взять топор. И слова твари... Вернее слова Надин. В последнем Оливер почти не сомневался. Если бы еще не эти чертовы суставы, вывернутые в руке Надин наизнанку, да запись в базе данных о том, что Надин живет более ста лет...

— Ну, что скажешь? — спросил Оливер, когда Клео покинула комнату для допросов, чтобы принести пару стаканов кофе и новую пачку сигарет.

— В его крови точно не было обнаружено наркотиков?

— Нет.

— А логичного объяснения той изуродованной руки нет?

— Нет.

— И какие химикаты он использовал, чтобы уничтожить тело, тоже не определили?

— Даже хуже, — Оливер показал ей запись в базе данных о Надин Торн. Клео долго смотрела на даты.

— Забавная ошибка.

— Это не ошибка. Я проверил.

— И что это тогда, если не ошибка?

— Не знаю.

Оливер повернулся к экрану, на котором камера в комнате для допросов показывала Гирта Делавера. Он не двигался, сидел за столом, закрыв руками лицо. Начинаясь вечер. Тучи затянули небо. В комнате для допросов сгустились тени.

— Думаешь, Гирт псих? — спросил Оливер.

— А ты думаешь, нет? — Клео улыбнулась. — Но если тебе важно, врет он или нет, то я полагаю, что он верит в свою историю. В обе ее части. И в ту, где Надин самая красивая женщина, которую он встречал, и в ту, где она — уродливая тварь, которую он разрубил на части, а после ее забрали тени.

— С ума сойти можно.

— Это просто работа, — Клео подошла ближе, чтобы лучше видеть на экране монитора Гирта Делавера.

Где-то далеко громыхнул раскат грома. Было слышно, как за открытым окном начался дождь. По экрану монитора пробежала череда помех. Белый снег исказил изображение. Образ подозреваемого остался неизменным, но тени в углах комнаты задрожали.

— Ты видел? — спросила Клео.

— Видел что? — Оливер повернулся к экрану.

Помех стало больше. Темнота в комнате для допросов ожила, начала подбираться к Гирту Делаверу. Он не замечал ее, закрывая лицо руками. Оливер нахмурился. Клео подошла ближе к экрану. За открытым окном сверкнула молния. Раздался гром.

— Ты тоже это видишь? — недоверчиво спросила Клео.

— Наверное, это какие-то искажения... — Оливер замолчал.

Сгустившаяся темнота нависла над Гиртом Делавером, выросла, словно гигантская пасть, готовая проглотить свою жертву. Гирт вздрогнул, обернулся. Небо за окнами прорезала еще одна молния. Свет во всем здании мигнул, испугавшись оглушительного раската грома. Белая рябь застлала экран монитора. В этот самый момент Гирт закричал.

Оливер выругался и побежал открывать дверь в комнату для допросов. Заперто. Свет в участке погас.

— Наверное, электронные замки заклинило, — сказал он Клео, заставляя себя успокоиться. Из комнаты для допросов доносились истошные вопли Гирта Делавера. — Этот псих просто боится темноты. Просто...

Из-под двери вытекла черная жижа. Оливер снова выругался, ударил плечом в дверь, еще раз и еще. Петли сдались раньше замков. Дверь затрещала, упала внутрь комнаты, в темноту, в безумие. Оливер замер, размахивая руками, чтобы не упасть следом за ней. Ожившие тени пожирали Гирта Делавера. Оливер видел, как разлагается его плоть, слезает с костей, растекается по полу черной жижей.

— Господи, помогите мне! — закричал подозреваемый.

Оливер попытался вытащить его из этих оживших теней. Рука Гирта сжалась в его ладони, словно рука тряпичной куклы, внутри которой ничего нет. Кости стали жидкими. Кожа лопнула. Слизь брызнула Оливеру в лицо. Тени метнулись к его руке. Боль обожгла сознание. Оливер вскрикнул, отпрянул назад. Ключья теней прицепились к его пальцам, пожирали их. Клео увидела, как плоть лопается, обнажая кости, и спешно отпрянула назад. Крик Оливера смешался с криком Гирта Делавера. Но крик Гирта стихал, захлебывался. Включился резервный генератор. Вспыхнул свет. Тени зашипели, начали плавиться, как мгновение назад под ними плавилась человеческая плоть. Лохмотья тьмы оставили руку Оливера, упали на пол. В комнате для допросов вокруг тела Гирта тьма все еще шипела и извивалась. Но свет жег ее, уничтожал. На крики прибежали другие детективы, но они увидели только оставшуюся от тела Гирта Делавера черную жижу. Оливер стоял, прижавшись к стене, сжимая здоровой рукой свою изуродованную правую руку.

— Тебе нужно в больницу, — сказала Клео.

Он не услышал ее за встревоженными голосами коллег, лишь увидел лицо Клео — белое, как первый снег, синие губы дрожат, в больших глазах безумие.

— Что здесь, черт возьми, случилось? — спросил кто-то Оливера, увидел его руку, спешно отпрянул назад, сдерживая рвоту.

Оливер заставил себя обернуться, заглянуть в комнату для допросов. Клео прошла мимо него, остановилась в дверном проеме. Ее сердце то замирало, то начинало биться с неистовой силой, как в тот день, когда ребенком она посетила американские горки. Внизу живота холод сменился онемением. Ноги были ватными. Мысли в голове путались.

— Ты видела? — спросил Оливер, тронул Клео за плечо, заставив обернуться. — Скажи мне, что ты видела это! — потребовал он.

Клео не ответила. В оставшейся от Гирта Делавера жиже что-то булькнуло. Кровавый пузырь вздулся, поднялся в воздух. Все, кроме Клео,

предусмотрительно отступили. Пузырь достиг потолка и лопнул, забрызгав слизью стены. Клео вздрогнула, шагнула назад, вытерла лицо. Кто-то спросил, все ли с ней в порядке. Она кивнула.

— Вы не ранены?

— Нет.

— Что здесь случилось?

— Я не знаю, — сказала Клео и посмотрела на изуродованную руку детектива Оливера. — Нужно отвезти тебя в больницу, — сказала она.

— Может быть, подозреваемый как-то смог пронести то вещество, при помощи которого избавился от тела своей женщины? — начал выдвигать теории случившегося кто-то за спиной. Люди заполняли комнату для допросов, оглядывались, чертыхались...

Глава третья

Дом был большим и старым: заброшенный, затерявшийся где-то в спутанном клубке пыльных пустынных дорог. Пастбище Гэврила осталось далеко позади, но Габриэла не знала, есть ли здесь другие твари, другие хозяева двуногой пищи. И не почувствуют ли они близость соперника? Пусть еще и такого крохотного, как Эмилиан. Но в большом городе спрятаться будет сложнее. Эмилиан сказал, что твари выбирают густонаселенные места, выбирают города, где люди могут пропадать каждый день и никто не заметит этого. А здесь, в пустыне, даже если найдется крохотный город, то все жители будут знать друг друга. Конечно, прятаться здесь тоже не самый лучший вариант, но ведь они прячутся не от людей, а от древних тварей и их слуг. Прячутся от того, о чем никто не знает, что скрыто от смертных тьмой, тенями, слугами бессмертных.

В доме, где остановилась Габриэла, не было света. Вода в трубах была ржавой. Каждый раз, когда Габриэла открывала кран, внутри дома что-то грохотало, ухало, скрежетало, словно сам дом уже давно отправился на покой и теперь пытался прогнать незваных гостей. Пыльную машину Габриэла оставила в полуразвалившемся амбаре за домом, чтобы нельзя было увидеть с дороги. За ту неделю, что они были в пути, Эмилиан подрос. Вначале Габриэла пыталась кормить его, как обычного ребенка, но Эмилиан отказывался принимать человеческую пищу.

— Ты ребенок и должен подчиняться мне! — разозлилась Габриэла.

Эмилиан заплакал. Она накормила его смесью для грудного младенца. Его вырвало. Купила для него йогурт. Его снова вырвало. На третий день их бегства Эмилиан выглядел так, словно был тяжело болен. Он не рос, не разговаривал. Лежал на заднем сиденье их старой машины и едва дышал. Все его тело было покрыто потом. Синие губы дрожали. Габриэла свернула к обочине и долго смотрела на ребенка, не зная, что делать. Он умрет. Умрет у нее на руках! Она прокусила до крови губы, но не заметила этого. Ребенок затих. Габриэла позвала его по имени. В голубых глазах не было жизни. Лишь голод и смерть. Габриэла подумала, что сей-

час все закончится, и она никогда не простит себя. Затем в голове у нее появилась мысль, что она может накормить Эмилиана иначе, дать ему пищу, которую никогда не сможет принять обыкновенный ребенок. Она не знала, принадлежит эта мысль ей или же ее продиктовал Эмилиан.

— Тебе нужна кровь, да? — спросила Габриэла. — Без крови ты умрешь?

Она долго вглядывалась в глаза Эмилиана. Вглядывалась до тех пор, пока сомнения не ушли. Или же их вытеснили желания странного голодного ребенка? Габриэла взяла его на руки, прижала к груди. Сознание, казалось, помутилось. Мир бешено вращался перед глазами. Габриэла заплакала. Заплакала от безнадежности. Заплакала от отвращения. Порезать руку. Порезать свое тело. Накормить умирающее дитя. Мальчик у нее на руках задрожал. Ночь скрывала детали, но Габриэла знала, что ребенок меняется, словно под этой невинной оболочкой живет кто-то другой. Она зажмурилась, сильнее прижала его к своей груди, думая, что сейчас все закончится, что это предсмертные судороги. Но ребенок не умер. Боль обожгла левую грудь чуть выше соска. Зубы ребенка стали тонкими, как иглы. Они прокололи кожу, проникли глубоко в плоть. Выступившая кровь пропитала кофту.

— Господи! — Габриэла зажмурилась.

Тело била мелкая дрожь. Эмилиан прижался губами к пропитавшейся кровью ткани. Габриэла не двигалась, слушая, как жадно чавкает младенец, пытаясь насытиться, сопит, сосет окровавленную ткань, хнычет.

— Подожди, — сдалась она, неловко растегнула кофту, обнажила прокушенную грудь. — Вот. Так тебе будет удобнее, — она снова зажмурилась.

Зубы-иглы неловко впились в мягкую плоть. Затем еще раз и еще. Ребенок адаптировался, приспособливался. С каждым новым укусом его зубы-иглы проникали все глубже и глубже. Габриэла стиснула зубы, чтобы не закричать. Отвращение и боль смешались. Еще несколько неглубоких укусов. Зубы-иглы замерли, погруженные в плоть, затем челюсти Эмилиана начали сжиматься, вонзая зубы все глубже и глубже в тело Габриэлы, выдавливая стон. Кровь заструилась из ран. Боль утихла. Боль Габриэлы. Голод утих. Голод Эмилиана.

Он наелся и заснул. Его клыки исчезли. Немота ушла. Габриэла дрожала, пытаясь собраться. Правая грудь болела. Желудок сжимался от отвращения. Но ребенок был жив: лежал на заднем сиденье и спал. Габриэла подошла и посмотрела на него через стекло. Самый обыкновенный ребенок, мальчик с голубыми доверчивыми глазами. Мальчик, которому она обещала, что позаботится о нем. Обещала спасти его от Гэврила и его слуг. От теней. От смерти. Мальчик, которому она дала жизнь. Который никогда бы не появился на свет без нее. Так разве она

не обязана заботиться о нем, разве она не несет теперь ответственность за его жизнь? Габриэла заставила себя не думать о его метаморфозах, зубах-иглах, голоде. «Ребенок. Это просто ребенок». Она села в машину и попыталась заснуть.

Утром Эмилиан проснулся раньше и разбудил ее. На его розовощеком детском лице сияла улыбка. За ночь он подрос. Теперь ему было пять-шесть лет. Прокушенная грудь болела, но Габриэла упорно заставляла себя не замечать этого, как заставляла себя не спрашивать Эмилиана, как часто ему нужно питаться. Они просто ехали куда-то. Просто жили. Вдвоем. Он и она. Станный ребенок и не менее странная мать. Все остальное можно было игнорировать. Нужно было игнорировать.

— Мне не нравятся пустыни, — сказал Эмилиан, когда к дороге подступили пески и сухие выжженные солнцем земли. — В пустынях нет жизни.

— В пустынях нет пастбищ, — сказала Габриэла.

Эмилиан долго молчал, затем осторожно согласился, признавая, что сейчас не готов к встрече с сородичами.

Они миновали несколько крохотных городов, двигаясь вечерами. Солнце утомляло Эмилиана, лишало сил. Об этом Габриэла тоже старалась не думать. Пока они передвигаются, они в безопасности — вот во что хотела верить она. Но пустыня не могла тянуться вечно. Когда-нибудь она закончится. И что тогда?

Габриэла выбрала неприметный заброшенный дом на окраине очередного крохотного города. За домом находился амбар с сорванной ветром крышей, но в этом амбаре можно было спрятать машину. Комнату для жилья Габриэла выбрала так, чтобы окна выходили на пустыню, и ночью с дороги невозможно было увидеть свет десятков свечей, купленных Габриэлой в местном магазине. Так же ей пришлось купить старый примус. Торговец-индеец долго хмурился, не понимая, зачем белой женщине примус, но затем решил, что это не его дело. Старик-продавец в пыльном магазине на главной улице города оказался более любопытным. В какой-то момент он решил, что где-то уже видел Габриэлу. Она насторожилась, подумала, что сейчас старик вспомнит телепередачи и газетные статьи о генетиках, но он лишь попытался вспомнить, кому из жителей города Габриэла приходится родственницей. Габриэла свела все в шутку, не давая четкого ответа. Кроме примуса и свечей она купила одеяла и еду, которую можно хранить без холодильника. Эмилиан ждал в машине, прячась от солнца, изучая мир через ветровые стекла.

— Ваш сын? — спросил Габриэлу старик-продавец. Она вздрогнула, но тут же заставила себя собраться, спешно закивать головой. — Симпатичный мальчик, — старик улыбнулся, демонстрируя вставные зубы, и предложил стопку старых комиксов и несколько пыльных книг.

— Не думаю, что у меня есть деньги, чтобы купить все это...

— Это бесплатно, — старик улыбнулся шире. — Все равно их уже никто не купит, и мне придется выкинуть все эти книги и журналы на свалку, а так... — еще одна улыбка. — Когда-то мои дети были такими же маленькими. Они зачитывали до дыр все эти забытые комиксы, так что...

Габриэла поблагодарила старика и спешно вернулась в дом, надеясь, что никто не видел, как она свернула с пустынной дороги. Кондиционер в машине не работал, и в салоне было невыносимо душно, но Эмилиан настойчиво просил Габриэлу не открывать окна. Он вспотел и был бледен. Габриэла не знала, что было причиной этого: голод или палящее солнце. Не знала, да и не хотела знать.

— Мы будем здесь жить? — спросил Эмилиан ближе к полуночи, когда они зажгли свечи и застелили кровати.

— Тебе не нравится? — Габриэла готовила себе скудный ужин.

— Нравится, — сказал Эмилиан. — Здесь тихо и спокойно, — он огляделся по сторонам. — Особенно ночью.

— А твой голод? — спросила Габриэла. Она не хотела задавать этот вопрос, но мальчик слабел на глазах. Габриэла попыталась вспомнить, когда он питался в последний раз, но так и не смогла.

— Я могу подождать с едой еще пару дней, — сказал Эмилиан.

— Пару дней? — Габриэла окинула его внимательным взглядом. — Ты плохо выглядишь.

— Но ведь я еще жив.

— Да... — Габриэла нахмурилась, качнула головой. — Нет. Так не пойдет, — она позвала его к себе, усадила на колени. — Вот, — Габриэла обнажила правую грудь. — Можешь укусить меня. Не хочу смотреть, как ты медленно угасаешь.

Она закрыла глаза, не желая видеть происходящие с ребенком метаморфозы. Боль полоснула сознание острым ножом. На этот раз укус был всего один, но Габриэла не смогла сдержать крик.

— Все нормально. Можешь продолжать, — сказала она Эмилиану, хотя он и не собирался прерываться.

Раны, оставленные им, затягивались быстро и почти никогда не гноились. Утром, закрывшись в ванной, Габриэла обследовала свою правую грудь перед старым, треснувшим посередине зеркалом и решила, что в следующий раз даст Эмилиану другую грудь. «В следующий...» — она насторожилась, словно ребенок мог читать ее мысли, мог видеть все желания, все страхи и тревоги. Приоткрыв дверь, Габриэла выглянула из ванной. Эмилиан сидел на кровати и листал комиксы.

— Хочешь, я научу тебя читать? — предложила Габриэла.

Мальчик встретился с ней взглядом и протянул комикс. Учился он также быстро, как и рос. В какой-то момент Габриэле показалось, что

он умел читать, лишь притворялся, чтобы не обидеть ее, но она тут же отбросила эту мысль.

На вторую неделю жизни в заброшенном доме у них появилась компания. Белый котенок пробрался в гостиную и разбудил их своим жалобным мяуканьем. Эмилиан проснулся раньше Габриэлы.

— Можно я оставлю его себе? — спросил он, наблюдая, как котенок жадно пьет налитое ему молоко.

Габриэла кивнула, долго смотрела, как Эмилиан играет со своим питомцем, затем все-таки решилась и спросила, не может ли он вместо ее крови питаться кровью животных.

— Тебе не нравится кормить меня? — растерянno спросил мальчик.

Габриэла смутилась, попыталась подобрать нужные слова, чтобы объяснить ему свои сомнения и желание, чтобы он питался кровью животных, но так и не смогла.

— К тому же мне нужна только человеческая кровь, — сказал Эмилиан, словно прочитав ее мысли. В его глазах была обида. Стыд заставил Габриэлу покраснеть.

— Нет. Ты неправильно меня понял! — она сбивчиво начала извиняться. — Мне нравится тебя кормить. Правда. Вот... — Габриэла спешно обнажила грудь. — Можешь есть, сколько хочешь, — она улыбнулась.

Эмилиан не двинулся: стоял, продолжая гладить белого котенка, и смотрел на ее обнаженную грудь, заставляя смущаться и краснеть еще сильнее.

— Я могу подождать с кормежкой, — сказал наконец Эмилиан.

Габриэла не знала, далось ему это решение с трудом или нет, но она могла поклясться, что видела, как в нем начинали зарождаться метаморфозы. Тело готово было измениться, поддаться инстинктам, но он смог побороть свою чудовищную природу. Котенок спрыгнул с рук Эмилиана и побежал в гостиную. Мальчик вскрикнул и побежал за ним. Габриэла спешно прикрылась, но еще долго думала о том, что случилось, и тешила себя надеждой, что Эмилиан когда-нибудь сможет стать обыкновенным ребенком. Почти обыкновенным...

Шериф Лари Вэлбек. Он появился внезапно. Встретил Габриэлу в городе и попросил уделить ему пару минут. От него пахло мятной жвачкой, сигаретным дымом и дешевым одеколоном. Ему было чуть больше сорока. Высокий и худощавый, с солдатской выправкой и желтыми, маленькими как у крысы зубами. Он сказал Габриэле, что знает о том, где она живет. Сказал, что наблюдает за ней последнюю неделю. Проверил ее документы, затем документы на машину.

— От кого вы бежите? — спросил он, заглянув Габриэле в глаза.

— Бегу?

— Вы молоды, у вас достаточно взрослый сын, старая машина...

— Если вы позволите, то я уеду сегодня же, — голос Габриэлы дрогнул.

Она нервничала, хотела сейчас же запрыгнуть в машину, забрать Эмилиана и умчаться прочь. Но ей не удастся сбежать. Не так просто. Нет. Габриэла спешно попыталась придумать достоверную историю. Хоть какую-нибудь историю.

— Вы ведь прежде жили в большом городе? — спросил шериф. Габриэла кивнула. — Почему уехали? Почему поселились в доме, где нет даже света? Вас кто-то преследует?

— Да.

— Отец ребенка?

— Что?

— Не бойтесь. Я видел подобное. Вы не исключение из правил. Если бы каждой женщине везло с выбором мужчины, то этот мир был бы раем.

— Да.

— Он вас бил?

— Угрожал.

— И поэтому вы ушли?

— Иногда мне кажется, что от этого уйти невозможно, — Габриэла все еще не могла врать, лишь изменяла факты.

Шериф сказал, что когда-то у него тоже была жена, которая ушла, пока он был на службе в другой стране. Сказал, что ему нравятся маленькие города. И еще много-много ненужной для Габриэлы информации. Затем как-то неожиданно он предложил Габриэле поужинать.

— Что? — растерялась она. — Я думала, меня арестуют за то, что я живу в чужом доме.

— Дом этот никому не нужен, — шериф улыбнулся. — Можете оставаться там сколько угодно. Это маленький город в большой пустыне. Вы никого не потесните.

— Понятно, — Габриэла попятилась к своей машине. Шериф начал пугать ее как мужчину. Он был неприятен ей. Особенно его запах. И еще эта привычка что-то жевать. Жевать и сплевывать.

— Так я заеду за вами в семь? — спросил шериф.

— Конечно, — Габриэла заставила себя улыбаться.

— А завтра мы поговорим о том, чтобы подключить вам свет.

— Конечно, — Габриэла еще раз улыбнулась.

Она ехала к Эмилиану и уже мысленно собирала вещи. Снова бежать. Но куда? Габриэла свернула с дороги к старому дому. А что если они с Эмилианом действительно смогут остаться в этом городе? Вдали от пастбищ и шумных городов. Габриэла представила шерифа, его улыбку,

его мелкие крысиные зубы, его взгляд. Разве жизнь Эмилиана не стоит одного ужина?

Габриэла вышла из машины. Полуденное солнце припекало. Эмилиан спал. Котенок лежал рядом, послушно дожидаясь, когда проснется хозяин. Габриэла приготовила себе обед, приняла душ. Она передвигалась по дому осторожно, стараясь не разбудить Эмилиана. «Я вернусь раньше, чем он проснется», — говорила она себе, хотя подсознательно была готова остаться у шерифа на ночь, если он проявит настойчивость.

— Куда-то собираешься? — спросил Эмилиан. Он вошел в комнату, когда она переодевалась. На ней не было одежды, и она спешно попросила его отвернуться. — Почему?

— Потому что я не хочу, чтобы ты смотрел на меня сейчас.

— Я спрашиваю, почему ты бросаешь меня?

— Я не бросаю тебя.

— Но ты ведь уходишь.

— Нет.

Габриэла заставила себя улыбаться, накинула на плечи халат, отвела Эмилиана в его комнату и уложила в кровать. Он долго не хотел засыпать, словно действительно боялся, что она бросит его. Котенок убежал на улицу, но когда Габриэла на цыпочках выходила из комнаты приемного сына, вернулся, запрыгнул на кровать, замурлыкал. Габриэла оделась, выждала полчаса, убедилась, что Эмилиан крепко спит и только после этого вышла из дома.

Начинался вечер. Габриэла не стала дожидаться, когда приедет шериф, и пошла навстречу. Она уже почти добралась до города, когда увидела его патрульную машину. На этот раз на нем не было формы, но в штатском он показался ей еще более отвратительным. Особенно эта привычка постоянно что-то жевать и сплевывать.

— Называйте меня просто Лари, — попросил шериф, когда они вошли в его дом.

— Тогда я — просто Габриэла.

— Это хорошо, — шериф снова сверкнул своей крысиной улыбкой, провел Габриэлу к столу. Ужин был посредственным, но шериф светился так, словно это было его лучшее кулинарное творение. — Ваш муж хорошо готовил?

Габриэла качнула головой. Шериф снова улыбнулся, открыл бутылку вина. Габриэла выпила целый бокал для смелости. Алкоголь не подействовал. Немога осталась. И напряжение. Шериф, казалось, ничего не замечает. Да и было ли ему дело до ее страхов? Он рассказывал о своей жизни, рассказывал о жизни этого крохотного города. Рассказывал о том, о чем совершенно не хотела знать Габриэла. Ужин и прелюдия за-

тягивались. Один час, другой. Фотоальбомы. Семейные видеозаписи. И все это покрыто синим сигаретным дымом. Габриэле казалось, что шериф курит, не останавливаясь. Она представила его спальню и подумала, будет ли он курить, когда они займутся сексом. Зачем он показывает ей все это и ведет себя так странно, если они в конце все равно займутся сексом? Но секса не было. Когда ужин и разговоры закончились, шериф отвез Габриэлу домой и сказал, что хорошо провел вечер.

— И часть ночи, — сказала Габриэла, вышла из его машины, посмотрела на небо.

— Может быть, когда-нибудь встретимся еще раз? — предложил шериф.

— Может быть, — уклончиво ответила Габриэла.

Она дождалась, когда он уедет, и вошла в дом. Все купленные свечи были зажжены. Габриэла позвала Эмилиана. Он не ответил. Она прошла в его комнату. Мальчик сидел у окна и вглядывался в темную пустынную даль.

— Прости, что задержалась, — сказала Габриэла.

— Я думал, ты меня бросила.

— Я никогда не брошу тебя.

Она увидела белого котенка, которому свернули шею. Эмилиан обернулся, проследил за ее взглядом.

— Я не хотел его убивать.

— Ты был зол на меня?

— Да, — он неожиданно по-детски шмыгнул носом. — Ты сможешь его оживить?

— Нет.

— Плохо, — Эмилиан снова отвернулся к окну.

— Мы можем похоронить его, — осторожно предложила Габриэла. Мальчик не ответил. — Эмилиан?

— Я все еще зол на тебя.

— Почему? Разве я не вернулась?

— Ты веселилась, пока я был здесь один.

— Я не веселилась. Я просто хотела, чтобы у нас не было проблем.

— Чем шериф может помочь нам?

— Ты многого не понимаешь.

— Просто скажи, что тебе было весело с ним.

— Нет.

— Не ври мне! — Эмилиан хотел выбежать из комнаты, увидел мертвого котенка, остановился. В его глазах заблестели слезы. — Он был моим единственным другом. Из-за тебя я убил своего друга! — мальчик взял котенка на руки. — Мы все еще можем похоронить его? — спросил он неожиданно спокойно, почти подавленно.

Они вышли из дома. Слов не было, да слова были и не нужны. Ночь была темной. Габриэла помогла Эмилиану выкопать могилу для котенка. Мальчик снова начал шмыгать носом.

— Если бы я был старше, то мог бы его оживить, — тихо сказал он.

— Не торопись расти, — попросила его Габриэла.

— Но ты ведь не можешь оживить его! — Эмилиан постоял несколько минут, желая проститься с котенком, и сказал, что голоден.

— Хорошо, — Габриэла предложила ему вернуться в дом.

— Здесь, — он обернулся, заглянул ей в глаза, спросил про шерифа. — Ты тоже кормила его?

— Так ты поэтому злишься?

— Отвечай.

— Люди не едят то, что ешь ты.

— Многие люди хотят быть такими, как я.

— Обещаю, что больше не оставлю тебя.

— Ты врешь. Ты уже однажды обманула меня.

— Больше такого не повторится, — Габриэла протянула Эмилиану руки. Он не двинулся с места. — Ну же... Пожалуйста... Давай помиримся.

— Я убил из-за тебя котенка.

— Мы найдем другого.

— Я не хочу другого, — в его глазах снова появились слезы, скатились по щекам. — И я сам не хочу становиться другим.

— Хорошо, — Габриэла ощутила легкий укол вины.

— Но тебе не нравится, какой я.

— Я привыкла.

— Я не хочу, чтобы ты привыкала, я хочу, чтобы ты любила меня!

— Я люблю.

— Ты врешь! Тебе противно, что я не похож на тебя.

— Нет, — чувство вины усилилось. Оно жгло Габриэлу изнутри.

— Тогда почему ты уходишь? Почему не хочешь кормить меня?

— Я хочу, — она спешно стянула с плеч платье, обнажив грудь, снова протянула Эмилиану руки. — Вот. Видишь. Мне не жалко и не противно.

Габриэла смотрела на Эмилиана, не зная, что сказать еще. Он не двигался. Ночь была тихой и безветренной. Габриэла увидела начавшиеся в ее приемном сыне метаморфозы, но заставила себя не закрывать глаза, не отворачиваться.

— Я все сделаю для тебя, — сказала она, прижимая Эмилиана к себе.

Он прокусил ей грудь. Она видела, как острые зубы-иглы проткнули насквозь плоть. Челюсть Эмилиана изменилась, вытянулась. Губы стали тонкими. На мгновение ей показалось, что изменяется не только его лицо, но и тело.

— Видишь, мне не противно, — повторила Габриэла, глядя его по голове.

Он отпрянул от раны, заглянул ей в глаза. Его челюсть вытянулась сильнее. На нечеловеческих губах темнела кровь.

— Можешь укусить меня еще, — сказала Габриэла, заставила себя улыбнуться.

Челюсти сомкнулись. Габриэла ахнула. В какой-то момент ей показалось, что Эмилиан прокусил ей не только грудь, но и грудную клетку, добрался до сердца или других внутренних органов.

— Тебе больно? — спросил мальчик.

— Только немного, — соврала Габриэла.

— Значит, тебе не нравится?

— Нравится. Тебе ведь нравится, значит и мне нравится.

— И ты не станешь кормить никого другого?

— Нет. Только тебя, — Габриэла заставила себя улыбаться. — Можешь кусать меня сколько хочешь. Когда хочешь...

Она снова ахнула, застонала. Зубы-иглы Эмилиана уплотнились. Теперь они не протыкали плоть. Они разрывали ее, разрезали, чтобы получить больше крови. Габриэла стиснула зубы и закрыла глаза, чтобы не закричать...

Когда она очнулась, начиналось утро. Она все еще находилась в пустыне за домом. Рядом была свежая могила котенка. Эмилиана нигде не было. Ее грудь была обнажена, но раны уже почти затянулись. Осталась лишь слабость. Сколько крови вчера выпил ее ребенок? Габриэла заставила себя подняться на ноги, вернуться в дом.

Выпить стакан воды. Привыкнуть к тошноте и слабости. Заглянуть в комнату Эмилиана.

Окна зашторены. Мальчик в кровати, укрылся одеялом. Его лицо стало взрослее, хотя это еще лицо ребенка. Но ребенок скоро вырастет. Габриэла долго смотрела на него. Голова кружилась, но отвращения не было.

Вернуться в свою комнату, раздеться и лечь в кровать. Сна нет. Ничего нет. Лишь какое-то вялое удовлетворение.

— Я принес тебе ужин, — сказал Эмилиан.

Габриэла вздрогнула, открыла глаза. Вечерело. Она спала весь день, но не заметила этого. Утром, наблюдая, как спит приемный сын, она видела его повзрослевшее лицо. Теперь она могла рассмотреть его тело. Он стал выше, похудел. Прежними остались лишь голубые глаза.

— Хочешь, я покормлю тебя? — предложил Эмилиан.

Габриэла улыбнулась ему, села в кровати. Сон не прогнал слабость, но она не хотела показывать это Эмилиану.

— Хочешь, я съезжу в город и найду тебе нового котенка? — предложила Габриэла, когда с ужином было покончено.

— Не хочу котенка, хочу, чтобы ты покормила меня, — голубые глаза опустились к ее груди.

— Я думала, ты можешь не питаться несколько дней.

— Мое тело растет, — Эмилиан смутился. На бледных щеках появился румянец. — Но если ты не хочешь, то я могу потерпеть... — он отвернулся, собираясь уйти.

— Нет, — остановила его Габриэла, взяв за руку. — Все нормально. Просто вчера ты сделал мне очень больно...

— Я буду осторожен, — пообещал Эмилиан, однако на середине кормежки Габриэла снова отключилась, провалилась в темноту, забытие. Но на этот раз забытие понравилось ей. Оно принесло покой, смирение и мир тишины, который не хотелось покидать. — Тебе не нужно вставать, — сказал на следующий день Эмилиан. — Теперь я сам буду заботиться о тебе.

Его слова приносили такую же теплоту, как забытие после кормежки. Но Габриэла по-прежнему хотела заботиться о нем. Она заставила себя подняться на ноги, прибралась в доме, уложила Эмилиана спать.

Ближе к полудню приехал шериф.

— Твой сын вчера сказал, что ты плохо себя чувствовала? — поинтересовался он. — Надеюсь, это не из-за моей еды? Обычно никто не жалуется, но...

— Нет. Ты не виноват, — Габриэла заставила себя улыбаться и думать об Эмилиане, который спит в своей комнате. Все остальное лишь мелочи жизни, неизбежное зло, помехи. И главное — не забывать улыбаться. Улыбаться шерифу. Улыбаться электрику, которого привез вечером шериф, чтобы подключить к дому электричество.

— Мне больше нравятся свечи, — сказал Эмилиан. Габриэла не стала возражать. Свечи ей тоже нравились. В них было что-то особенное, принадлежащее только ей и сыну. — Я слышал, шериф снова звал тебя на ужин?

— Я думала, ты спал.

— Я могу слышать, — Эмилиан нахмурился. — Это значит, что ты снова уйдешь кормиться в дом этого человека?

— Нет, — Габриэла подняла свою футболку. — Только ты и я.

Она подумала, что Эмилиан всегда обижается, когда голоден. Ее маленький Эмилиан. Сытый, он всегда заботлив и мил. И если учитывать это, если принимать особенность Эмилиана, как неизбежность, то можно научиться получать удовольствие от его кормежки. Потому что кормежка делает его лучше, помогает успокоиться. Габриэла дождалась, когда он прокусит ей грудь и закрыла глаза, отправляясь на поиски того мира тишины и покоя, где она находилась в прошлую ночь. И пусть с каждым новым днем раны становились все глубже, искать

мир тишины становилось проще. Если бы только избавиться от вечной слабости...

— Разве ты не хочешь, чтобы я вырос? — спросил Эмилиан, когда Габриэла попыталась ограничить его растущий аппетит. — Разве ты не хочешь, чтобы я стал сильным и начал заботиться о тебе?

— А каким ты станешь, когда вырастешь?

— Не знаю, — Эмилиан потянулся к ее груди, но Габриэла остановила его.

— Расскажи мне, каким ты себя представляешь?

— Можно я сначала поем?

— Нет. Сначала рассказ.

— Я снова тебя чем-то обидел?

— Нет.

— Тогда почему ты не хочешь меня кормить? Я думал, ты говорила, что тебе это нравится.

— Нравится, но сейчас я хочу услышать, каким ты планируешь стать, когда вырастешь?

— Как ты.

— Ты не можешь стать, как я.

— Почему?

— Потому что ты питаешься кровью, а я нет. Тебе нужно учитывать это.

— Хорошо. Тогда я стану, как Гэврил.

— Мне не нравится Гэврил.

— Потому что он питается кровью?

— Потому что он убивает людей.

— Значит, я не буду убивать людей.

— Как же тогда ты будешь питаться?

— У меня есть ты.

— Боюсь, я не смогу всю жизнь кормить тебя.

— Почему?

— Потому что ты становишься больше. Твой голод становится сильнее. Когда-нибудь во мне не останется сил, чтобы накормить тебя.

— Тогда я научу тебя тоже пить кровь. Это сделает тебя снова сильной.

— Как Гэврил научил Надин?

— Да.

— А если я не захочу? — Габриэла увидела сомнения на лице ребенка, улыбнулась. — Послушай, Эмилиан. Я совершенно не хочу, чтобы ты решил, будто я чувствую неприязнь к тебе, но мне нужно, чтобы ты подумал о том, чтобы попытаться немного измениться. Не стать, как я. И не стать, как Гэврил. Стать собой. Выбрать другой путь. Понимаешь?

— Нет.

— Я тоже пока не очень понимаю, но если ты сможешь рассказать мне все, что помнишь о своем виде, о том, какой ты, то мы сможем придумать что-нибудь вместе. Ты и я.

— Мне нравится, что мы будем делать это вместе.

— Хорошо, — Габриэла попросила Эмилиана сесть рядом. — Теперь скажи, как думаешь, откуда вы появились? Откуда пришли? — Мальчик хмурился несколько минут, затем качнул головой. — Но ты ведь помнишь часть жизни Гэврила?

— Возможно.

— Значит, сможешь вспомнить, откуда он пришел.

— Там темно и тихо.

— Хорошо.

— Там ничего нет. Только пустота, — Эмилиан зажмурился, словно перенесся в этот далекий мир.

— Ты можешь сказать мне, где находится это место? — попросила Габриэла.

— Везде. Повсюду. Вокруг нас, внутри нас.

— Что это значит?

— Я не знаю, — на лбу Эмилиана выступили крупные капли пота. — Если честно, то мне кажется, что в том мире ничего нет. Никого нет. Словно это начало жизни.

— Твоей жизни?

— Нашей. Всего мира.

— Ты думаешь, что твой вид такой древний?

— Я не знаю, — Эмилиан нахмурился, пытаясь заглянуть слишком далеко в прошлое, слишком глубоко в самого себя. — Если честно, то мне проще читать твои мысли, чем пытаться понять, кто я.

— Ты можешь читать мои мысли?

— Иногда.

— И что ты там видишь?

— Жизнь.

— Тебе это нравится?

— Это лучше, чем пустота.

— Хорошо.

— Но я не думаю, что смогу стать таким, как ты. Мы очень разные.

— Потому что тебе нужна моя кровь?

— Потому что мой вид одинок.

— Значит, ты боишься одиночества?

— Я боюсь, что вырасту, и ты уйдешь к шерифу.

— Мне не нравится шериф.

— Значит, ты найдешь другого мужчину, который тебе нравится. Для тебя это важно. Я вижу это.

— Ты тоже сможешь найти себе кого-нибудь, когда вырастешь.
— У меня есть ты.
— Я твой родитель. Ты видишь в моих мыслях моих родителей?
— Да.
— Разве они бросили меня, когда я выросла?
— Вы отделились.
— Но в моей жизни появились другие люди. Я подружилась с другими, полюбила других.
— Ты хочешь, чтобы я тоже нашел себе кого-нибудь, когда вырасту.
— Что в этом плохого?
— Не знаю. Думаю, что ничего. Но... мне нравишься ты. Мне хорошо с тобой.
— Мне тоже было хорошо с моими родителями, но когда я выросла, мне стало хорошо с другими людьми.
— С мужчинами, как шериф?
— Да.
— Мне тоже нужно будет искать мужчин?
— Ты мальчик. Тебе нужно будет искать девочек.
— Как ты?
— Как я.
— Чтобы они кормили меня?
— Не только.
— Чтобы заботиться о них, как я забочусь о тебе?
— Не только, — Габриэла улыбнулась, увидев сомнения и растерянность на детском лице, взъерошила Эмилиану волосы и пообещала, что они вернутся к этому разговору, когда он подрастет.

— Значит, я могу теперь поесть? — доверчиво заулыбался мальчик.

Габриэла кивнула и закрыла глаза. Она отключилась раньше, чем Эмилиан утолил голод. Тело ее обмякло. Мальчик уложил ее на спину. Зубы-иглы выскользнули из мягкой плоти. Струйка крови скатилась по груди. Расстегнутая кофта Габриэлы была синего цвета, и бурое пятно почти не выделялось на этом темном фоне. Небольшие соски набухли и стали твердыми. Дыхание Габриэлы было ровным и глубоким. Связь Эмилиана с ее мыслями прервалась, но он все еще мог изучать то, что видел прежде. Голод и интерес смешались. Он прокусил ей грудь, обхватил рану губами, стараясь делать это так, как делали мужчины, которых он видел в воспоминаниях приемной матери. Ей нравились эти прикосновения. Мужчинам нравились эти прикосновения. Но их зубы не разрывали эту мягкую плоть. Они не пили ее кровь. Эмилиан смутился, отпрянул назад.

Его зубы-иглы стали просто зубами. Вытянувшаяся челюсть — обыкновенной челюстью. Но голод усилился. Кровь струилась из новой

раны. Эмилиан припал губами к этой ране, но крови было мало. Он только сильнее разжег аппетит, голод. Вместе с голодом появились неудовлетворенность и злость. Клыки. Ему нужны клыки. Но клыков не было. Эмилиан жадно высасывал из раны остатки крови. Порыв ветра ворвался в окно. Зажженные свечи задрожали. Несколько из них потухли. Тени на стенах ожили. Эмилиан замер. На мгновение ему показалось, что он слышит шепот, который зовет его. Он обернулся. Тени на стенах не двигались. Темные, густые. Неужели Гэврил нашел его? Или кто-то другой, кому принадлежало это пастбище. Эмилиан почувствовал страх. Нет, он еще не готов к этой встрече. Он еще слишком молод, слишком слаб. Ему нужно питаться. Много и спешно.

Эмилиан снова попытался вернуть себе зубы-иглы. Безрезультатно. В памяти всплыл кухонный стол, на котором лежали ножи. Он подумал, что можно будет проткнуть грудь Габриэлы одним из этих ножей. Воображение тут же нарисовало сладкий запах теплой крови. Эмилиан почти решился. Почти встал с кровати, чтобы принести нож. Полные груди Габриэлы еще ждали его, звали, но... Эмилиан замер, увидев пульсирующую артерию на шее Габриэлы. Тени на стенах снова ожили, зашептались. Метаморфозы вернулись. Появились зубы-иглы, вытянулась челюсть. Он больше не будет причинять Габриэле боль, разрывая ее плоть. Ему больше не потребуются долгие часы, чтобы насытиться. Все будет быстро и почти безболезненно. Главное не допустить ошибки, потому что человеческое тело слишком уязвимо, слишком несовершенно.

Эмилиан склонился к ее шее, осторожно сжал челюсти. Зубы-иглы вошли в плоть, но не задели артерию. Лишь с пятой попытки ему удалось добиться желаемого. Зубы-иглы стали полыми изнутри, позволяя крови течь прямо в рот. Голова закружилась. Голод подчинил себе мысли. Эмилиан забыл об осторожности, забыл себя, забыл всю свою недолгую жизнь.

Тени на стенах снова ожили. Они двигались, изучали комнату, струились по полу, по потолку, заглядывали в шкафы, под кровать. Эмилиан слышал их шепот, но сейчас для него главным была сладкая истома, даруемая льющейся в рот свежей кровью. И голод отступал — быстро, стремительно. Эмилиан не знал, сколько прошло времени, не считал, не заботился о том, сохранит он жизнь своей приемной матери или нет. Главным были удовлетворение и аппетит.

Он очнулся лишь утром. Габриэла все так же лежала на спине. Он лежал рядом с ней. В первый момент ему показалось, что она умерла, что он убил ее. Страх и ненависть к самому себе вспыхнули в его сознании. В это мгновение он ненавидел себя и свой голод. Но потом он увидел, как ровно вздымается обнаженная грудь Габриэлы, понял, что она жива, успокоился. Утро прогнало тени, но Эмилиан знал, что они

есть. Знал, что они будут. Это часть его жизни, его мира. Когда Габриэла проснулась, он взволнованно рассказал о том, что случилось ночью, но вместо радости, увидел сомнения на лице приемной матери.

— Тебе больше нравилось, когда я кусаю твою грудь? — растерянно спросил он. — Но я думал, что причиняю боль. Или же все дело в тех мужчинах, которые целовали твою грудь?

— Нет. Дело не в мужчинах. Просто... — Габриэла встала с кровати. Голова закружилась. Эмилиан помог ей снова сесть.

— Я принесу тебе поесть.

— Просто я уже привыкла к тому, как ты питаешься, а так... — весь мир был как в тумане. Габриэла снова легла.

— Думаю, Гэврил скоро найдет нас, — сказал Эмилиан. — Я видел тени, которые были похожи на живых тварей, пришедших за мной.

— Тени? — она заставила себя собраться.

— Если я не вырасту, то Гэврил убьет меня. Убьет тебя.

— Мне казалось, мы далеко от Гэврила.

— Значит, меня убьют другие. Ты не знаешь, что происходит у них. Не знаешь, как сильно они ненавидят друг друга.

— Ты тоже ненавидишь их?

— Немного.

— А если отбросить эту ненависть?

— Если отбросить эту ненависть, то я погибну. Меня убьют. Единственный шанс уцелеть — это занять место своего соперника, своего отца.

— Ты никогда прежде не называл его отцом.

— Но ведь без него ты не смогла бы дать жизнь мне.

— Возможно... — Габриэла снова почувствовала головокружение. — Иногда все становится сложным.

Она закрыла глаза, надеясь, что вернется сон, который заберет всю слабость и усталость. Когда Эмилиан принес ей завтрак, она уже спала. Он тронул ее за плечо и сказал, что она должна поесть. Габриэла подчинилась.

— Я всегда буду заботиться о тебе, — пообещал Эмилиан. Она улыбнулась, погладила его по щеке, снова уснула.

Время замерло, перестало существовать для нее. Были лишь сны и короткие пробуждения. Эмилиан кормил ее. Она кормила его. В конце недели Габриэла заставила себя собраться и съездила в город за покупками.

Старик-продавец в продуктовой лавке долго приставал к ней с расспросами, озабоченный ее болезненной бледностью, но она соврала ему, сославшись на мигрени. Он посоветовал запастись аспирином.

— Именно так я и поступлю, — заверила его Габриэла.

— Именно так я и поступлю, — заверил ее Эмилиан, когда она вернулась в их дом и сказала, что в ближайшие пару недель ему лучше умерить

свой аппетит, если он не хочет убить ее. Эмилиан сказал, что все понял. Но следующие несколько дней почти не разговаривал, замкнулся.

— Хочешь, я съезжу в город и привезу тебе котенка? — предложила Габриэла, надеясь, что это поможет ему отвлечься.

— Котенок не сможет защитить нас, когда настанет время, — сказал Эмилиан.

Несколько раз, когда Габриэла спала, он приходил к ней в комнату и долго смотрел на пульсирующую на ее шее вену. Голод усиливался, сводил с ума, и вместе с голодом оживали тени. Они кружили по комнате Эмилиана, преследовали его.

— Очень проголодался? — спросила Габриэла на четвертый день воздержания.

— Дело не только в голоде.

Эмилиан нахмурился, долго пытался подобрать нужные слова, чтобы объяснить свои страхи и опасения. Габриэла была терпелива. Силы медленно возвращались, и она уже начинала думать о том, чтобы накормить Эмилиана. Смотрела на него и винила себя за то, что заставила его страдать. Ведь его жизнь проходит так быстро. То, на что у обычного ребенка уходят годы, Эмилиан проживает за пару дней. Кто знает, сколько у них еще осталось времени.

— Прости меня, — сказала она, оборвав его рассказ о тенях. Он смирил ее растерянным взглядом. — Я не должна была прекращать кормить тебя.

— Ты плохо себя чувствовала.

— Это ерунда, — Габриэла заставила себя улыбнуться. — Наверное, это даже хорошо, что ты теперь можешь пить кровь из моей шеи, а не из груди. Ты подрос, и меня бы смущало раздеваться перед тобой...

— Тебя смущает возраст?

— Нет. Просто... — она снова улыбнулась, поманила к себе Эмилиана и подставила ему для укуса шею. — К тому же я сама думала о том, чтобы научить тебя пользоваться машиной, как была у Гэврила, чтобы выкачивать из человека кровь.

— Мне не нравятся эти машины, — сказал Эмилиан, глядя только на пульсирующую вену на шее приемной матери.

Габриэла чувствовала его дыхание. Оно было свежим, словно дуновение ветра. Его лицо было бледным, кожа — идеально чистой. Никаких запахов. Никаких испражнений, даже когда он был младенцем. «И разве это тварь?» — подумала Габриэла за мгновение до того, как зубы иглы проткнули кожу на ее шее. Дальше наступили темнота и покой. И еще легкое приятное волнение. Ноги Габриэлы подогнулись. Эмилиан обхватил ее за талию, закончил кормежку и отнес в спальню. Она спала и улыбалась во сне.

Эмилиан вышел на улицу. Ошметки теней последовали за ним, цепились к ногам. Они не нравились ему, но он не знал, как избавиться от них. Темная беззвездная ночь успокаивала своей тишиной и безмолвием. Эмилиан стоял на крыльце, пока не началось утро. Время словно замерло для него. Замерло для существа, у которого впереди почти целая вечность. Но Габриэла умрет. Умрет слишком быстро. Перед тем, как отправиться спать, Эмилиан зашел в ее комнату и долго разглядывал ее спящее лицо. Тени поползли к кровати Габриэлы.

— Пошли прочь! — шикнул на них Эмилиан.

Тени не подчинились. Они обволокли кровать, замерли. Лицо Габриэлы изменилось, утратило привычные черты. Эмилиан протер глаза, но видение не развеялось. На кровати лежала чужая, незнакомая женщина, и на ее шее пульсировала вена. Весь мир вокруг сжался до размеров комнаты, до размеров картинки, где есть набухшая вена, внутри которой бежит теплая кровь. Эмилиан попытался заглянуть в мысли спящей женщины, но увидел лишь пустоту и темноту, в которой плыла эта женщина. Плыла в неизвестность, в бездну. Да и женщина ли? Всего лишь сосуд для пищи.

Эмилиан заставил себя развернуться, шагнул к выходу из комнаты. Ноги замерли. Тело обожгла боль. Суставы затрещали, кости начали расти катастрофически быстро. Эмилиан испугался, хотел закричать, но горло отказалось служить ему. Он задыхался, умирал. Колени подогнулись. Тени покинули Габриэлу, окружили Эмилиана, укрыли его. Он отключился, подкрался к пропасти и прыгнул. Но падения не было. Только тьма.

Когда Эмилиан очнулся, был уже поздний вечер. Тени ушли. Боль отступила. Эмилиан осторожно поднялся на ноги. Он вырос и проголодался. На улице снова раздался сигнал разбудившего его клаксона. Эмилиан выглянул в окно. Машина шерифа стояла возле дома. Эмилиан прижался к стене, боясь, что назойливый шериф войдет в дом. Но шериф уехал: посигналил еще пару раз и вернулся в город, оставив в память о себе облако пыли и волнение.

Эмилиан отыскал зеркало и посмотрел на свое новое лицо. У него прибавилось худобы. Он чувствовал себя слабым и беспомощным, никчемным и бесполезным. И этот созревший подросток, который смотрел на него с поверхности зеркала, совсем не напоминал ему себя. Этот рост, казалось, хотел лишь одного — свести его с ума переменами, голодом.

Эмилиан закрылся в своей комнате. Обычно сон помогал после приступов внезапного роста. Он спал, а Габриэла заботилась о нем. Но сейчас Габриэла тоже спала. Эмилиан закрыл глаза. Пустота поглотила мир. Эмилиан не знал, как долго он находился в этом лишенном про-

странства и времени мире. В этой пустоте невозможно было ориентироваться. Она просто была и все. Как был он сам. Как был весь этот мир. И как был голод. Рост тела отнял почти все силы. Эмилиан не мог не думать о еде, особенно когда проснулся.

За окнами была глубокая ночь. Габриэла спала. Эмилиан знал это, потому что свечи в его комнате давно прогорели. Габриэла всегда меняла их, когда не спала. Габриэла всегда заботилась о нем. Он прошел в ее комнату, пытаясь не думать о голоде. Габриэла лежала на кровати. Эмилиан улыбнулся, позвал ее по имени. Она не проснулась. Вместо нее пробудились тени в углах комнаты. Они укрыли Габриэлу, спрятали от взгляда Эмилиана. Осталась пульсирующая вена на шее и голод. Эмилиан зажег пару свечей, надеясь прогнать тени, но они не боялись слабого желтого света.

— Убирайтесь прочь! — зашипел на них Эмилиан, отыскал на стене выключатель.

Лампы под потолком вспыхнули. Тени спрятались под кроватью, выскользнули в темный коридор. Но лампы под потолком замигали, потухли. Эмилиан испугался. Страх породил голод, потому что без пищи у него нет сил, чтобы защищаться. Все звуки стихли. Остались лишь удары сердца Габриэлы. Вернее, не Габриэлы. Нет. Тени изменили ее. Теперь это снова была незнакомая женщина.

Эмилиан подошел и прокусил ей шею. Онпил долго и жадно. Затем забылся, заснул. Пустота заполнила сознание, но теперь к ней прибавилось чувство вины за то, что онпил кровь Габриэлы, не спросив разрешения. «Но разве это была Габриэла?» — думал Эмилиан. Нет. Онпил кровь незнакомого ему человека. Пустота, в которой парил Эмилиан, сгустилась. Он увидел себя со стороны. Увидел свое новое, подвергшееся метаморфозам тело. Оно было сильным и крепким. С таким телом не будет страхов и сомнений. Затем Эмилиан увидел, как его новое, едва похожее на человека тело идет в комнату Габриэлы. Он понял, что это не сон, лишь когда утолил голод. Но метаморфозы продолжились.

Эмилиан вырос как человек, но он не был человеком. Он был кем-то другим. Эта особь, этот вид жил в нем, маскируясь под человека. И Эмилиан не мог контролировать эту сущность. У нее были свои мысли, свои чувства, свои желания, свой голод. Особенно голод. И этой сущности было наплевать, умрет Габриэла или нет. Она, сущность, была готова выпить Габриэлу до дна, потому что для нее этот человек был просто сосудом, пищей. Любой человек.

Когда приехал шериф Вэлбек, темная сущность начала нашептывать Эмилиану, чтобы он осушил гостя, забрал его жизнь, особенно после того как шериф начал задавать неприлично много вопросов: сначала о Габриэле, затем о самом Эмилиане.

— Ты слишком взрослый, чтобы быть ее сыном, — сказал шериф и хитро подмигнул мальчику. Эмилиан нахмурился, пожал плечами. — Да я шучу! — рассмеялся неожиданно шериф и хлопнул его по плечу. — У тебя просто очень молодая мать.

— Да, — Эмилиан нервно улыбнулся.

Он сказал, что Габриэла больна, и теперь шериф хотел навестить ее, хотел попасть в ее комнату. Он не спрашивал разрешения. Просто вошел в дом, огляделся.

— Где ее комната? — спросил шериф. Эмилиан указал в конец коридора.

Был вечер, но зашторенные окна создавали полумрак. Шаги шерифа гулко раздавались в тишине. Дверь в комнату Габриэлы скрипнула, открылась. «Убей его», — сказала Эмилиану его темная сущность. Эмилиан замер. Шериф подошел к кровати, тронул Габриэлу за плечо, позвал по имени. Эмилиан слышал его настойчивый голос человека с армейской выправкой. «Убей его. Он все узнает. Он встанет у нас на пути», — шептала ему его вторая сущность. Ноги сами понесли его вперед к комнате, где находился шериф. В дверях он остановился. Шериф обернулся.

— Она, должно быть, крепко спит, — неуверенно сказал Эмилиан.

— Очень жаль, — вздохнул шериф. — Может быть, нужно вызвать для твоей матери врача? — предложил он, словно бросая темной сущности Эмилиана вызов.

— Не надо врачей.

— Но...

— Со мной все будет в порядке, — неожиданно сказала Габриэла.

Она проснулась, села в кровати. На бледном лице появилась улыбка. Пустота покинула мысли. Голос был слабым, но она ловко врала шерифу, убеждая, что с ней все в порядке.

— Возможно виной всему те консервы, что я видел на вашей кухне? — сдался наконец шериф.

Он взял с Габриэлы слово, что как только ей станет лучше, они снова встретятся и поужинают. Она начала засыпать. Силы закончились. Эмилиан видел, как пустота снова начинает поглощать ее мысли. Шериф покинул ее комнату, но вместо того, чтобы идти к выходу, начал осматривать дом.

— Нет. Вы определенно не должны жить здесь, — сказал он Эмилиану. Тени сгустились. Они крались за гостем по пятам, контролируемые темной сущностью Эмилиана. — Что ты скажешь, если я предложу тебе с матерью перебраться в мой дом? — спросил шериф.

— В ваш дом?

— Ну да!

Шериф встретился с недоверчивым взглядом Эмилиана и спешно начал объяснять, что в его предложении нет никакого умысла. «Убей его, — сказала Эмилиану его сущность. — Он все знает. Он все понял. Он просто сосуд, который сделает тебя сильнее». Тени взобрались по стенам, нависли над шерифом, потянулись к его шее. Еще мгновение, и они убьют его — Эмилиан не сомневался в этом.

— А могу я посмотреть ваш дом? — попросил он шерифа. — Прямо сейчас.

— А как же твоя мать?

— Она не так сильно больна, как вы думаете, — Эмилиан широко улыбнулся.

«Давай же! — думал он. — Проваливай из дома!» Шериф нахмурился. Тени почти дотянулись до его шеи.

— Пойдемте на улицу! — позвал шерифа Эмилиан. Он все еще не мог понять: жалеет он шерифа на самом деле или спасает его, потому что этого хотела бы Габриэла.

Алый закат пробивался сквозь шторы. В его лучах лицо шерифа выглядело каким-то серым, бескровным, мертвым.

— А знаешь, что... Черт с ним. Поехали! — неожиданно сдался шериф.

Тени почти дотянулись до него, схватили невидимыми зубами пустоту, где он стоял мгновение назад. Шериф и Эмилиан вышли на улицу. Патрульная машина была старой и пахла пылью. Дорога до дома шерифа заняла чуть меньше четверти часа. Эмилиан все время оглядывался, надеясь, что тени не преследуют их. Что касается самого дома, куда привез Эмилиана шериф, то он показался мальчику слишком большим и слишком светлым. Неприлично светлым. Шериф показывал свободные комнаты и говорил, что Эмилиан и его мать могут выбрать любые.

— Кроме моей комнаты и комнаты моей дочери, — широко улыбнулся он, показав свои маленькие крысиные зубы.

— У вас есть дочь? — спросил Эмилиан.

— Она чуть старше тебя, — шериф отвел его в гараж и долго хвастался старым «мустангом», внутренности которого были вынуты, а двигатель подвешен над капотом. — Тебе нравятся машины?

— Это просто машины, — Эмилиан подумал, что ему совершенно не нравится шериф и его дом. Особенно дом. — Мне хочется вернуться к Габриэле.

— Так быстро? — шериф чувствовал себя обиженным. — Но если тебе не нравятся машины, может, ты захочешь завести друзей?

— Вы хотите познакомить меня со своей дочерью? — спросил Эмилиан, прочитав серые, монолитные мысли шерифа.

— Тебе она понравится! — оживился шериф.

— Может быть, ей не понравлюсь я?

— Исключено. Ты ведь приехал из большого города? А Дарла только и говорит, что о больших городах. Это ее мечта. У тебя много было друзей там, где вы жили с матерью прежде?

— Один, — Эмилиан вспомнил котенка, которого убил. — Он умер.

— Вот как... — шериф помрачнел, словно его мозг просто отказывался принимать подобные ответы от подростка. — Тогда тебе обязательно нужно познакомиться с моей дочерью. Она веселая и поможет забыться.

Они отправились пешком к дому, где жила бывшая жена шерифа. Алый закат продолжал подавать признаки жизни, и Эмилиану приходилось притворяться, что его не беспокоит это ненавистное заходящее солнце. По дороге шериф рассказывал о своей работе и спрашивал Эмилиана, кем он хочет стать, когда вырастет. Мальчик отвечал уклончиво и невольно начинал злиться. Гнев поднимался откуда-то из глубины сознания. Чистый, неразбавленный гнев. Особенно когда он понял, что дом бывшей жены шерифа находится на другой стороне города.

— Почему мы не поехали на вашей машине? — спросил Эмилиан.

— Потому что я хотел показать тебе город, — шериф добродушно улыбнулся.

Эмилиан не ответил. Умиравшее солнце заставляло чувствовать себя беспомощным, ослабляя связь с темной половиной, прогоняя тени. Эмилиан чувствовал себя одиноким, преданным, забытым. Чувствовал почти так же, как в тот день, когда убил своего единственного друга — котенка. Но разве сейчас он жертвовал спокойствием не ради того, чтобы спасти шерифа? Эмилиан смерил Лари Вэлбека внимательным взглядом. «Почему Габриэла ужинала с ним?» Конечно, Эмилиан мог видеть ее мысли, но многого он не мог понять. «Или же ты просто другой и это тебе не нужно», — сказала его вторая сущность. Эмилиан увидел, что шериф смеется, и улыбнулся, желая показать, что принимает участие в разговоре. Шериф оживился, снова начал говорить о «мустанге», о том, как познакомился со своей женой благодаря этой машине, и еще о многих мелочах, которые только злили Эмилиана.

— Он уже рассказал тебе о том, что мне дали жизнь в этом чертовом «мустанге»? — спросила дочь шерифа сразу после того, как отец познакомил их. Эмилиан улыбнулся и качнул головой. — Ну, вот. Теперь ты знаешь.

Дарла позвала мать, чтобы сбегать ей отца и спешно повела Эмилиана за дом.

— Ты не любишь отца? — спросил Эмилиан, прочитав ее мысли.

— Ненавижу.

— Потому что он не понимает тебя?

— Не понимает? — она скорчила пренебрежительную мину, достала сигарету. — Следи лучше за дверью, а не копайся у меня в мыслях.

— Ты знаешь, что я могу читать твои мысли? — растерялся Эмилиан.

— Можешь читать мои мысли? — Дарла смерила его внимательным взглядом и громко рассмеялась.

— Ты не веришь мне? — обиделся Эмилиан.

— Ладно, — Дарла стала издевательски серьезной. — И о чем я сейчас думаю?

— Об отце.

— А сейчас?

— О его «мустанге».

— Ну, это просто! — Дарла натянуто рассмеялась.

— Тебе восемнадцать лет, и ты потеряла девственность два года назад.

— Что?

— Для тебя это очень важно. В смысле то, что ты уже взрослая. Иногда ты представляешь, как убегаешь из дома. Ты ненавидишь этот город, своего отца и мужчин, с которыми встречается твоя мать.

— Мне наплевать, с кем встречается моя мать.

— Но не твоему отцу.

— Ты же сам сказал, что я его ненавижу.

— Но он твой отец.

— Пошел к черту! — Дарла повернулась к странному знакомому спиной, закурила. — Тебе рассказал обо всем этом мой отец? — спросила она. Эмилиан не ответил, потому что Дарла не хотела, чтобы он отвечал. — А он сказал тебе, что они с матерью никогда не воспринимали меня всерьез? Сказал, что они относятся ко мне, как к домашнему питомцу? Словно я чертов котенок, которому нужно только, чтобы с ним играли и убирали за ним туалет.

— У меня когда-то был котенок.

— Это не смешно, — Дарла обернулась. — Отец сказал, что ты приехал сюда с матерью. Почему? Где твой отец?

— Далеко отсюда.

— Значит, тебе повезло.

— Согласен.

— Согласен?! — Дарла едва не подавилась дымом.

— Думаю, если бы Гэврил знал, где я, то он бы пришел и убил меня и Габриэлу.

— Габриэла это твоя мать?

— Мне больше нравится просто Габриэла.

— А мои родители не разрешают называть их по имени.

— Они хотят, чтобы ты как можно дольше оставалась ребенком.

— Это ты тоже у них в мыслях прочитал? — Дарла улыбнулась, давая понять, что это шутка. Эмилиан улыбнулся в ответ. — Отец сказал, что ты младше меня. Насколько?

— Я быстро расту.

— Нравится представлять себя особенным?

— Я не хочу быть особенным.

— А ведешь себя так, словно хочешь, — Дарла предложила ему сигарету.

— Не думаю, что мне это понравится.

— С первого раза нет, но потом, когда привыкнешь...

— Может быть, в другой раз.

— Ладно, — Дарла отошла назад, окинула его внимательным взглядом, словно желая заново оценить. — В больших городах все такие, как ты?

— Нет.

— Понятно, — Дарла услышала голос отца, поморщилась. Затем раздался повышенный голос матери. — Они всегда ругаются, когда остаются наедине дольше пары минут.

— Ты можешь не слушать.

— Иногда мне кажется, что их ссоры можно услышать на другом конце города.

— Притворись, что их нет. Мне иногда это помогает не слышать мысли людей.

— Мысли? — на лице Дарлы появилась снисходительная улыбка. — Ты что, действительно веришь в эту чушь?

— Этой чуши плевать, верю я в нее или нет. Она просто есть.

— Ты точно странный, — Дарла бросила сигарету, вмяла ее ногой в сухую землю.

— Сейчас тебе неловко и ты хочешь уйти.

— Что?

— И нет, я к тебе не клеюсь.

— Как ты это делаешь, черт возьми? — теперь улыбка на лице Дарлы стала веселой, почти беспечной. Она заглянула Эмилиану в глаза. — Фокус в моих жестах, да? Я слышала, есть книги, которые учат читать мысли людей по жестам и мимике. Я угадала?

— Я не читал этих книг.

— Врешь ты все, — Дарла улыбнулась шире. Эмилиан пожал плечами. — Хотя это, если честно, немного забавно.

— Читать мысли?

— Называй, как хочешь, Гудини.

— Кто такой Гудини?

— Какой-то старый фокусник. Кажется, он мог освободиться из любых пут, но...

— Твой отец называл тебя так всегда, когда ты жульничала или пыталась обманывать его?

— Верно, — Дарла прищурилась. — А как называла меня моя мать, сможешь узнать?

— Может быть... — Эмилиан попытался отправить мыслями в дом, к родителям Дарлы. Но подслушивать чужие мысли намеренно оказалось сложнее, чем случайно.

— Я так и знала, что ты шарлатан! — Дарла весело рассмеялась. Эмилиан покраснел. Его лицо стало цвета алого неба. — Ладно. Не обижайся, — Дарла тронула его за плечо. — Расскажи лучше о большом городе.

— Что рассказать?

— Ну, не знаю... Начни с того, кем работала твоя мать.

— Она не работала, когда я родился.

— А до того?

— Кажется, генетиком.

— Ого!

— Ей не нравилась эта работа. Вернее, не нравились последствия.

— Почему?

— Потому что люди выкинули мою мать и ее коллег на свалку жизни.

— Это она так говорит?

— Да.

— Видишь, я тоже умею читать мысли, — Дарла подмигнула, снова коснулась его плеча. — Как долго твой отец не живет с вами?

— Он никогда не жил с нами.

— Теперь понятно, почему ты такой странный.

— Возможно, — согласился Эмилиан, снова заглянув в мысли Дарлы.

— Что возможно? — спросила она.

— Возможно, Габриэла повлияла на меня.

— Обязана повлиять. Она ведь твоя мать.

— Но мы с ней очень разные.

— Это хорошо.

— Почему?

— Не люблю ученых, — Дарла прищурилась. — Ты ведь не изучаешь генетику?

— Нет.

— Вот, поэтому и хорошо, — и снова Дарла тронула его за плечо, спросила про старые фильмы.

— Я никогда не видел старые фильмы.

— В них есть магия.

— Сомневаюсь.

— Зря! — глаза Дарлы вспыхнули. — Кинотеатр у нас в городе давно закрылся, но отец установил в гараже старый проектор...

Она схватила Эмилиана за руку и почти силой потащила за собой. Ее мысли стали беспокойными, словно стая напуганных птиц. Дарла говорила о забытых актерах, о том, что современный кинематограф становится мертвым и бесчувственным.

— Почти как отношения моих родителей! — она рассмеялась, показывая, что это шутка, но где-то в ее мыслях была уверенность в том, что это давно стало действительностью. Эмилиан видел это за чередой других, не интересных ему мыслей новой знакомой.

— Ты тоже странная, — признался он, когда Дарла включила старый проектор.

В большом гараже, где могли поместиться несколько машин, пахло пылью. Было темно. Алый закат почти не пробивался сквозь плотные шторы и закрытые ворота, на которых висела белая простыня, а на ее поверхности смеялись и жили киногерои прошлого века, которых давно уже не было в живых. Дарла отмечала их игру, отмечала сценарии. Она стала вдруг очень серьезной, сосредоточенной. Не нужно было уметь читать мысли, чтобы понять, что эти фильмы для нее очень важны. Поэтому Эмилиан предпочитал молчать, лишь изредка отвечая на вопросы Дарлы и высказывая уклончивое мнение.

Он не знал, сколько прошло времени, но когда их прервал шериф, от алого заката остались остывающие угли. Шериф устало улыбался и говорил дочери, что Эмилиану пора возвращаться к матери. В его мыслях были опустошающий покой, усталость и удовлетворенность. Горящая сигарета, зажата в зубах, дрожала.

— А где мама? — спросила Дарла. — Надеюсь, ты не убил ее?

— Хватит шутить, — сухо отрезал шериф, но злости в голосе не было.

— Но вы так всегда ругаетесь... — Дарла бросила на Эмилиана короткий взгляд и устало покачала головой.

— У них был секс, — шепнул ей на ухо Эмилиан.

— Что?! — Дарла растерянно выпучила глаза. Эмилиан пожал плечами. — Плохая шутка, — скривилась Дарла.

— Это не шутка.

— Вы о чем? — спросил шериф. Дарла и Эмилиан переглянулись.

— О фильмах, — сказали они в один голос.

— Ах, о фильмах... — шериф улыбнулся и начал вспоминать, как подростком ходил в местный кинотеатр.

Дарла проводила отца и нового друга до дороги, вернулась в гараж, хотела досмотреть фильм, но мысли были далеки от кинематографа.

— Что значит, у них был секс, черт возьми? — проворчала она, вспоминая последние слова Эмилиана. — Чертов фокусник!

Она выкурила сигарету, подсознательно надеясь, что мать сейчас войдет в гараж и заткнет ей очередной скандал по поводу курения. Но

мать не вошла. Она была в доме. Дарла слышала шум включенного душа.

— Да нет, — сказала себе Дарла, представляя мать и отца. — Не может быть!

Она постаралась отвлечься, не думать, не представлять. Выругалась. Заглянула в спальню. Окна были открыты. Пахло остывающим вечером, выжженной солнцем землей и цветочным освежителем воздуха. Сама кровать была убрана, но как-то небрежно, словно в спешке или...

— Нет, — Дарла качнула головой, хотела уйти.

На мгновение ей показалось, что в воздухе пахнет сигаретным дымом. Взгляд устремился к прикроватной тумбе. В пепельнице среди десятка окурков сигарет, которые курила мать, были несколько, принадлежавших отцу.

— Не верю, — Дарла подошла к кровати, дернула покрывало. Постельное белье было мятым и пахло потом. В центре на белой простыне расплзлось пятно. — Твою мать, — монотонно сказала Дарла.

В первый момент она обвинила во всем Эмилиана. Гнев оказался таким сильным, что Дарла с трудом удержалась от того, чтобы отправиться в заброшенный дом за городом и высказать все свои обиды Эмилиану в лицо. Затем появилась растерянность, стыд.

Дарла спешно заправила кровать, вышла на улицу. Бумажные спички, которыми она пыталась прикурить сигарету, тухли одна за другой. Дарла выругалась, вернулась в дом, хотела поговорить с матерью об отце, но так и не решилась. Чуть позже с работы вернулся очередной мужчина, живший с ними последние полгода. Мать позвала Дарлу ужинать. За столом было тихо. Дарла отказалась от мяса, выпила пару чашек кофе, ушла в свою комнату. Едва она закрыла дверь, как разговор между матерью и очередным отчимом оживился, словно она смущала их своим присутствием. Эта мысль снова заставила Дарлу разозлиться. Гнев усилился, когда мать и отчим отправились в спальню. Тонкие стены предательски донесли скрип кровати. Дарла вышла на улицу. Темная дорога тянулась вдаль, в ночь. И где-то там был новый друг, способный читать мысли.

Дарла встретилась с ним затемно — добралась пешком до его дома, поднялась на старое крыльцо и барабанила в дверь до тех пор, пока не вышел Эмилиан. Какое-то время им удавалось общаться, как паре беззаботных подростков, потом Дарла вспомнила родителей, снова начала злиться: на них, на отчима, на себя, на Эмилиана, на весь этот чертов маленький город.

— И хватит нести чушь о чтении мыслей! — зашипела она на нового друга, развернулась, собираясь уйти, увидела проشمывнувшую возле лестницы тень и замерла. — Это что такое было, черт возьми? — Дарла

попыталась отыскать взглядом растворившийся в темноте силуэт. — У тебя есть собака?

— Нет.

— Тогда кого я видела?

— Не знаю. Я ничего не видел, — соврал Эмилиан.

— Я точно что-то видела, — Дарла обернулась, смерила его внимательным взглядом, желая убедиться, что он не смеется над ней. Эмилиан был серьезен. Ей показалось, что он сейчас вернется в дом, оставит ее одну на улице. — Ты должен меня проводить.

— Тебе нечего бояться.

— Я не боюсь, просто... — Дарла тихо выругалась. — Не нужно было мне приходить к тебе.

— Зачем же тогда пришла?

— Хотела поговорить.

— Что изменилось?

— Я не думала, что ты будешь следить за моим домом.

— Я не следил.

— Как же тогда ты узнал, почему я пришла к тебе? — Дарла нервно рассмеялась. — Или снова скажешь, что прочитал мои мысли?

— Я лучше промолчу.

— Потому что я так хочу? Потому что я думаю об этом?

— Перестань злиться, — Эмилиан почувствовал, как его вторая сущность начинает просыпаться. — Либо уходи, либо не злись.

— Ладно, — Дарла посмотрела на темную дорогу. — Не буду злиться, но потом ты проводишь меня домой, — она дождалась, когда Эмилиан кивнет, предложила пройти в дом. Свечи и полумрак заставили насторожиться. — Почему бы не включить свет?

— Мне нравится, как сейчас.

— А твоя мать? Она не станет ругаться, что я пришла так поздно?

— Сомневаюсь, что она проснется.

Темная сущность окрепла, набралась сил. Эмилиан чувствовал в своей голове мысли, которые принадлежали и не принадлежали ему одновременно.

— Может, предложишь мне тогда кофе? — спросила Дарла, чувствуя, как начинает затягиваться неловкое молчание.

Они прошли на кухню. Дарла нервничала. Вся эта ночь, весь этот дом, весь этот день — все это пугало ее, настораживало. И Эмилиан... Его взгляд не нравился Дарле. Он словно действительно знал о ней то, что не знали другие. Он словно прямо сейчас прикоснулся к ее разуму, изучал его. Или же во всем виновато богатое воображение?

— Не верю, что мой отец рассказал тебе о том, когда я лишилась девственности, — сказала Дарла, получая какое-то странное удовольствие

от того, что чашка горячего кофе обжигает подушечки пальцев. — Не верю, что он вообще знает об этом.

— Он не знает, — Эмилиан улыбнулся. — Для него ты все еще ребенок.

— Тогда как ты узнал о том, что... — последние слова Дарла не договорила. — Ну, конечно! — скривилась она. — Снова хочешь, чтобы я поверила, что ты умеешь читать мысли? Знаешь, мне кажется, что ты все еще мальчишка. У тебя у самого хотя бы была девушка?

— Нет.

— Я так и подумала! — Дарла хотела рассмеяться, но вместо этого лишь крепче обхватила руками горячую чашку. Эта легкая боль определенно нравилась ей. — Ты странный, — сказала она, оглядываясь по сторонам. — И дом у тебя странный.

Ей снова показалось, что в темноте проскользнула какая-то тень, какой-то силуэт. Маленькая собака? Кошка? Несколько собак? Несколько кошек? Дарла увидела десяток неясных силуэтов, прячущихся в углах комнаты.

— Да что, черт возьми, это такое? — она выронила чашку. Звон разбитого стекла разнесся по старому дому. Тени замерли. Да, определенно, всего лишь тени. — Словно накурилась чего-то... — пробормотала Дарла, подошла к углу, где видела кого-то или что-то. Пустота. Темнота. Дарла глуповато улыбнулась, посмотрела на Эмилиана, снова улыбнулась. — Ты правда ничего не видел?

— Это просто тени.

— Да. Всего лишь тени, — еще одна улыбка. — Я так и подумала. — Дарла наступила на осколки чашки, скрипнувшие под ногой. — Черт, — мысли в голове окончательно спутались. Она боялась и не боялась одновременно. Хотела сбежать и хотела остаться.

— Наверное, это из-за того, что сейчас ночь. Ты просто боишься темноты...

— Я не боюсь темноты.

— Боишься. Когда была ребенком, всегда боялась...

Он не хотел читать ее мысли, не хотел видеть ее воспоминания, но не мог остановить этот бурный поток, лавину. Стихийное бедствие вышло из-под контроля. Эмилиан чувствовал это. Мысли в голове путались, сплетались с мыслями Дарлы, плавилась, становились одним целым. И ничто не могло встать на пути этой обезумевшей лавины. Она перемалывала все, сметала со своего пути, переворачивала с ног на голову, вырывала с корнем. И в этом хаосе не могло быть порядка. Хаос невозможно было подчинить. Воспоминания детства Дарлы. Воспоминания, которые она сама давно забыла. Мелочи жизни, обиды, слезы, радости, смех, разочарования. Ее жизнь начинала казаться Эмилиану необъят-

но огромной. Особенно если сравнивать эту жизнь с его собственной жизнью. Его короткой жизнью. Еще мгновение, и эти мысли, кажется, уничтожат его личность. Куклы Дарлы, игры Дарлы, родители Дарлы, друзья Дарлы... Хаос. Но хаос происходил не только в голове Эмилиана. Хаос проник и в мысли Дарлы. Хаос Эмилиана. Хаос древнего существа, которому отроду было не более пары месяцев. Хаос вечности.

Острая боль пронзила виски Дарлы. Она вскрикнула и обхватила голову руками. Вскрикнула от боли и страха. Затем вскрикнула от отвращения. Дарла увидела рождение Эмилиана. Увидела Габриэлу, ее грудь, струйки крови из ран, кормление Эмилиана. Пустой желудок сжался. Желчь наполнила рот. Колени подогнулись.

— Дарла? — испуганно позвал Эмилиан.

— Не подходи ко мне! — закричала она, выставя перед собой руку, словно это могло защитить ее от твари в облики подростка.

— Но...

— Ты — чудовище! — внезапно все части мозаики сложились воедино. Чтение мыслей Эмилиана, его странное поведение. Эта ночь. Живые тени, снующие по углам комнаты. Этот дом. Свечи. Болезнь Габриэлы.

— Все совсем не так, — попытался объяснить Эмилиан.

— Не смей приближаться ко мне! — заверещала Дарла.

— «Ты ей противен. Разве ты еще не понял? Ты противен им всем, — сказала Эмилиану его природная сущность. — Ты никогда не сможешь стать таким, как они. Габриэла обманула тебя. Люди убьют тебя, как только узнают о том, кто ты. Твое единственное спасение — это принять свою природу».

— Я не верю.

Эмилиан шагнул к Дарле, надеясь, что есть шанс все исправить, что нужные слова найдутся. Достаточно собраться, сосредоточиться и... Он не заметил, как начало меняться лицо. Природная сущность проснулась. Появились зубы-иглы. Челюсть вытянулась.

— Нет! — заверещала Дарла. Ее голос сорвался. Страх парализовал сознание, но придал сил молодому телу. Дарла оттолкнула Эмилиана и побежала прочь.

«Нужно остановить ее! — сказала Эмилиану природная сущность. Шаги Дарлы гремели по дощатому полу дома. — Если она уйдет, то расскажет о тебе другим. Они придут и убьют тебя».

— Мне плевать.

«Они убьют Габриэлу».

— Мы сбежим.

«Она слишком слаба, чтобы бежать. Ты выпил у нее много крови».

Внутренняя природная сущность замолчала, прислушиваясь к звуку хлопнувшей за Дарлой входной двери. Или же это была уже не внутрен-

ная сущность, а собственные мысли в этом грохочущем хаосе? Метаморфозы сильнее изменили его тело, ставшее легким и пластичным. Теперь он мог бежать, лететь, чтобы догнать свою жертву. Подобно лавине своих мыслей, Эмилиан выскочил из дома следом за Дарлой. Она обернулась, увидела его, закричала. Черные густые тени ожили, окружили ее преследователя. Они развевались за ним армией тьмы, пришедшей на помощь своему господину из самого ада. Дарла споткнулась, но устояла на ногах.

Далеко впереди горели дежурные огни закрытой на ночь заправочной станции. Мысли Эмилиана все еще грохотали в голове Дарлы. И где-то в этом безумии она нашла свое спасение. Свет. Ей нужно добраться до света, до фонарей. Тьма ненавидит свет, боится. Он делает ее слабой, уязвимой. Дарла снова обернулась. Армия теней опередила Эмилиана. Нет, ей никогда не добраться до света. В этом мире тьмы глупо даже надеяться. Мир сжался до размеров дороги. Дарла словно бежала по темному тоннелю, в конце которого виднелся белый пятачок спасительного света. Бежала, зная, что все равно проиграет марафон. Но другого выхода не было. Только вперед. Из последних сил.

Одна из теней, опередив остальных, коснулась ноги своей жертвы. Холод обжег кожу. Дарла вскрикнула. Нужно бежать быстрее. Еще быстрее. На мгновение ей показалось, что погоня начала отставать. Дарла заставила себя не оборачиваться. У нее получится. Она сможет. Сможет...

Что-то холодное и липкое схватило ее за шею и швырнуло в придорожную пыль. Фонарь заправочной станции был так близко. Дарла попыталась подняться. Еще несколько дюжин шагов, и она спасена. Тени снова схватили ее, сбросили с дороги, прижали к остывшей сухой земле. Их прикосновения вызывали боль. Кожа белела от обморожения. Дарла закричала, но крик застрял в горле. Страх затопил сознание. Уродливая тварь с острыми, как иглы, зубами подошла к ней. Теперь это существо почти ничем не напоминало подростка, но Дарла продолжала слышать в своей голове его мысли. Мысли Эмилиана. Теперь хаос этих мыслей стал упорядоченным. Словно тварь смогла примириться с собой.

— Пожалуйста, не надо, — заскулила Дарла, зная из мыслей твари, что она собирается выпить у нее всю кровь, забрать у нее жизнь. — Я никому не скажу. Я...

Острые иглы-зубы вонзились в шею, заставив замолчать. Дарла попыталась закричать еще один раз, последний раз, но из горла вырвался лишь затихающий хрип.

Эмилиан не считал, сколько прошло времени, сколько он выпил крови у своей жертвы, как это было с Габриэлой. Его природная сущность была голодна, и ей было плевать, умрет Дарла или нет. Испить ее до дна, а затем вернуться в дом и осушить еще один сосуд, который принадлежит Габриэле — приемной матери.

Эмилиан замер. Кровь все еще текла из прокушенной шеи Дарлы, но губы твари, напавшей на нее, уже не прикасались к ней, не пили ее. Тварь нависла над своей жертвой. Лицо Дарлы было бледным, бескровным. Серые глаза широко открыты, но взгляд смотрит куда-то в звездное небо, в пустоту. Сухие губы дрожат. Она почти не дышит. Почти не живет. Его сосуд. Его пища. А природная сущность все еще шепчет, что нужно закончить трапезу.

— Нет, — страх Эмилиана уступил место голоду. Вернее, не страх, а человеческая сущность, созданная Габриэлой. Но как все исправить? Как спасти Дарлу?

— Сделай ее своим слугой, — сказала природная сущность. Хотя нет, это он сам сказал себе.

Где-то в прошлом, в том прошлом, которое принадлежало Гэврилу, Эмилиан видел, как живут подобные ему твари. Видел, как люди служат им. Видел, как твари превращают их в своих слуг. По доброй воле и насильно. А здесь, под этим звездным небом, он видел мысли умирающей девушки. Видел ее единственное желание — жить. Жить, как угодно. Но не идти в пустоту, в неизвестность. Она готова быть слугой, готова быть кем угодно, лишь бы не умирать. Сейчас все трудности кажутся мелкими и незначительными. Она сможет справиться с ними, сможет разобраться со всем после. Но кровь все еще течет из ее прокушенной шеи.

— Ты будешь первой, — тихо сказал Эмилиан.

Он прокусил себе вены и прижал запястье к губам Дарлы. Он не знал, пьет она или нет, остались ли в ней силы, чтобы бороться за свою новую жизнь? Он мог лишь читать ее мысли, в которых она ненавидела его и преклонялась перед ним. Он был для нее убийцей и спасителем, ядом и лекарством.

Теперь подняться, взять Дарлу на руки и отнести в дом. Уложить на кровать в самой дальней комнате, чтобы Габриэла не слышала стонов умирающей девушки. Сидеть на пороге и ждать. Темные тени клубятся у ног. Тени-слуги, которых Эмилиан может прогнать и может призвать в любой момент. Еще день назад он мечтал об этом контроле, но сейчас ему плевать. В мыслях ничего нет. Природная сущность и сущность, которой дала жизнь Габриэла, слились воедино, принеся пустоту. Весь мир стал пустотой, созданной из пустоты. Абсолютно черный цвет, который может прогнать лишь утро, первые лучи солнца. Они не могут причинить вред, лишь нарушают безмятежность и покой.

Эмилиан поднялся на ноги и отправился в свою комнату. Перед сном он заглянул в мысли Дарлы. Девушка была жива, но сознание угасало. Он чувствовал это. Так что вечером, когда он проснется, она, возможно, будет уже мертва. Эмилиан закрыл глаза, примиряясь с неизбежностью.

Глава четвертая

Клео Вудворт. Долгий безумный день подошел к концу, но воспоминания продолжали пульсировать в голове резонирующим эхом. Сможет ли она когда-нибудь забыть, как подозреваемый по имени Гирт Делавер у нее на глазах превратился в ничто? Вот она разговаривает с ним, слушает его. А вот, спустя несколько минут, он просто лужа у нее под ногами. И еще эта изуродованная рука детектива Оливера! Нечто темное и незримое сожрало его плоть, ничего не оставив кроме белых костей. Врачи смогли сохранить руку, но не обещали, что пальцы будут такими же ловкими, как и прежде. Что самое странное, детектив Оливер и не заметил сначала своих ран, не придал им значения. В его глазах блесело безумие. Не шок, нет. Клео Вудворт слишком хорошо разбиралась в психологии людей, чтобы не увидеть различий. Детектив Оливер был возбужден, взволнован, и боль для него не значила ровным счетом ничего. Главным было то, что он видел... Они оба видели...

Нет, это не могли быть химикаты, о которых говорили коллеги детектива Оливера. Химикаты не могут жить, у них нет интеллекта. Но тени в кабинете для допросов были живыми, как сам подозреваемый, плоть которого они сожрали. Их движения были логичны. Их жизнь не зависела от света. Наоборот, тени зашипели и растаяли, как только заработал резервный генератор. Точно такие же тени, как те, о которых рассказывал Гирт Делавер незадолго до того, как они пришли и за ним, насытившись его девушкой, превратившейся в уродливую тварь. В последнем Клео тоже не могла сомневаться.

Как только детектива Оливера увезли в больницу, она отправилась к патологоанатому, изучила отрубленную руку Надин Торн. Бред подозреваемого, который можно было вначале ее знакомства с Гиртом Делавером считать шизофренией, стал еще на один шаг ближе к действительности. Безумная история обрела силу. Но кем же тогда была Надин Торн? Кем была эта странная женщина, которой, если верить архивам, было более сотни лет?

Вернувшись в участок, Клео попыталась достать из кабинета для допросов свой диктофон. Но тени сожрали вместе с подозреваемым и ее собственность. Видеозапись тоже была удалена. Никто не мог объяснить, как такое могло случиться, но единственными свидетелями истории Гирта Делавера и того, что с ним случилось, были Клео и детектив Оливер. Не осталось протоколов первоначальных допросов. Все выглядело так, словно это была случайность. Но случайностей не бывает так много. Клео слишком поздно поняла это. Хотела предупредить о происходящем патологоанатома, чтобы он убрал руку Надин Торн в надежное место, но смогла дозвониться лишь до старого сторожа, который долго не соглашался спуститься в морг, а когда наконец сделал это, то вместо руки обнаружил зловонную жижу. Заикаясь, сторож клялся, что видел черные густые тени. Он еще продолжал говорить, когда Клео повесила трубку.

Она была взволнована и напугана. Сидела в своем кабинете и курила сигарету за сигаретой, убеждая себя, что ждет, когда закончится операция детектива Оливера. Знакомый врач обещал позвонить сразу, как только освободится. Свет в кабинете Вудворт был включен, жалюзи закрыты, чтобы не видеть ночь снаружи. Кто-то постучал в дверь и напомнил, что рабочий день давно закончился.

— Я знаю, — крикнула неизвестному доброжелателю Клео, но вместо того, чтобы начать собираться, закурила новую сигарету.

Она не знала, о чем думает, просто сидела и подливала себе черный кофе. Лишь старый сварливый уборщик смог выгнать ее домой. Клео злилась на него всю дорогу до дома. Злость застлала собой страх. Седовласый уборщик стал центром мира, отодвинув на второй план события минувшего дня. Только в холле своего дома Клео поняла, что ищет любую причину, лишь бы не думать о Гирте Делавере и его истории. «Какого черта?! — отчитала себя она. — Я ведь психолог. Я должна лечить безумие, а не плодить беспочвенные страхи. Объяснение есть всегда. Нужно уметь искать».

Клео вызвала лифт, стараясь не замечать пару перегоревших ламп, которые вряд ли кто-то будет менять ночью. Тесная кабина лифта напомнила комнату для допросов, где погиб Гирт Делавер. «Если сейчас лампы перегорят и здесь, то я точно запаникую», — подумала Клео, прислушиваясь к надрывному гулу электромоторов в ночной тишине.

Лифт вздрогнул и остановился. Двери открылись. Клео выскочила в коридор, добралась бегом до квартиры, включила во всех комнатах свет, заставляя себя не думать о темных участках под столами, кроватью, в шкафу, где могут притаиться тени, которые сначала забрали Надин Торн, затем Гирта Делавера... «Нужно уходить с этой чокнутой работы», — подумала Клео, переводя дыхание. Пара бокалов вина помогли успокоиться.

Теперь принять душ и попытаться заснуть.

Клео открыла кран с холодной водой, дождалась, когда тело привыкнет, и включила горячую. Десятки крохотных игл вонзились в кожу. Теперь забыться. Не думать о прожитом дне, не вспоминать детали. Стать свободной. Но часть сознания навсегда осталась в комнате для допросов. История Гирта. История Надин... Где-то далеко зазвонил телефон. Клео оделась, взяла трубку. Знакомый врач сказал, что детектив Джейсон Оливер успешно прооперирован и в ближайшие дни сможет вернуться на работу.

— Думаю, он вернется уже завтра, — улыбнулась Клео, уверенная, что знает Оливера достаточно хорошо.

Продолжая думать о детективе, она заставила себя лечь в кровать. Спать не хотелось. Клео выключила свет. Остался ночник, который не только не разгонял мрак, а сгущал его, оживлял тени, а вместе с этим оживали и воспоминания: комната для допросов, истории Гирта Делавера, его смерть, белые кости, в которые превратилась правая рука детектива Джейсона Оливера... Клео попыталась направлять свои мысли, указывать им дороги, по которым стоит идти и закрывала доступ к тем, которые принесут тревоги и страхи. Любовь подозреваемого к загадочной женщине по имени Надин Торн. Удачная операция, проведенная детективу Оливеру, который не занимался сексом больше года.

Последнее, как всегда, заставило Клео задуматься. Особенно после историй Гирта Делавера о Надин Торн. Подробности их встреч еще слишком свежи. Неужели женщина действительно может развить свои мышцы настолько, чтобы заниматься любовью так, как об этом говорил Делавер? Клео снова вспомнила детектива Оливера. Кажется, история о Надин тронула его. Клео ощутила легкий укол зависти. За все неполные тридцать лет ее жизни ни один мужчина никогда не сказал о ней ничего похожего на то, что Делавер говорил о Надин. Скорее наоборот. Все они жаловались на ее холодность, на безразличие, на просторность там, внизу. Сначала ничего не говорили, но потом, когда понимали, что лучше не станет, начинали подыскивать себе кого-то другого. И Клео снова оставалась одна.

После знакомства с детективом Оливером она начала завидовать ему. Неужели человек действительно может не заниматься сексом пару лет? Не хотеть секса? Не думать об этом? Нет, ни одно горе, ни один случай не сможет сделать так. Клео пробовала проделать нечто подобное после очередного унижительного разрыва с партнером. Он просто ушел и по телефону пробормотал что-то о том, что они не подходят друг другу физически. Конечно, их близость никогда не была идеальной, но разве Клео не пыталась искать компромиссы? Разве она не скрашивала недостатки своего тела разнообразием? Разве близость не может быть

многогранной? Тогда какого черта большинство мужчин чувствуют себя униженными, если не могут удовлетворить женщину классическим способом? Последний из них предложил Клео сделать операцию и сказал, что у него есть знакомый хирург, который занимается подобной пластикой. Он даже предлагал оплатить операцию, которая сделает Клео менее просторной.

— Но не вернет чувствительность... К тому же у меня нет проблем с оргазмом, — сказала тогда Клео. Никогда не было проблем. Даже в детстве, после очередной порки, устроенной отчимом, когда мать ловила ее за мастурбацией. Крохотный орган всегда работал исправно. Лишь иногда приходило отвращение и злость, да изредка стыд, особенно с возрастом.

Клео снова вспомнила детектива Джейсона Оливера. Да, она определенно завидовала его способности игнорировать естественные потребности организма. И еще она завидовала Надин Торн, которая смогла так хорошо развить мускулы внутри себя, чтобы довести мужчину до оргазма пользуясь только их силой. Если вместе с ним она может удовлетворить и себя, то это, определенно, самая счастливая женщина... Мертвая счастливая женщина...

Мысли вернулись в морг, где лежала отрубленная рука Надин. Затем в кабинет для допросов. Тени, смерть, безумие, странности... Клео потрянула головой. Хватит с нее этих волнений. На сегодня хватит. Она закрыла глаза, пытаясь ни о чем не думать. Как и в детстве: ласкать себя, зная, что после придет сон. Напряжение нарастает, но развязки нет. Впервые за последние годы нет.

Клео попыталась представлять Надин Торн и Гирта Делавера. Детали их близости. Сексуальное напряжение достигло пика, но вместо коллапса продолжило расти. Словно вода, которая достигла точки кипения, но продолжает нагреваться. Сильнее и сильнее. От раздражения и злости Клео заскрипела зубами. Села в кровати, выкурила пару сигарет. От надежды уснуть не осталось и следа. Злость притупила страх. Клео смотрела на темноту, на ползущие по стенам тени и все еще думала о Надин Торн, детективе Оливере и своих неудачах. Думала до тех пор, пока одна из теней, оторвавшись от стены, не устремилась к кровати.

Клео вскрикнула и поджала ноги. Холод обжег кожу, оставил белые следы. Ожившая тень сжалась, снова бросилась вперед. Клео соскочила на пол. Тень успела схватить ее за край ночной рубашки. Ткань рассыпалась, превратилась в прах. Темнота на стенах зашептала, скрыла выключатель. Клео выбежала в гостиную. Здесь свет включился автоматически. Последовавшие за ней тени взвыли, отступили в спальню. Клео захлопнула за ними дверь, включила в оставшихся комнатах свет, попыталась успокоиться, собраться с мыслями.

В тишине было слышно, как бьется сердце. «Может быть, это был сон? Просто кошмарный сон?» Клео огляделась. Ничего. Лишь закрытая дверь в спальню. «Нужно собраться с духом и посмотреть, что там». Холодный ночной воздух ворвался в открытое окно. За окном была тьма. Густая, неподвижная. «Просто сон», — попыталась убедить себя Клео, заглянула в спальню, вскрикнула, увидев ожившие тени. Они все еще искали ее. Они все еще жили. Сначала они уничтожили тело Надин, затем отрубленную руку, Гирта Делавера, который был свидетелем, все записи. Теперь они пришли за ней.

Клео показалось, что она сходит с ума. Жизнь всегда была простой и понятной. Даже личные неудачи поддавались объяснению, но сейчас объяснений не было. Только страх и безысходность. Лампы в гостиной замигали, начали гаснуть. Клео выругалась, отступила на кухню, где все еще горел свет, но и здесь лампы начали гаснуть. Тени выбрались из спальни, заполнили погруженную в полумрак гостиную. Бежать! Бежать из дома! Босиком, в ночной рубашке. Не важно. Свет на кухне погас. В прихожей лампы мигали, готовые отключиться в любое мгновение.

Клео выбежала на улицу. Глубокая ночь окрасила витрины неоновыми огнями и светом автомобильных фар. Прохожие оборачивались, нагромождали напуганную полутолую женщину растерянным взглядом. Но что делать ей? Куда бежать? Клео прижалась спиной к ярко освещенной витрине. Может быть, на улице она в безопасности? Витрина замигала, погасла. Клео спешно перешла к другому магазину. Она не знала, воображение это или нет, но ей казалось, что вся ночь восстала против нее. «Ничего, здесь много света, много магазинов. Тени не смогут добраться до меня».

Клео увидела черную машину. Скрипнув резиной, она сорвалась с места, перепрыгнула бордюр и понеслась по тротуару на Клео. Какое-то время она смотрела на эту машину, не понимая, что происходит, затем побежала. Черная машина сбила несколько заграждений, которые с грохотом покатались по улице. Клео вжалась в стену. Преследовавшая машина пронеслась мимо, зацепила стену, выбив сноп искр. Старая машина, словно из прошлого века, проехала мимо, остановилась и начала медленно разворачиваться. Клео выбежала на дорогу, остановила крохотный электромобиль, за рулем которого сидела худощавая покрытая прыщами девушка. На вид ей было не больше шестнадцати.

— Увези меня отсюда, — попросила Клео, боясь напугать, не добились результата и закричала, не скупясь на брань.

Девушка дала по газам. Электромобиль рванул с места, спасаясь от неизбежного столкновения с нацелившейся на него тяжелой черной машиной прошлого века.

— Что это было? — взвизгнула девушка. Клео велела ехать вперед. — Эта машина... — девушка обернулась, пытаясь разглядеть старый чер-

ный автомобиль: мощный, но большой и неповоротливый. — Вас что, изнасиловали? — спросила девушка, заметив, что новая знакомая едва одета.

— Если бы... — Клео закрыла глаза, пытаясь собраться с мыслями.

— Хотите, я отвезу вас в больницу?

— Зачем в больницу? — растерянно спросила Клео, потом вспомнила детектива Оливера, назвала адрес больницы, где ему делали операцию, обернулась, желая убедиться, что погони нет.

Случившееся снова начало казаться сном. Девушка-подросток задавала вопросы. Клео отмалчивалась, не зная, что говорить. Отмалчивалась сейчас, потом в больнице, когда знакомый врач, дежуривший ночью, дал ей халат и пачку сигарет, затем за чашкой кофе, дожидаясь рассвета и пробуждения детектива Джейсона Оливера...

Знакомый врач что-то говорил о мужчинах, которых совершенно не умеет выбирать Клео. Она подумала, что лучше согласиться с тем, что ее избили или выгнали голой на улицу, чем говорить о тенях. Конечно, машина, едва не задавившая ее, может оказаться реальной. Можно рассказать об этом, но как тогда объяснить, что она оказалась полуголая на улице? От кого она бежала? От темноты? От теней? Если так сказать, то даже друзья начнут шептаться, что статистика не врет и среди психологов самый большой процент самоубийц и психопатов. Они лечат людей, они сходят с ума. Вот и Клео сдвинулась. Боится своей собственной тени. Одинокая и всеми забытая. Брошенная и неудовлетворенная.

— Мне нужно поговорить с Джейсоном, — сказала Клео, решив не возражать другу-врачу, который читал ей лекцию о правильном выборе партнера. Он оборвался на полуслове, нахмурился.

— Если бы твой друг не был всю ночь в больнице, то я бы решил, что у тебя роман именно с ним.

— С ним? — Клео натянуто рассмеялась, рассказала о его затянувшемся воздержании.

— Но тебя это беспокоит, — подметил врач.

— Ты хирург, а я психолог. Не забыл?

Клео снова попыталась рассмеяться. Вспомнила, как хирург давно, когда они еще пытались встречаться, говорил, что вся ее нечувствительность во время секса — это психосоматические боли. Говорил, что его не смущает ее большой размер. Говорил что-то еще, но Клео уже тогда знала, что он первым найдет повод для разрыва «зашедших слишком далеко дружеских отношений» — именно так он скажет чуть позже. Клео не станет возражать. Ей нравилась идея, что они останутся друзьями. Обычно все получается намного хуже. Ты лечишь людей, но не можешь вылечить себя. И в какой-то момент это перестает удивлять. Ты привыкаешь к этому. Это становится забавным...

Клео рассмеялась. Рассмеялась сейчас, вспоминая далекое прошлое и радуясь распускавшемуся за высокими окнами рассвету. Знакомый врач придумал в своей голове что-то еще, что-то пикантное, оправдывающее поведение Клео, и это рассмешило его, заставило улыбаться вместе с ней. Клео было плевать, о чем он думает. Безумная ночь осталась в прошлом, и это главное. Но затем Клео подумала, что следом за утром настанет день, за днем вечер, а за вечером снова придет ночь. И вот тогда безумие и тени вернутся.

— Хватит спать! — сказала она детективу Оливеру, проходя в его палату.

Он открыл глаза. Клео улыбнулась, сказала, что операция прошла успешно. Она пыталась говорить о чем-то отвлеченном, о чем угодно, но только не о том, что случилось с ней ночью и занимало все мысли.

— Что с тобой случилось? — спросил детектив Оливер, неожиданно оборвав на полуслове.

Клео замолчала, смутилась, затем, буквально выдавливая из себя слова, начала рассказывать о том, что произошло после того, как его увезли в больницу. Сначала о том, что было днем, затем о ее подозрениях, что кто-то уничтожает улики, свидетельства того, о чем рассказал Гирт Делавер — мертвец, от тела которого ничего не осталось. Наконец настала очередь ночи.

— Только пообещай, что не назовешь меня сумасшедшей. По крайней мере, пока не дослушаешь до конца, — попросила Клео.

Детектив кивнул. Клео тоже кивнула, постаралась устроиться на стуле так, чтобы не встречаться с ним взглядом. Утро за окнами распустилось, расцвело. Солнечный свет прогнал ночные страхи, сжег их, заставил отступить, как свет ламп заставлял отступать напавшие на Клео тени.

— Думаешь, это были те самые тени, которые убили Гирта Делавера? — спросил детектив, когда рассказ Клео подошел к концу. Она пожалала плечами, но глаза ее говорили, что она именно так и думает.

— Они сожгли мне кожу на ноге, — Клео показала детективу Оливеру рану на щиколотке. — Еще немного, и у меня обнажились бы кости, как это случилось с твоей рукой, — она снова посмотрела за окно: дневной свет успокаивал. — Боюсь даже представить, что будет, когда настанет ночь, — призналась Клео. Она взяла Оливера за здоровую руку, заглянула в глаза. — Это не может быть безумием. Не может быть случайностью. Ты ведь тоже видел, как тени забрали подозреваемого. Видел ту странную руку... А черная машина? Она ведь была реальна. Ее видела девушка, которая привезла меня сюда.

— Ты запомнила номер?

— Только часть, но ведь такие машины редкость. Ей должно быть полвека, не меньше.

— Увидим.

Детектив Оливер поднялся на ноги и начал одеваться. Правая рука была забинтована. Он не чувствовал пальцев, но врачи не могли сделать большего. Оставалось ждать. А ждать можно где угодно. Именно об этом он и сказал врачу, который пытался оставить его в палате. Поймав такси, он предложил Клео заехать к ней домой, чтобы она могла переодеться, но получил отказ.

— У меня в кабинете есть одежда, — сказала Клео. Оливер не стал спорить.

В участке комната для допросов была закрыта, и из-за двери исходил тошнотворный запах гнили и плесени. Останки Гирта Делавера отправили в морг, в соседний холодильник с Надин Торн. Других доказательство не осталось. Если, конечно, не считать двух свидетелей: Клео Вудворт и Джейсона Оливера. Но кто даст гарантию, что на следующее утро их не отправят в холодильники рядом с Гиртом Делавером и Надин Торн. Так, по крайней мере, думала Клео. Стояла за спиной детектива Оливера, пока тот искал в базе данных черную старую машину, часть номерного знака которой была ему известна, и старалась не замечать тошнотворный запах, исходивший из комнаты для допросов, которым пропитался весь участок.

— Может, сходишь пока за кофе? — попросил Оливер, которого начало раздражать присутствие Клео, ее нервозность.

Выбив из пачки сигарету, он закурил, задал новые параметры поиска. Компьютер попросил подождать несколько минут. Одна затяжка, другая. Синий дым поднимался к потолку. Запах табака забивал запах гнили и плесени из комнаты для допросов. Вернулась Клео с кофе и пирожками. Еще пара затяжек. Пара глотков кофе. Компьютер пиликнул. На экране появилась фотография черного «мустанга» модели прошлого века. Тишина. Обернуться. Посмотреть на Клео.

— Это она. Это та самая машина, которая едва не сбила меня ночью.

— Ты уверена? — разочарованно спросил Оливер. — Судя по документам, ее давно отправили в утиль.

— А хозяин? Должно же быть хоть что-то. Место утилизации? Кладбище автомобилей?

— Хочешь, чтобы мы проверили его?

— Почему бы и нет, — Клео подалась вперед, прочитала адрес. — Это ведь недалеко.

— Недалеко, — нехотя согласился Оливер.

Они покинули участок. Утро только начиналось. Дорога до автомобильного кладбища заняла чуть больше часа, и когда они добрались до закрытых сетчатых ворот, не было еще и полудня. Сторожевая собака увидела чужаков и залаяла, брызжа слюной. Хозяин автомобильной

свалки долго не подходил к воротам. Он был толстым и одет в засаленный синий комбинезон. Грязные волосы достигали плеч. Общался он так же, как и выглядел. Даже после того, как детектив Оливер показал ему свой жетон. Но и не пустить гостей на территорию свалки толстяк не решился.

Больше часа они бродили между уходящих в небо рядов динозавров автопромышленности. Толстяк-хозяин потел и бормотал себе под нос проклятия. Где-то далеко лаяли сторожевые собаки, не желая сидеть на привязи. Полуденное солнце пекло, жарило. Запахи машинного масла смешивались с запахами гнили и плесени. Жирные мухи грелись на остовах машин. Детектив Оливер прошел мимо разбитого вдребезги «форда» последней модели, выпущенной с бензиновым двигателем. Тошнотворный запах гнили усилился. Жирных мух стало больше. Они кружили над ссутулившимся следом за «фордом» крохотным «шевроле». Женская светло-зеленая машина пострадала от несильного лобового удара. Пластиковый корпус рассыпался до лобового стекла. На приборной панели виднелась засохшая кровь. Оливер подошел ближе к машине.

— Что за вонь? — спросила за его спиной Клео Вудворт. Она достала носовой платок и прижала к лицу.

— Может, одна из моих собак издохла? — растерянно предположил толстяк-хозяин.

Детектив Оливер открыл багажник. Молодая девушка лет двадцати уставилась на него выеденными червями пустыми глазницами. То ли от запаха, то ли от вида разложившегося человека Клео вырвало. Толстяк-хозяин попятился. Никто ничего не говорил. Тишина и палящее солнце. Лишь где-то далеко лаяли собаки, но это только сгущало нереальность происходящего здесь, на свалке разбитых и ржавых автомобилей, среди которых гниет тело молодой девушки... Более десятка девушек, тела которых найдут ближе к вечеру на этом кладбище времени и технологий. Девушек, из которых полностью выкачали кровь — об этом позже скажет патологоанатом. Черный «мустанг» так и не найдется. Детектив Оливер объявит его в розыск. Обыск на автомобильной свалке продлится до позднего вечера. Сторожевые собаки толстяка-хозяина будут лаять до хрипоты, а после, когда обыск закончится, начнут жалобно выть... Но все это будет потом. Сейчас есть лишь крохотный светло-зеленый «шевроле» и разлагающийся труп молодой девушки в багажнике, да толстяк-хозяин, который пятится назад, упирается спиной в пирамиду разбитых машин, трясет испуганно головой: бледный, растерянный.

— Только не пытайся сбежать, — предупредил его детектив Оливер.

Теперь позвонить в участок, сообщить о находке. Ждать в каморке хозяина свалки, наблюдая, как он перебирает заполненные бланки, пы-

таясь отыскать документы на «шевроле». Кондиционера в каморке не было. Удушающая жара мешала думать. Клео курила сигарету за сигаретой. От дыма и жары, казалось, можно сойти с ума.

— Может, покуришь на улице?

— На улице? — Клео смерила Оливера растерянным взглядом, но спорить не стала.

Собаки в клетках, еще не охрипшие, зашлись лаем, увидев чужака. Где-то далеко за воротами был виден уходивший к небу столб пыли, поднятый кортежем приближавшихся автомобилей. Первой к воротам подъехала машина коронеров. Следом вытянулась вереница полицейских машин. Хозяин автомобильной свалки, Бак Сандерс, долго не мог найти ключи, чтобы открыть стянутые цепью ворота.

— Кто-то выкачал из этой девушки всю кровь, — сказали коронеры, осмотрев гниющий труп в багажнике крохотного «шевроле».

Хозяин свалки стоял в это время рядом и клялся, что ничего не знает. Даже когда нашли еще один труп, он все еще клялся, что не имеет к этому отношения.

— Найди мне чертовы документы на эти машины, — зашипел на него сквозь зубы детектив Оливер, когда обнаружили третье тело. Оно принадлежало совсем еще юной девушке, подростку.

Клео смотрела на детектива Оливера и могла поклясться, что он видит в этой найденной девушке свою дочь, а на месте родителей убитой — себя. Поэтому она решила, что будет лучше пойти искать документы вместе с детективом Оливером и хозяином свалки Баком Сандерсом. Она лишь выждала пару минут, пытаясь придумать достойный предлог, чтобы не обижать детектива, выказывая недоверие его самообладанию.

— У меня кончились сигареты, — сказала она, проходя в убогий офис.

Бак Сандерс лежал на полу, сплевывая кровь из разбитых губ. Нога Оливера была занесена для следующего удара.

— Я не думаю, что он причастен к этому, — сказала детективу Клео тоном, который, по ее мнению, был похож на тон покойной напарницы детектива. Он замер, обернулся, смерил Клео серьезным взглядом. Ей казалось, что она играет свою роль превосходно. Никакого сожаления. Никакой жалости и заботы. Просто факты и нежелание тратить время на такое ничтожество, как этот толстяк на полу.

Детектив Оливер выругался сквозь зубы и вышел из офиса. Где-то далеко послышались оживленные голоса — нашли еще один труп. Затем еще один и еще. В машине коронеров не хватало мест и пришлось вызвать дополнительный транспорт. Ближе к вечеру из соседнего участка пришло извещение о том, что объявленный в розыск «мустанг» был

замечен несколькими днями ранее. Очевидец запомнил номер и модель машины и заявлял, что «мустанг» сбил женщину.

Этим очевидцем был отставной военный с большим, красным от жары шрамом, рассекшим левую часть лица. Сухой ветер трепал его седые волосы. Он встретил детектива Оливера и Клео Вудворт на улице возле высокого старого дома, сказав, что лифт не работает, и им не стоит утруждать себя, поднимаясь на последний этаж. Его собака радостно твкала и виляла хвостом.

— Я выгуливал перед сном своего пса, когда это случилось, — сказал старик детективу, вспоминая, что когда-то в молодости у него была подобная машина, и он тоже носился по городу, словно безголовый лихач, желая произвести впечатление на девушек. — Но в ту ночь... — старик осудительно затряс головой. — В ту ночь это не был несчастный случай. Нет. Эта машина поджидала тех женщин, — старик прищурился. — Может быть, это была месть? Одна из женщин была очень сильно похожа на одного из тех злосчастных генетиков, о которых так много говорили несколько лет назад... Хадсон. Да, кажется, Хадсон. Не помню имени, но вот лицо определенно ее... Мой внук пострадал от вируса двадцать четвертой хромосомы. Так что я очень хорошо запомнил лица виновных в этом ученых... Очень хорошо... Он живет сейчас в резервации... Так что вы подумайте над тем, что это, вероятно, была месть. Да. Подумайте...

— Пострадавших так и не нашли, — напомнил ему детектив Оливер.

— Пострадавшую, — поправил старик. — Машина сбила только одну женщину. Ударила бампером и переехала через нее, — он нахмурил морщинистый лоб.

— Было что-то еще? — спросил детектив. Вместо ответа старик начал описывать, как выглядели женщины, снова и снова вспоминая своего больного внука. Оливер и Клео переглянулись.

— Ты тоже подумала, что это Надин Торн? — спросил детектив.

— Надин Торн? — оживился старик. Оливер принес из машины фотографию. Старик долго смотрел на нее, затем осторожно кивнул. — Да. Это та, вторая... С ней все в порядке? — он увидел, как детектив покачал головой, тяжело вздохнул. — Я так и подумал. Хотя после аварии она и поднялась на ноги, но... — он снова нахмурился. — Она двигалась так неестественно... словно... словно насекомое, у которого все суставы вывернуты наизнанку... — он снова увидел, как переглянулись Оливер и Клео Вудворт. — И еще тени...

— Тени? — спросили Оливер и Вудворт в один голос. Старик показал им забинтованную лапу своего пса. — Ветеринар сказал, что это было обморожение. В такое жаркое лето — обморожение... — он стих, услышав, как выругался детектив. Клео извинилась за манеры Оливера.

Они уехали, оставив старика на неестественно пустынной улице. Казалось, что весь мир стал пустынным. Детектив Оливер закурил. Клео Вудворт последовала его примеру. Несколько минут они молчали, ожидая, что другой начнет разговор.

— Думаешь, тени вернутся за тобой? — спросил Оливер.

— Можно я останусь сегодня у тебя? — спросила одновременно с ним Клео. Детектив бросил на нее короткий взгляд.

— Если они пришли за тобой, то, значит, придут и за мной.

— Лучше вдвоем, чем одной.

— Может быть... — Оливер вспомнил о дочери, которая должна была остаться у него в эту ночь и в очередной раз выругался.

Они добрались до его дома, трижды нарушив правила и едва не сбив зазевавшегося пешехода. Клео понимала волнение Оливера и молчала всю дорогу, не требуя снизить скорость или успокоиться. Будь у нее дети и угрожай им опасность, то она бы вела себя так же.

— Останься в машине, — попросил Оливер, остановившись у своего дома.

Он взбежал по лестнице, открыл дверь своим ключом. В квартире пахло сигаретным дымом и дешевыми женскими духами. Лора и три ее подруги сидели на диване и смотрели вечернее ток шоу о начинающих кинозвездах.

— Я не поеду домой! — заупрямилась Лора, когда Оливер велел собираться.

— Меня не будет всю ночь, — соврал отец.

— Ну и что?

— Собирайся! — начал терять терпение Оливер, видя, как вечерние сумерки за окном медленно спускаются на город.

— Нет! — встала в позу Лора. — Мать все равно сегодня дежурит в резервации, а с ее мужиком я одна не останусь!

— Кажется, еще вчера ты говорила, что он в сто раз лучше меня.

— Но он не мой отец, в отличие от тебя.

— Вот как... — Оливер растерялся, словно получил удар ниже пояса. — Ладно. Тогда собирай вещи, и я отвезу тебя к матери.

Подруги Лоры потянулись к выходу.

— Ненавижу тебя! — зашипела на отца Лора. Ее злость усилилась, когда она увидела в машине Клео. — Теперь все понятно! — фыркнула Лора и поклялась, что больше никогда не придет к Оливеру на выходные.

Он молчал почти всю дорогу до резервации, где работала Биатрис. Клео тоже молчала: сидела и смотрела за окно. Никогда прежде она не была в подобных местах. Слышала о них, но ни разу не видела, не посещала.

— Это ведь не зоопарк, — говорила она своим коллегам, когда проходила практику и слышала заверения, что для будущего психолога необходимо посетить одно из подобных мест.

Сейчас, проезжая мимо одинаковых домов, построенных правительством, Клео ничуть не жалела, что не была здесь прежде. Все одинаковое, бюджетное, унитарное. Словно серая армейская форма. Высокие сетчатые стены окружали резервацию — место, где жили те, на ком общество поставило крест.

Охранник на воротах проверил документы Джейсона Оливера, позвонил в больничный комплекс и только после этого разрешил проезд, настоятельно рекомендуя не останавливаться, не сворачивать с главной дороги, пока они не доберутся до медицинского центра. Всего в резервации жило около тысячи человек. Иногда на обочине дороги можно было заметить брошенный детский велосипед, игрушечные машины, куклы. У некоторых домов были посажены цветы или худые, почти лишенные листьев деревья. Вечерело, но свет в окнах не горел. Жалюзи были закрыты. Окруженный оградой город словно замер, почувствовав чужаков. Лишь ближе к госпиталю, расположенному в центре, из некоторых домов можно было услышать редкие детские голоса, да в одном из домов играла музыка. Песня была старой. Голос Синатры разносился по затихшему городу. Эта же песня будет играть, когда Клео и детектив Оливер поедут назад.

— Жуткое место, — сказал Оливер дочери. — Ты часто бываешь здесь? Видела местных жителей?

— Они не виноваты, что стали такими, — Лора хотела сказать что-то еще, но увидев впереди белое здание медицинского центра, предпочла молчать.

Внутри госпиталя было тихо, как и в самой резервации. Запах дезинфекции смешивался с искусственными ароматами сосновых лесов. Редкие посетители сидели возле закрытых дверей в кабинеты врачей. Клео не знала, почему не осталась в машине: шла по коридору, разглядывала лица людей, изуродованные вирусом двадцать четвертой хромосомы, и старалась не встречаться с ними взглядом. В газетах писали, что лишь треть заразившихся людей подвергается физическим изменениям. Другие могут прожить всю жизнь и не ощутить на себе разрушающее воздействие вируса, но сейчас, в больнице, Клео казалось, что вирус уродует всех, до кого добирается своей костлявой клешней. Лишь беременная женщина, терпеливо дожидавшаяся приема, была не изуродована вирусом. Рядом с ней сидел мужчина, очевидно, отец ребенка. Его левое ухо было неестественно огромным, как у мультяшного персонажа.

— Не знала, что в резервациях рожают детей, — призналась Клео.

Лора смирила ее недовольным взглядом и презрительно фыркнула. Клео не обиделась, лишь передернула плечами. Вирус, пришедший на смену ВИЧ, пугал ее больше своего предшественника. Особенно сейчас, когда она увидела пораженных этим вирусом людей не на фотографиях, а своими собственными глазами. Случившееся в минувшую ночь отошло на второй план. Все так близко, так рядом. Все знают об этом, но никто не может ничего сделать. Лишь построить резервации и вести наблюдения. Помогать по мере возможности. Но...

— Не бойся, этим еще сложнее заразиться, чем ВИЧ, — шепнул ей на ухо Оливер.

— Я знаю, просто... — Клео бросила короткий взгляд на беременную женщину, спешно отвернувшись.

Они вошли в кабинет доктора Биатрис Оливер. Полная женщина с копной неряшливых соломенных волос подняла голову, увидела дочь, мужа.

— Что вы здесь делаете? — спросила она. Голос у нее был высоким и твердым. Взгляд — колючим, особенно когда она посмотрела на Клео.

— У отца появилась женщина, и я ему больше не нужна, — сказала матери Лора. Биатрис кивнула. — И ты ничего не скажешь? — разозлилась Лора.

— Что я должна сказать?

— Ну, не знаю... Он ведь... У него...

— Думаешь, что он не имеет право завести роман?

— Я вообще-то здесь, — напомнил детектив Оливер.

— И у нас нет романа, — добавила Клео. Биатрис кивнула. Лора в очередной раз презрительно фыркнула.

— Будет лучше, если вы проведете в клинике ближайшие несколько дней, — сказал жене Оливер.

— Что-то случилось? — Биатрис снова окинула Клео оценивающим взглядом. — У тебя снова паранойя или же это касается твоей работы? — спросила она мужа.

— Моей работы.

— Почему я не могу пойти домой, когда закончится смена?

— Потому что здесь есть охрана.

— Вот как... — задумчиво протянула Биатрис.

— Вот как... — на манер матери протянула Лора.

Повисла тяжелая пауза.

— Он говорит правду? — спросила Биатрис Клео.

— Боюсь, что да... — Клео покосилась на Лору.

Тени и найденные на автомобильной свалке тела девушек, из которых выкачали кровь. Женщина, у которой вывернуты наизнанку все суставы. Черный «мустанг», который сбил эту женщину и чуть не сбил саму Клео.

Лужи жижи, остающиеся от людских тел. Как, черт возьми, обо всем этом рассказать постороннему человеку? Клео ужасно захотелось закурить.

— От тебя одни неприятности. Даже сейчас, — сказала Биатрис мужу, качая головой, но решение было принято.

— Мы что, останемся здесь на несколько дней? — возмутилась Лора, встретилась с твердым взглядом матери и тихо выругалась, используя те же слова и интонации, что обычно использовал отец.

— Твоя дочь очень сильно похожа на тебя, — сказала Клео детективу Оливеру, когда они покинули госпиталь. — Пусть у нее волосы и внешность матери, но характер полностью твой.

— Хорошо. — Оливер остановился у ворот.

Охранник проверил салон и багажник, убедился, что в машине не вывозят жителей резервации, просканировал Оливера и Клео на наличие вируса, широко улыбнулся и, заверив их, что все в порядке, открыл ворота.

— Жуткое место, — признался Оливер, когда резервация осталась далеко позади. Клео кивнула, вспомнила беременную женщину в клинике: ее лицо, живот.

— Интересно, каким родится ребенок?

— Что?

— Та женщина, которую мы видели в больнице.

— Не знаю, — Оливер нахмурился, закурил. — Биатрис говорит, что это очень странный вирус. Он приспосабливается к нам, пытается взаимодействовать, вступать в симбиоз...

— О бубонной чуме и ВИЧ она говорила то же самое?

— Нет, — на лице Оливера появилась едва заметная улыбка. — Но иногда мне кажется, что все вы, врачи, странные.

— Не стану спорить, — теперь улыбнулась и Клео.

Когда они добрались до города, вечер сгустился. Сумерки прогнали притворную беспечность. Вернулись страхи. Разговор умер, лишь иногда вздрагивал в конвульсиях.

— Думаешь, тени снова придут за тобой в эту ночь? — спросил Оливер, останавливаясь на перекрестке.

— Или за тобой.

— Мы все еще можем ошибиться.

— Тогда почему ты отвез свою дочь к жене? — Клео смотрела на людей, бегущих через пешеходный переход перед машиной. Беспечные, беззаботные. — Когда я была ребенком, я им завидовала, — сказала она. — Всем этим людям. Смотришь на них и понимаешь, что им на все плевать. Лишь мелочи жизни. Лишь глупости. Лишь маленькие проблемы, которые они так сильно ценят и любят. И никаких сложностей. Ни отчима, ни теней.

— Когда ты была ребенком, теней не было.

— Зато они есть сейчас.

— Значит, сейчас ты снова им завидуешь?

— А ты нет? — Клео указала на мужчину в строгом костюме. — Посмотри на него. Рабочий день закончился. Костюм дорогой, значит, жизнь не так плоха. На руке обручальное кольцо. Он вернется домой, к семье. Он будет заниматься сексом, а после видеть сладкие сны. Он выглядит свежим и выспавшимся, значит у него либо нет детей, либо они давно не младенцы.

— Разве такие, как он, никогда не приходят к тебе на прием?

— Приходят, но их проблемы настолько просты, что мне хочется смеяться. Знаешь, они приходят только потому, что хотят разнообразия. Устают от своей спокойной и размеренной жизни и идут ко мне, придумав себе проблемы и разглядев невроты, которых на самом деле нет. Их даже не нужно лечить. Лишь дать выговориться, успокоиться, посмотреть на свою жизнь со стороны и понять, что на самом деле они не хотят ничего другого, кроме того, что у них уже есть, а все остальное лишь веяния времени, моды, рекламы, жизни.

— Что мешает тебе быть такой же?

— А тебе?

— Я думаю, что я такой.

— Нет, — Клео закурила еще одну сигарету. — Дантист, с которым живет твоя жена — такой, а ты нет, — она прищурилась, пытаясь разглядеть злость на лице Оливера, но злости не было. — Вот видишь, ты даже не можешь разозлиться на Биатрис за это, — устало сказала Клео. — Ненавидишь своих подозреваемых, а на Биатрис не можешь обижаться.

— Что в этом плохого? — Оливер увидел зеленый свет, нажал на акселератор.

Он ждал от Клео ответа, но она молчала. Смотрела, как темнеет небо, и думала о том, что скоро весь город будет во власти живых теней. Эти мысли подчинили ее. Мир сжался. Когда по рации пришел вызов, треск заставил Клео вздрогнуть. Дежурный из участка сообщал о нападении и говорил, что Оливеру, скорее всего, это будет интересно. Пострадавшего звали Хэнк Дэрил, и Клео не сразу поняла, когда Оливер принял вызов и развернул машину, что это тот самый старик, с которым они встречались днем. Старик, который сообщил им о черном «мустанге», сбившем Надин Торн.

Остановившись у многоэтажного дома, они вышли из машины. Патрульный назвал номер квартиры старика и номер соседей, вызвавших неотложку. Лифт не работал, и на последний этаж пришлось подниматься по лестнице. Пара патрульных сдерживала любопытных сосе-

дей. Дверь в квартиру старика была открыта. Его собака, которую никто из патрульных так и не решился запереть в ванной или на кухне, слизывала своим длинным красным языком с пола черную жижу.

— самого старика так и не нашли, — сказал патрульный.

— Думаю, он на полу, — сказал детектив Оливер, указывая на лужу черной жижи, которую лизала собака. — Мы уже видели такое, — добавил Оливер, заметив недоверчивый взгляд патрульного, который понял, что его не разыгрывают, и спешно начал отгонять собаку от останков ее хозяина.

— Думаешь, это из-за того, что мы приходили к нему? — тихо спросила Клео детектива, когда они вышли в коридор, чтобы поговорить с соседями. Оливер не ответил. — Или же его все равно бы убили, потому что он видел этот чертов «мустанг»? — Клео закурила, не обращая внимания на надпись на стене с просьбой этого не делать. Соседи в коридоре были взволнованы. «Интересно, как бы они себя вели, если бы узнали о тенях?» — подумала Клео, вглядываясь в тревожные лица людей, в их любопытные глаза.

— С кем из них мне лучше поговорить? — спросил Оливер.

— Откуда я знаю?

— Ты психолог.

— И что? — Клео постаралась собраться. Руки дрожали, особенно когда она подносила ко рту сигарету.

Толпившиеся в коридоре люди не замечали ее, лишь изредка бросали случайный взгляд и снова пытались заглянуть в комнату соседа. На их лицах не было страха, только любопытство. Почти на всех этих лицах... Взгляд Клео зацепился за лицо мужчины. Ему было около тридцати. Чуть выше среднего роста. Худощавый. Волосы черные. Возможно, когда-то давно его предки были персами или арабами, но их кровь давно уже разбавилась, европеизировалась, оставив лишь пытливые черные глаза. Именно эти глаза и привлекли внимание Клео, этот взгляд. В отличие от остальных собравшихся людей, этот мужчина не пытался заглянуть в комнату, где собака продолжала вылизывать с пола останки хозяина. Наоборот, он изучал патрульных, детективов, соседей. Словно он уже был в комнате старика, где произошло убийство, уже видел там все. Но вот полицейские и соседи — эти люди были для него загадкой. Они интересовали его больше, чем труп в открытой квартире.

— Джейсон, — Клео прикоснулась к руке детектива Оливера, указала ему взглядом на привлекшего ее внимание мужчину.

— Хочешь, чтобы я поговорил с ним?

— Думаю, он вообще не живет в этом доме.

— Понятно, — Оливер позвал патрульного, попросил незаметно блокировать выходы, дождался, когда указание будет выполнено, подошел

к мужчине, который и ему самому уже начал казаться немного странным. — Могу я узнать ваше имя? — спросил он, но мужчина не ответил, устремляя взгляд к выходу. — Бежать некуда, — предупредил Оливер.

— А кто сказал, что я хочу сбежать? — спросил мужчина, оглянувшись, увидел патрульного у пожарного выхода.

— Вы ведь не живете здесь? — спросил Оливер.

— Нет.

— К кому-то пришли?

— Возможно.

— К кому?

— Я не могу этого сказать.

— Понятно, — Оливер шагнул вперед, заставляя мужчину отступить, выйти из толпы соседей. — Так как ваше имя?

Мужчина не ответил, затравленно огляделся по сторонам. На его лице была растерянность, медленно перераставшая в страх.

— Вы что-то видели? — Оливер продолжал наступать на него, все дальше отесняя от толпы людей. — Вы что-то видели в комнате старика?

Мужчина молчал даже когда Оливер сказал, что вынужден будет задержать его, отправить в участок. В сопровождении патрульных он вывел его на улицу, усадил в патрульную машину. Сам детектив Оливер поехал на своей машине следом. Клео Вудворт ехала с ним. Позже, в участке, в карманах задержанного нашли пачку сигарет, золотую зажигалку и бумажник с водительским удостоверением на имя Эндрю Мэтокса. Комната для допросов была еще закрыта, поэтому Оливер отвел Мэтокса в кабинет Клео. Сама Клео осталась снаружи. Она смотрела, как за окнами сгущаются сумерки, и начинала нервничать сильнее. Кофе и сигареты не помогали.

— Я больше не могу, — сказал Оливер, выходя из ее кабинета. — Может, ты теперь попробуешь?

— Он что-нибудь сказал тебе?

— Ни слова.

— Я проверила его документы. Кажется, все в порядке, — Клео заглянула в свой кабинет. Сквозь незакрытую дверь можно было видеть край стола и темное окно, которое Оливер открыл во время допроса. — Ты спрашивал его о тенях?

— О тенях? — Оливер растерянно улыбнулся.

— Почему бы и нет? — Клео по-детски шмыгнула носом. — Этот перс мог что-то видеть и поэтому молчит.

— Ты психолог.

— Да... — она нервно улыбнулась, взяла два стакана кофе в автомате и только после этого вошла в кабинет.

Эндрю Мэтокс смерил ее внимательным взглядом и снова потерял интерес. Клео села за стол напротив него, подвинула ему стакан кофе, закурила сигарету, оставив пачку открытой, так чтобы Мэтокс мог в любой момент взять сигарету себе. В открытое окно проникал свежий ночной воздух, лилась темнота. Клео заставила себя не думать об этом, выпустила к потолку тонкую струю синего дыма и спросила Мэтокса о тенях.

— Тени? — он снова смерил ее внимательным взглядом.

— Темные, густые тени... — Клео заглянула ему в черные, смутившиеся вдруг глаза. — Они боятся света. Ведь так? — Клео выждала несколько секунд, надеясь, что Мэтокс кивнет, но он только смотрел на нее. — Та лужа, оставшаяся от старика, это сделали тени. Ты видел? Я видела нечто подобное днем ранее. Они пришли в комнату для допросов и забрали нашего подозреваемого. Он кричал от боли. Потом тени пришли за мной. В ту же ночь. Мне удалось спастись, но я не уверена, что они не вернуться. Тени не любят свидетелей. Так что, если ты что-то видел, то лучше сказать. Поверь мне. Я знаю.

— Ты ничего не знаешь, — тихо сказал Мэтокс.

— Я понимаю, что тебе страшно... — Клео оборвалась на полуслове, увидев улыбку на губах Мэтокса. — Или же не страшно? — она замерла.

Пепел упал с сигареты на стол, но она не заметила. Эндрю Мэтокс все еще смотрел ей в глаза, но ей казалось, что взгляд этот намного глубже. Взгляд убийцы. Взгляд человека, побывавшего за краем жизни, за краем реальности, которая была нерушима для Клео день назад. Теперь спросить о Надин Торн, о черном «мустанге».

— Это ты хотел убить меня?

— Нет.

— Но знаешь, кто это мог быть.

— Не знаю.

— Тогда какого... — Клео замолчала, попыталась успокоиться, закурила еще одну сигарету, обернулась, глядя за окно, в ночь. Страх усилился. Животный нестигаемый страх, когда хочется бежать, не оглядываясь...

— Но бежать некуда, — услышала Клео голос Эндрю Мэтокса, который, словно прочитав ее мысли, закончил их. Клео вздрогнула, обернулась.

— Что ты сказал? — спросила она, решив, что ослышалась.

— Твои мысли, — пояснил Мэтокс. — Ты чувствуешь себя загнанной в угол. Ведь так?

— Откуда ты знаешь, что я чувствую?

— Твои мысли не так сложно читать, как ты думаешь.

— Что?

— Ты ведь считаешь себя способной читать чужие мысли.

— Я способна читать лица и жесты, а не мысли.

— Это почти одно и то же, — Мэтокс наконец-то взял сигарету из оставленной на столе пачки, прикурил.

Он нервничал, но надеялся, что ему удастся скрывать это. Он знал о тениях, о вендари и о том, что такое быть слугой, потому что встречался с одной из них. Ее звали Крина. Как-то раз она тайно показала ему своего хозяина по имени Вайорель. Высокий и аристократично стройный, со светлыми волосами и глазами василькового цвета, это древнее существо напоминало Мэтоксу забытого бога — мудрого и немного усталого. Васильковые глаза всегда смотрят слишком глубоко, так что сомнений не остается — он не человек. Сухие слова, в которых невозможно найти ни одного лишнего, всегда мудры. Нет, у Мэтокса никогда не было авторитетов. Он и не думал, что подобное возможно — найти для себя образчик в этом мире, найти своего повелителя. И еще музыка. Подруга Мэтокса — слуга Вайореля, говорила, что никогда прежде не встречала никого, кто бы так хорошо разбирался в музыке. Она же верила, что Вайорель не только знает, ценит и понимает музыку, но и видит ее, словно она, став вдруг материальной, льется по воздуху, как терпкое вино по бархатной коже желанной женщины.

Иногда в постели подруга Мэтокса представляла, как ее хозяин и любовник встретятся лицом к лицу. Их объединит музыка. Мэтокс молчал. Он никогда не считал себя хорошим музыкантом и не верил, что музыка сблизит его с этим загадочным древним существом по имени Вайорель. Его — забытого, никому не нужного музыканта, который тратил вечера и ночи в барах, играя за ночлег или пищу. Люди слушали его, но ни один критик ни разу в жизни так и не повернул в его сторону свою голову. Для них он был самоучкой, пустым местом, как, впрочем, и для себя.

Он вырос в центре страны в неполной семье. Вырос с матерью, понимавшей в музыке не больше собаки, воющей на луну. Она не любила мужчин, не любила своих родителей, не любила весь мир. Они жили в старом деревянном доме. Никогда никуда не уезжали, не посещали гостей. Мать работала медсестрой в неотложке, и когда Мэтоксу исполнилось пятнадцать, заразилась вирусом двадцать четвертой хромосомы, и ее забрали в резервацию. Мэтокс сбежал из дома раньше, чем за ним пришли работники социальных служб.

Первые несколько месяцев он жил у соседей. Старуха, научившая его в детстве играть на пианино, давно оглохла и плохо читала по губам, но у нее в доме стояло пианино, и она могла играть, хотя и не слышала, что играет. Старые, высушенные временем пальцы порхали над черными белыми клавишами. Музыка была идеальна. Время забрало у старухи силы и слух, но сохранило талант, которого не было у Мэтокса, но зато у него было старание. Было в детстве. После он просто играл. Глухая старуха смотрела на его пальцы и одобрительно кивала. Иногда к ней приходили внуки. Один из них устроил Мэтокса на работу в детское

кафе, где он играл для детей полубившиеся им мелодии. Потом был ночной бар и совсем другая публика. Много ночных баров.

Когда Мэтоксу исполнилось двадцать, он отправился с группой таких же неудачников, как и он сам, в тур по стране, запланированный почти на год, но для Мэтокса тур закончился спустя месяц, после того как сидящей вокалист с голосом, похожим на Элвиса Пресли, признался ему в своих чувствах. Мэтокс собрал вещи и вернулся в прокуренные бары родного города. Там его и нашла Крина.

У нее были темные волосы и молочно-белая кожа. В ее глазах блесело небо. На левом плече красовалась едва заметная татуировка лилии, которую она не скрывала, а наоборот подчеркивала. Она сидела за столом и смотрела на Мэтокса. Ее взгляд не смущал его. Наоборот. Он манил, гипнотизировал, словно взгляд змеи гипнотизирует мышь. Что-то в этой девушке было сверхъестественного, почти божественного. Вот только Мэтокс не знал — злым или добрым богам она служит. Не знал, пока они не покинули бар.

Ее поцелуй был сладким и манящим. По темным улицам следом за ними скользили тени. В комнате, куда привела его Крина, не было ничего кроме кровати и странной медицинской машины, принцип работы которой Мэтокс так и не смог понять, пока Крина из прекрасного ангела с молочно-белой кожей не превратилась в дьявола. Искрящиеся метаморфозы изуродовали ее лицо. Крепкие белые зубы стали клыками. Челюсть вытянулась. Свет погас, и ожившие тени заблокировали окна и дверь. Эти до боли холодные тени. Они прижали Мэтокса к кровати. Он не мог двигаться. Крина наклонилась к нему, прокусила шею. Ужас парализовал сознание, но тело предательски отозвалось на боль эрекцией. Крина засмеялась. Кровь Мэтокса, которую она мгновение назад жадно высасывала из его шеи, вытекла у нее изо рта.

— Я могу осушить тебя до дна, музыкант, — сказала она. Ее руки заскользили по его телу. — Ты хочешь, чтобы я осушила тебя до дна?

— Нет.

— А чего ты хочешь?

Крина издевалась над ним, смеялась, словно бросая вызов его внезапной эрекции. Древняя, свихнувшаяся за долгие века жизни и мудрая в своем безумии — об этом Мэтокс узнает после, когда изменится его простой незамысловатый мир, в котором он думал, что все знает...

— А ты странный, — сказала Крина, расстегивая ему брюки — Твое тело странное, — звякнула пряжка ремня, зажужжала молния. Тени сильнее прижали Мэтокса к кровати. Крина высвободила из брюк его возбужденную плоть, сжала в руке, изучая. — Почему ты не боишься? — спросила она.

— Я боюсь, — сказал Мэтокс.

— Я вижу, что ты возбужден.

— Я не знаю почему.

— Это странно, — Крина улыбнулась. У нее были сильные, умелые руки. Ее взгляд изучал гениталии Мэтокса, изредка отрываясь от них, чтобы заглянуть ему в глаза. — У тебя шикарный член, музыкант. Тебе говорили об этом?

— Нет.

— Зря, — на изуродованном метаморфозами лице появилась улыбка. — Ты возбуждаешь меня, музыкант. Почему ты меня возбуждаешь?

— Я не знаю.

— Уже давно меня никто так не возбуждал. Как мужчина не возбуждал.

— Может быть, виной всему музыка?

— Музыка?

— Глухая старуха, которая научила меня играть на пианино, всегда говорила, что музыка сильнее плоти, сильнее страхов. Музыка это все. Музыка больше чем жизнь. Больше чем смерть.

— Твоя музыка не идеальна, — Крина заставила себя разжать пальцы. В ее глазах заблестела злость, губы изогнулись в презрении. — А глухая старуха не может ничему научить, — она снова прокусила Мэтоксу шею. Кровь возбуждала, но руки против воли сами тянулись вниз. — Мне три с половиной сотни лет, музыкант, — прошептала Крина на ухо Мэтоксу, взбираясь на него. Ее тело было холодным даже внутри. — Не вздумай разочаровать меня, музыкант, — сказала Крина. Мэтокс молчал, наблюдая, как метаморфозы вспыхивают, искрятся на лице странной женщины. Метаморфозы, в которых он не сразу распознал гримасы оргазма. Одного, второго, третьего...

Мэтокс не знал, сколько прошло времени, не считал, не следил. Все это было сном, безумием.

— Ты занимаешься сексом лучше, чем играешь на пианино, — сказала Крина.

Она лежала рядом и тяжело дышала. Ее лицо было лицом обыкновенной женщины. Никаких изменений, никаких метаморфоз. Все в прошлом. За окнами алел рассвет, прогоняя тени. Они больше не держали Мэтокса, но он боялся двигаться. Безумная ночь лишила его почти всех сил, но у него так и не было оргазма.

— Почему? — спросила Крина. Ответа нет. Тишина. За окнами просыпался город, но вся эта жизнь шумела где-то далеко. — Мне все еще нужна кровь, — сказала Крина.

— Обязательно моя кровь? — спросил Мэтокс.

— Нет, лишь бы молодая и чистая. Без вирусов и болезней, — Крина гладила его по щеке. — Ты сможешь найти кого-то на замену?

— Кого?

— Женщину. Шлюху. Просто найди и приведи сюда.

— И ты убьешь ее?

— Это проблема?

— Я не знаю.

— Мы можем убить тебя... — ее рука опустилась к его груди, скользнула по животу. Пальцы коснулись усталой, но еще твердой плоти. — Приведи себе замену, и мы повторим все, что было в эту ночь, — шепнула Крина. — Только на этот раз я заставлю тебя кончить. Или убью. Найду и убью, если ты уйдешь сейчас, решив обмануть меня. Поверь. От меня не спрятаться...

Когда Мэтокс вышел на улицу, солнце поднялось высоко в небо. День был жарким...

Бежать. Бежать из отеля, где осталась странная женщина-монстр. Бежать из бара, где она нашла его. Бежать из района, возможно из города. Мэтокс пришел домой, собрал вещи. Но куда бежать? Он всю жизнь прожил здесь. Да и никто ведь не знает, где он живет.

Мэтокс подсчитал сбережения — хватит на месяц, может, чуть больше, если экономить. Можно отказаться от сигарет, от выпивки. Можно питаться в самых дешевых закусочных или научиться готовить дома — так, кажется, еще дешевле. Мэтокс сел на кровать, закурил. «Нет, — решил он, — отказаться от сигарет не получится. От выпивки можно, но не от сигарет». Бессонная ночь любви и безумия висела на плечах. Глаза слезились. Голова болела. Мэтокс заклеил прокушенную шею пластырем, принял душ. Чуть позже он заснул. Не хотел спать, но стоило только закрыть глаза, и сон подчинил его, как в прошлую ночь подчинил взгляд Крины, когда они под руку покидали бар.

Ему снилась пустота. Ему снились тени. Секс и странные похвалы Крины. Только во сне он никак не мог возбудиться, и Крина, потеряв терпение, воткнула в его вены иглы установленной рядом с кроватью машины и выкачала из его тела всю кровь. Он умирал. Медленно, мучительно. Тени перестали прижимать его к кровати, но сил, чтобы подняться, уже не было. Не было сил, чтобы дышать...

Мэтокс проснулся в поту, мучимый удушьем, и долго не мог понять, что это был сон. За окнами начинался вечер. Сумерки сгущались. Мэтокс выкурил еще пару сигарет. Тени затаились в пыльных углах. Мертвые тени. «Нет, они не знают где я. Не смогут найти». Мэтокс включил во всей квартире свет. Лампы замигали, погасли.

— Черт! — он вышел на улицу.

Закат умирал, шипел остывающими углями, позволяя ожившей тьме выбираться из убежищ, отправляясь на поиски новых жертв. «Все это просто мое воображение», — тщетно пытался успокоиться Мэтокс. На

другой стороне улицы находилась закусочная, и он, не обращая внимания на недовольные гудки клаксонов, перебежал через дорогу. Заказав кофе, Мэтокс увидел, как толстый мужчина ужинает за соседним столом, и заказал обед. Голод пришел внезапно, помог отвлечься от страхов, словно все это действительно было сном. Но вечно находиться в закусочной было невозможно. Она закрывалась в одиннадцать. Мэтокс снова оказался на улице.

Какое-то время он бездумно стоял под фонарем. Курил и глазел на проходящих мимо людей: мужчины и женщины, пожилые и еще полные сил, у которых впереди целая жизнь. Ему почему-то вспомнилась мать, которую он не навещал уже несколько лет. Последний визит оказался не самым удачным. Вирус изменил мать, превратил в уродливого монстра. Люди говорили, что подобное происходит не часто, но он еще в тот день, когда мать узнала о вирусе, верил, что все закончится именно этим. Хорошо еще, вирус от матери не передался ему. Он представил себя уродливой тварью. Представил тогда, в прошлом. После, когда он видел, как меняется мать, представлять было не нужно. Все было на виду. Все было в реальном времени, напоминая какое-то дьявольское шоу. В последний визит мать хотела его обнять. Мать, которая никогда никого не любила. Вирус изогнул пальцы на ее руках, превратил их в руки разбитого артритом старика. Ее глаза сместились с одной линии: левый поднялся к брови, правый опустился чуть вниз. Нос изогнулся, подчиняясь этим переменам. Передние зубы выпали.

— Других перемен не будет, — сказала мать и протянула руки, ожидая объятий.

Мэтокс машинально сделал шаг назад. Каждый раз, когда он, став взрослым, приходил в резервацию, его проверяли при выходе на наличие в организме дьявольского вируса.

— А что будет, если его найдут? — спросил он как-то раз охранника.

Охранник улыбнулся, забавляясь вопросу. Да, Мэтокс знал ответ. Все знали ответ. Резервация. Резервация для каждого, для всех. Жизнь в этом зоопарке уродцев... И вот мать протянула к нему свои руки, ожидая объятий. Конечно, вирус не передавался прикосновением, но Мэтокс не мог побороть свой страх. Он сделал шаг назад, затем еще один и еще. Мать нахмурилась, неожиданно рассмеялась: громко, презрительно.

— Ты мне отвратителен, — сказала Мэтоксу мать.

— Тебе все отвратительно, — сказал он. — Сколько я себя помню, все отвратительно.

— Только не плачь, — презрительно скривила тонкие губы мать.

— Не заплачу, — пообещал не только матери, но и самому себе Мэтокс. Больше они не виделись.

Сейчас, в этом ночном городе, который из родного стал вдруг чужим, он снова вспоминал мать. Зачем? Почему? Сигареты закончились. Мэтокс выбросил пустую пачку. В конце улицы, сразу за поворотом, находился магазин. Продащица узнала постоянного покупателя. Ей было лет двадцать. Мэтокс не помнил ее имени, но сейчас ему нужен был друг, чтобы отвлечься.

— Решил наконец-то пригласить меня на свидание? — спросила она.

Мэтокс смерил ее внимательным взглядом, но так и не понял, шутит она или нет. Девушка рассмеялась, приняв его растерянность за смущение и неопытность. Мэтокс тоже рассмеялся, вышел на улицу. Рекламные вывески вспыхнули переливом цветов. Мэтокс подумал о погруженной во мрак квартире. В подвале стояли старые предохранители, которые давно следовало поменять. Стоило только включить пару энергоемких приборов и срабатывали системы защиты. Поэтому свет отключился и в этот вечер. И никакой мистики. Мэтокс открыл новую пачку сигарет, но так и не закурил. Его взгляд приковала ожившая тень. Она бежала вдоль стены подворотни. Он замер. Тень выскользнула под фонари. «Сейчас она зашипит и закорчится», — подумал Мэтокс, но вместо тени увидел собаку с короткой черной шерстью. Мэтокс рассмеялся, достал зажигалку и наконец-то закурил вставленную в рот сигарету. Его смех напугал собаку, и она, поджав хвост, побежала прочь.

Теперь домой. В подвал. Заменить предохранители. Закрыться в своей квартире. Все в прошлом. Скоро все будет казаться сном.

Мэтокс вернулся в свой дом, спустился в подвал, где находился распределительный щиток с предохранителями для каждой квартиры. Лампа под низким потолком мигнула несколько раз и погасла.

— Черт, — Мэтокс заставил себя улыбнуться, достал зажигалку.

Желтое пламя вспыхнуло, осветило кирпичные стены, бетонный пол. Тени ожили, окружили Мэтокса. Зажигалка нагрелась, обожгла руку. Мир погрузился во мрак. Что-то холодное коснулось ноги. Зажигалка в руке щелкнула один раз, другой. Когда наконец-то вспыхнуло пламя, Мэтокс увидел подступившие к нему со всех сторон живые тени. Они не ползли по стенам, нет. Они приближались к нему, нависали над ним. Тени, которые не любили свет, боялись света. Пламя зажигалки спугнуло их. Или же они просто хотели показать ему, что знают о нем? Помнят обещание, данное им Крине. Помнят обещание, данное ему Криной.

— Твою мать! — Мэтокс выбежал из подвала на улицу под свет рекламных вывесок.

Сердце почти не билось. Волосы шевелились. В оставшейся за спиной темноте подвала было слышно, как перешептываются живые тени. Мэтокса затошнило. Желчь наполнила рот. Внезапно тело словно про-

низил удар тока. Мэтокс не сразу понял, что бежит. Бежит прочь, в никуда, в пустоту, которая разверзлась перед ним.

Он остановился, лишь когда увидел знакомые очертания улицы, где находился отель, куда его привела в прошлую ночь Крина. Легкие горели огнем. Кровь стучала в висках. Перед глазами мелькали синие круги. Мэтокс знал, что близок к обмороку. Чтобы не упасть, он прижался к стене. Сделать глубокий вдох долго не получалось. Затем не получалось отдышаться, успокоиться. Сердце то замирало, то начинало бешено биться. Рекламных вывесок на этой улице почти не было, и в темноте между фонарями Мэтокс видел ожившие тени, которые наблюдали за ним. Редкие прохожие шли мимо него, принимая либо за наркомана, либо за алкоголика.

На перекрестке с соседней улицей под фонарем остановилась машина. Женщина в юбке из латекса выпорхнула на тротуар, скрылась в темноте. Машина уехала. Девушка вышла из темноты и снова заняла рабочее место под фонарем. Мэтокс закурил. Четверть часа он наблюдал за проституткой, затем подошел. Он не знал, что говорить. Она смотрела на него и улыбалась. У нее были темные волосы и большие глаза. Полная грудь почти не прикрыта: молния латексной куртки расстегнута, бюстгалтера нет. На поясе широкий ремень, чтобы скрыть отсутствие талии. Ноги худые. Туфли на ужасно большом каблуке компенсировали низкий рост.

— Сколько тебе лет? — спросил девушку Мэтокс.

Она улыбнулась, сказала, что совершеннолетняя. Мэтокс кивнул. У девушки был молодой, доверчивый голос, который разительно отличался от ее внешнего вида. Мэтокс обернулся, посмотрел на живые тени, наблюдавшие за ним. Проститутка назвала цену. Мэтокс не услышал.

— Если в машине и никуда не ехать, то можно дешевле, — предложила девушка.

— Я живу недалеко, — сказал Мэтокс.

Девушка улыбнулась. Мэтокс невольно отметил, что на ее губах нет помады, хотя лицо накрашено неприлично ярко. Он обернулся и снова посмотрел в темноту.

— Только не говори, что где-то там нас ожидает твой дружок. Я таким не занимаюсь, — предупредила проститутка.

— Нет. Никаких друзей. Только я, — Мэтокс заставил себя улыбнуться. Девушка улыбнулась в ответ.

— В первый раз платишь за это деньги? — осенило ее. Мэтокс кивнул. Она взяла его под руку и прошептала на ухо непристойность, смысл которой Мэтокс так и не понял.

Они подошли к отелю. Лифт поднял их на нужный этаж. Мэтокс дрожал.

— Только не говори, что ты девственник!

— Нет.

— Уже лучше.

Они вышли из лифта. Перед ними был длинный коридор.

— Куда теперь?

— Куда? — Мэтокс обернулся. Двери лифта закрылись. Лампы в коридоре почти не горели, и он видел, как тени ползут вдоль стен. Бежать! Бежать отсюда! Спасаться! Но куда? Но как? Ноги отказывались слушаться, и Мэтокс вряд ли смог бы двинуться с места, если бы путана сама не потянула его за собой. Перед глазами снова потемнело. С каждым шагом мир вздрагивал.

— Ну, какая комната? — спросила девушка. Только сейчас Мэтокс почувствовал исходящий от нее тошнотворно-сладкий запах.

Дверь в комнату, где он в прошлую ночь чуть не лишился жизни, находилась впереди. Один шаг. Другой. Молодая проститутка улыбнулась. Мэтокс замер.

— Может, все-таки откроешь?

— У меня нет ключа.

— Как это нет? — на лице проститутки снова появились сомнения. — На кой черт ты тогда привел меня сюда?

— Не кричи, — Мэтокс повернул дверную ручку. Дверь открылась.

— Вот оно как! — улыбнулась девушка, прошла в темную комнату.

— Не нужно включать свет, — попросил Мэтокс. Проститутка рассмеялась и сказала, что если он где-то здесь спрятал пару видеокамер, решив снять свой первый секс за деньги, то ему не стоит бояться — она не против, чтобы ее снимали. — Нет никаких камер, — Мэтокс закурил. Проститутка прижалась к нему.

— Что теперь?

— Я не знаю.

— Хочешь, чтобы я поласкала тебя?

— Нет, — Мэтокс остановил ее, не дав опуститься на колени.

Кровать в темноте резала глаз белым постельным бельем. Машины, чтобы выкачивать из человека кровь, было почти не видно. В темноте она представлялась уродливым, громоздким монстром наподобие старых комодов, которые не выбрасывают только потому, что их сложно выносить из дома.

— Расслабься, — сказала проститутка и начала предлагать за дополнительную плату легкие наркотики.

— Просто ляг на кровать и все! — оборвал ее на полуслове Мэтокс.

Девушка подчинилась. В комнате было не жарко, но Мэтокс вспотел. Капли пота снова и снова скатывались по лбу, попадали в глаза.

— Что теперь? — спросила проститутка, играя молнией латексной куртки, словно ее грудь все еще могла кого-то взволновать в этой комнате.

— Теперь? — Мэтокс в очередной раз огляделся, попятился к двери, убедив себя, что выполнил то, что обещал вчера Крине. Теперь он может сбежать и забыть обо всем. Теперь... Сердце вздрогнуло и замерло в груди. Казалось, что в темной комнате ожили не только тени, но и сама темнота.

— Что за черт? — успела испугаться девушка, которую он привел, прежде чем тьма навалилась на нее, зажала холодной липкой плотью рот.

Она попыталась вырваться. Туфли слетели с ног, упали на пол. Кровать закричала. Мэтокс нащупал дверную ручку, выскочил в коридор. Скрип кровати усилился. Поповавшая в западню девушка извивалась как кошка. Мэтокс выбежал на улицу, но ему все еще казалось, что он слышит скрип кровати, звуки борьбы. Запрокинув голову, он посмотрел на темные окна отеля. Страх и стыд смешались. С одной стороны, Мэтокс хотел бежать, не оглядываясь, с другой — вернуться в отель и спасти девушку, которую отправил на смерть. Его снова затошнило. Голова пошла кругом. Ночное небо, на которое смотрел Мэтокс, ища ответа, закрутилось в бешеном хороводе звезд. Продолжавшие наблюдать за ним тени ожили. Он видел это краем глаза.

— Идите к черту, — прошептал Мэтокс.

Он вернулся домой ближе к утру, не помня, как проделал такой долгий путь. Повалился на кровать, закрыл глаза. Сон долго не хотел приходить. Мэтокс видел, как рассвет пробивается сквозь грязные окна. Его трясло. Он заснул, но дрожь не прекратилась. Она пробралась в его обезумевшие, как и вся жизнь вокруг, сны. «Убийца! — выбивали дробь зубы Мэтокса. — Убийца! Убийца!» И голос этот, казалось, разносится по всему миру.

Несколько дней Мэтокс ждал либо звонка из полиции, которая нашла труп обескровленной девушки, либо теней, вернувшихся чтобы избавиться от свидетеля. Но вместо теней и полиции поздним вечером пришла Крина. Несмотря на жаркое лето на ней был одет легкий, почти воздушный бледно-желтый плащ.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Мэтокс, когда открыл дверь.

— Я все еще должна тебе пару хороших оргазмов, — сказала она.

Под желтым плащом не было другой одежды. Лишь идеальное тело с бледной бархатной кожей. Молодая грудь была небольшой. Маленькие темные соски смотрели в разные стороны.

— Уходи, — сказал Мэтокс, стараясь не замечать манящей наготы.

— Нет, — Крина улыбалась. — Я говорила тебе, что могу читать мысли? Говорила, что живу так долго, что весь этот мир кажется глупым и до отвращения нежеланным?

Она подошла к Мэтоксу, обняла за шею. Он не сопротивлялся. От нее пахло лилиями и свежестью ночи. Крина спросила его о матери, затем о

глухой старухе, учившей его музыке, о детстве. Спросила, чтобы показать, что знает его не хуже, чем он знает себя.

— И не волнуйся, тени больше не придут к тебе. Сегодня не придут.

— Кто ты такая, черт возьми? — спросил Мэтокс. Голос у него дрожал, но он не замечал этого.

— Я такая же, как и ты, только старше на пару веков, — улыбка Крины была доброй и беззаботной.

Мэтокс спросил о девушке, которую привел в ее номер.

— Не бойся, ее не найдут.

— Так она мертва?

— Не думай об этом.

— Я не могу не думать.

— Можешь, — Крина напомнила ему о матери.

— Это другое, — Мэтокс напрягся, чувствуя, как руки Крины опускаются по его груди вниз, расстегивают ремень.

— Ты сводишь меня с ума, — прошептала Крина. — И не смей говорить мне: нет. Я не приму отказ, — она увлекла его к кровати, легла на спину и прижала к себе.

Когда наступило утро, Крина ушла. Мэтокс заснул. Они занимались сексом несколько часов, а потом она снова пила его кровь. Раны на шее болели и продолжали кровоточить...

— Только не нужно больше пить мою кровь, — сказал Мэтокс, когда Крина пришла к нему снова.

Это случилось почти два месяца спустя, когда он вернулся к работе в душном ночном баре. Крина просто пришла и заняла столик у рояля. Она сидела и наблюдала, как играет Мэтокс. Он видел ее, но притворялся, что занят игрой.

— Я все еще могу читать твои мысли, — сказала Крина, когда они вышли на улицу. — И не пытайся врать, я вижу, что ты хочешь меня так же сильно, как я хочу тебя.

Они занялись любовью в той же темной подворотне, по которой шли. Затем в отеле. Выкурили по паре сигарет и повторили все снова. Снова и снова. Эти встречи продолжались почти год. Потом появилась кровь Вайореля — хозяина Крины.

— Просто пей и ничего не бойся, — сказала Крина.

Мэтокс не боялся. Уже не боялся. Чувства были сочными и яркими. Чувства к Крине. Никогда прежде он никого не любил так сильно, не желал так сильно. Все остальное было не важно. Лишь иногда появлялось раскаяние, но оно отступало, стоило Крине прийти в его дом. Она рассказала ему о слугах, о тенях, которые подчиняются древним созданиям, как Вайорель, о крови, которой питаются древние существа и о крови древних существ, способной продлевать жизнь простых смертных.

— Но ты пила мою кровь, — сказал Мэтокс.

— Я стара и чем-то уже похожа на Вайореля, — сказала Крина, и на губах ее появилась усталая улыбка. — С нами, слугами, иногда такое случается. В конце.

— Что будет, когда я выпью кровь Вайореля?

— У тебя будет шанс стать таким как я.

— Слугой твоего хозяина?

— И еще бессмертным. Почти бессмертным.

— Не хочу быть слугой.

— Это не так плохо.

— Нет.

— Тогда выпей это просто так. Ради меня. И к черту Вайореля и других вечных тварей.

Крина спешно улыбнулась, подчеркивая, что шутит. Улыбка вышла усталой и фальшивой. Где-то в глубине души Крина устала быть слугой, желая снова вспомнить, что такое быть женщиной: желанной, любимой, взбалмошной, а не мудрой, усталой и вечной. Потому что вечность утомляет. Все старится, гниет: цели, интересы, стремления, желания. И пусть тело в рассвете жизни, сознание близится к закату...

— Знаешь, — прошептала Крина, обнимая Мэтокса, — говорят, женщина запоминает только двух мужчин: первого и последнего. Все остальные становятся безликими масками на карнавале жизни... Ты не можешь стать для меня первым, но место последнего еще вакантно... Так что... Я бы хотела... Если ты не против... — мысли спутались...

Впервые за долгие годы Крина была взволнована, влюблена. И в кого? В самого никчемного, в самого неприметного человека, который и на пианино-то играть путем не умеет. Так, просто научился чему-то когда-то у кого-то. Ведь она разбирается в музыке. Разбиралась. Давно. Потом все забылось. За долгие века все стерлось. Вайорель предупреждал, что чем старше становится слуга, тем больше он похож на своего хозяина. Но внутри хозяев нет ничего, кроме пустоты. Они созданы из пустоты, которая ненавидит пустоту. И так как они образчики этого состояния, то больше всего они ненавидят друг друга. Женщины... Их женщины...

Крина никогда не видела женских особей этого древнего вида, поэтому в первые годы службы предлагала Вайорелю себя снова и снова. Но он лишь смеялся над ней: устало, сдержанно. Тогда Крина ненавидела этот смех. Позже, много веков спустя, она сама стала смеяться так же. Люди говорят: в здоровом теле — здоровый дух. Что ж, иногда это не верно. Тело Крины сохранило молодость, свежесть, но дух состарился и согнулся под тяжестью прожитых лет и совершенных поступков. От юной девочки, которую некогда Вайорель забрал у нищих родителей, ничего не осталось. Вернее, не забрал — купил.

В бедной румынской семье было шестеро детей. Крина помнила, как умерли две старших сестры. Помнила, как родилась младшая. В доме не было хлеба, не было жизни, лишь существование, но в этом был смысл. Для Крины был. Даже когда одна из сестер, которая работала на ночных улицах, чтобы прокормить семью, заболела сифилисом и начала гнить на глазах, был. Был, и когда родилась младшая сестра. К тому времени Крине было тринадцать, и старшие сестры начинали намекать, что она скоро тоже сможет зарабатывать деньги, как и они: ночью, на улице. Но смысл был всегда. Даже после того, как отец отвел ее в местный монастырь и оставил на ночь с приезжим пастырем. Золотая монета, полученная наутро Криной, была для нее настоящим сокровищем. Но пастырь уехал, а монахи всегда были слишком скупы и набожны, чтобы пользоваться юным телом часто. Нужно было идти на улицы Бухареста.

Была зима. Мужчины проходили мимо. Сестры говорили, что зимой спрос всегда меньше. Но вот появился высокий красавец со светлыми волосами. Он прошел мимо большинства женщин и остановился возле Крины. Его глаза василькового цвета были холодны, как ночь вокруг. Его кожа была бледной, благородной.

— Вы, должно быть, заблудились, господин, — сказала Крина, приняв чужака за человека из замка. Он улыбнулся: устало, вымученно. Откуда-то из темноты выскользнула карета. Внутри было холодно и пахло цветами.

— Как тебя зовут? — спросил незнакомец. Крина назвала свое имя, вздрогнула, почувствовав, как тронулась карета. — А я — Вайорель, — представился незнакомец. Его взгляд стал колким, словно он пытался читать мысли Крины, но она приняла это за вожделение, поджала ноги и начала спешно подбирать многочисленные юбки. Вайорель рассмеялся.

— Я не заразная, — спешно сказала Крина. — Не могла заразиться. Это мои первые дни на улицах, так что...

— Я знаю.

— Тогда почему вы смеетесь?

— Потому что мне не нужно то, что ты хочешь предложить мне.

Крина увидела, как начинает меняться лицо незнакомца. Увидела его клыки, вытянувшуюся челюсть. Она хотела закричать, но рука мужчины зажала ей рот.

— Обещаю, что не убью, если не будешь кричать, — прошептал он.

Крина кивнула. Он прокусил ей шею и пил кровь, казалось, целую вечность. Боль от укусов отступила, и Крина чувствовала лишь голод Вайореля, лишь его жажду, которую сейчас могла утолить только она. И это было лучше, чем лежать под старым пастырем или толстыми монахами. Крина обняла Вайореля за шею, прижала к себе: осторожно, нежно. Он замер, перестал пить. Кровь из ран заструилась по шее Крины. Метаморфозы оставили лицо Вайореля. Он снова стал человеком.

Отпрянул назад и смотрел растерянными васильковыми глазами, на дне которых Крина видела вину.

— Я что-то сделала неправильно? — растерянно спросила она.

— Просто уходи.

— Но моя кровь все еще течет...

— Уходи! — закричал Вайорель.

Карета остановилась. Крина выскочила на улицу. Она вернулась домой лишь под утро. Мать и сестры встретили ее, потребовав заработанные деньги.

— Я не взяла денег, — сказала Крина.

Мать ударила ее по лицу и потребовала не врать, указала на колыбель, где лежала младшая сестра, и сказала, что ребенку нужна пища.

— Признавайся, где ты их прячешь! — сестры схватили ее за руки, а мать начала обыскивать, увидела прокушенную шею, засохшую кровь, замерла. — Иди спать, — тихо и как-то отрешенно сказала она вдруг.

Крина заглянула ей в глаза, но там не было ничего, кроме разочарования и вечной зимы, продолжавшей и летом завывать метелями. Зимы, которая давно уже поселилось в этом усталом сердце. Крина легла в кровать, но еще долго наблюдала за матерью, тщетно пытавшейся выжать из своей высохшей груди остатки молока для младенца.

Потом пришли сон и слабость. Крине казалось, что Вайорель выпил не только ее кровь, но и жизненную силу. Вечером она с трудом смогла одеться и вышла из дома. Ноги были ватными и не слушались. Она дошла до старого монастыря и упала без чувств. Подобравшие ее монахи увидели оставленные зубами Вайореля следы на шее и долго спорили шепотом о том, что должны сделать. В зале горел камин, Крина подвинулась ближе к пламени, чтобы согреться. Она не слушала больше монахов, не думала о том, что они решат сделать с ней. Она хотела только прогнать пробравшийся под одежду холод, закрыла глаза, задремала, проснулась, поднялась на ноги и пошла прочь. Монахи смотрели, как она уходит, но ничего так и не сказали.

Была середина ночи. Небо звездное. Крина подумала, что в город идти поздно, вернулась домой. У дверей стояла карета, в которой вчера Вайорель пил ее кровь, забирал ее силу. Сейчас он ждал ее в доме. Стоял в центре единственной прокопченной комнаты и разговаривал с родителями, торговался с ними... Нет. Вернее, это они торговались, а он принимал условия. Принимал цену за Крину. За ночь с ней? За несколько дней? Месяц? Жизнь?

Когда Крина поняла, что родители продают ее этому странному человеку, то попыталась объяснить матери, что это именно он прокусил ей шею. Мать смерила дочь внимательным взглядом и пожала плечами. Крина видела, как в ее глазах вечной зимы становится чуть больше.

Нет, она не ждет, что ее дочь вернется. Она хоронит ее, как похоронила других детей. Крина заплакала: молча, неподвижно, покорно. Где-то за спиной звякнул брошенный на стол кошель с деньгами. Крина окинула взглядом родной дом, хотела на прощание заглянуть в глаза родителям, но они уже не видели ничего, кроме денег, которые выпав из кошель, рассыпались по столу. Вайорель подошел к Крине и жестом велел следовать за ним. Крина не подчинилась.

— Я жду тебя в карете, — сказал Вайорель. Когда он выходил, в дом залетел порыв холодного ветра и мелкий, колючий, словно иглы, снег. Послышалось ржание запряженных в карету лошадей. Дверь закрылась. Родители вздрогнули, подняли глаза, награждая дочь растерянным взглядом.

— Ты должна идти, — сказал отец.

— Я не хочу, — Крина в бессилии заломила руки. — Я боюсь.

— Ты должна.

— Но он пил мою кровь! — она вздрогнула, услышав раздраженный смех матери. Старая женщина поднялась на ноги и выставила дочь на улицу. Дверь в родной дом закрылась. Вайорель открыл дверь в карету. Его глаза снова смотрели прямо в мысли Крины.

— Нет, — тихо сказал он, когда она безмолвно спросила, вернется ли еще в свой дом.

По щекам Крины снова покатились слезы. Она вспомнила ссохшуюся грудь матери, в которой давно уже не было молока, но которую она все еще продолжала терзать, надеясь добыть для младенца несколько капель. Голова снова закружилась. Все стало каким-то странным, непонятным. Словно в забытии Крина села в карету.

До замка они ехали молча. Запоздалое утро светилось на небе молочной белизной. Каменные ступени, по которым Вайорель вел Крину, казались огромными, лестница — бесконечной. Такими же бесконечными были и залы замка: пустые, безжизненные, холодные, несмотря на то, что слуги исправно топили печи. Даже в покоях Вайореля был холод. Служанка с рыжими, как конский хвост, волосами, смирила Крину усталым взглядом. На вид ей было лет сорок, может чуть меньше или чуть больше. Шея длинная, без единого укуса. Лицо худое, с вечным выражением усталости, как и взгляд. Она приготовила для Крины горячую ванну и помогла раздеться. «Он что, не может выпить мою кровь, пока я грязная?» — подумала Крина.

— Он не хочет пить твою кровь, — сказала служанка.

— Ты тоже умеешь читать мысли? — удивилась Крина.

— Вайорель не умеет, — на губах служанки появилось презрение. — Разучился. Давно. Может быть, тысячу лет назад или десять тысяч. Я не знаю.

— Мне показалось обратное.

— Мне тоже иногда кажется, но поверь, он ненавидит читать людские мысли. Мы раздражаем его. Наши мысли, наши чувства. Такие скоротечные. Такие наивные, — служанка подлила горячей воды в ванну, и помогая Крине мыть спину, спросила о семье.

— Это ты тоже прочитала в моих мыслях?

— Это написано в твоих глазах.

— Я хочу вернуться к ним.

— Зачем?

— Это моя семья.

— Но ведь они продали тебя.

— Это ничего не меняет, — Крина замолчала, потому что в груди действительно появилось нечто, подобное обиде. Эта горечь отравляла кровь, мысли.

— Ты еще ребенок, — сказала служанка.

— Я уже не ребенок, — тихо сказала Крина.

За окном распушалоcь зимнее утро: морозное, но солнечное.

— Я тоже была почти ребенком, когда познакомилась с Вайорелем, — сказала служанка. — Возможно, моложе тебя. Он обещал мне вечность, но, как видишь, вечность имеет свои границы.

— Ты тоже живешь тысячи лет?

— Тысячи? Нет. Всего несколько веков. Четыре... Или пять... Не помню. Но я старею, хотя это уже и не важно. Здесь есть хорошие библиотеки. Я выучила много языков... Знаешь, как говорят, мудрость охотно посещает женщин, когда от них бежит красота. Так что я теперь чаще смотрю в книгу, чем в зеркало.

— И ты тоже пьешь у людей кровь?

— Редко.

— Мне тоже придется пить кровь людей?

— Только если проживешь столько, сколько прожила я. Первые пару веков тебе будет нужна только кровь твоего хозяина. Только она сможет продлить твою жизнь. Хотя и после ничего не изменится, правда кровь людей тебе начнет нравиться. От нее будет кружиться голова и подниматься настроение, как от хорошего соборного вина, — служанка увидела в мыслях Крины монахов и старого пастыря, который забрал у ее тела детство, и громко рассмеялась.

— Ты снова что-то увидела в моих мыслях? — спросила Крина.

— Старого пастыря.

— Он был не так уж и плох, — Крина опустила глаза, но стыда в них не было. — А я смогу когда-нибудь читать мысли?

— Когда-нибудь... — служанка велела подняться, помогла смыть мыльную пену. — Некоторые слуги становятся способны читать мысли других,

когда начинают испытывать тягу к человеческой крови. Некоторые раньше, некоторые позже. У каждого своя судьба, но в одном не сомневайся — чем дольше ты будешь жить, тем сильнее будешь похожа на Вайореля.

— Он словно мертвец.

— Это точно! — служанка не заметила подкравшийся со спины солнечный луч. Кожа ее зашипела, покрылась пузырями. Она вскрикнула, отскочила в сторону. Крина испугалась. — Не стоит, — отмахнулась служанка. — Ожоги пройдут раньше, чем наступит ночь. Наше тело само исцеляет себя.

— Но боится солнца?

— У всего есть свои недостатки.

— Я тоже буду бояться солнца?

— Только когда станешь достаточно старой.

— Как ты?

— Ну, не такой старой, — служанка криво улыбнулась.

— Вайорель тоже боится солнца?

— Не любит — да, боится — нет. Солнце убивает его слуг, а для таких, как Вайорель, оно просто неприятный раздражитель, неудобство, — на ее лице появилась тень уныния. — Меня зовут Тсера. Знаешь, что означает это имя?

— Нет.

— Свет рассвета.

— Печально.

— Именно, — служанка посмотрела на свою руку, где чернел ожог, посмотрела на проникавшие в комнату лучи солнца. — Когда-нибудь я выйду на крышу этого бездушного замка и дождусь рассвета.

— Ты хочешь сгореть?

— Боюсь, я живу слишком долго. Тебе еще этого не понять, — Тсера смерила преемницу внимательным взглядом. — Знаешь, за свою жизнь я встречала таких древних слуг, что хозяева предпочитали умертвить их, чем продолжать жить с ними бок о бок.

— Почему?

— Думаю, потому что они слишком сильно стали похожи на своих хозяев.

— Разве это плохо?

— Такие, как Вайорель, не любят подобных себе. Они ненавидят друг друга. Убивают друг друга, если кто-то заходит на чужое пастбище.

— Они считают нас пищей?

— Не нас. Тех, кто там, за этими стенами. Мы для них слуги.

— А их женщины? Дети?

— Я никогда не видела их детей. Кажется, когда-то очень давно все их женщины умерли. Или же они сами убили своих женщин, чтобы

прекратить свой род. Они ведь живут вечно, а значит им нужно вечно питаться. Представь, что будет, если пищи станет мало.

— Вайорель не показался мне жестоким.

— Разве я говорила о жестокости? Я говорила о вечности, которую нужно прожить. Я, например, выдержала несколько столетий. Не представляю, как им удастся жить тысячелетиями...

Сейчас, много веков спустя, вспоминая Тсеру, Крина думала, что понимает ее. Тогда не понимала, не понимала и век спустя, но теперь она ощутила ту же усталость, что и прежняя служанка, на смену которой Вайорель взял Крину. Нет, желание умереть еще не пришло, но вот усталость уже начинала сводить с ума. Груз прожитых лет ложился на плечи, гремел на ногах кандалами. Точно такими же кандалами, как те, которыми Тсера прикует себя на рассвете на самой высокой башне замка. Прикует тогда, в прошлом.

Это случится на второй год службы Крины Вайорелю. Никто из смертных непосвященных людей, с которыми будет общаться Крина, не узнает, где Тсера смогла достать кандалы и как рассвет смог убить ее. Тело Тсеры найдут ближе к обеду — черное, обугленное. Его отнесут в подвал, чтобы похоронить. Но похороны не состоятся.

— Слуги умирают не так, — сказал тогда Вайорель, отправив Крину в подвал, и тени его последовали за ней, как слепец за собакой-поводырем.

Была осень. За окнами желтели деревья. Крина спустилась в подвал. Здесь было холодно и пахло разлагающейся плотью. Рядом с Тсерой лежали старик и младенец. Они умерли пару ночей назад и ждали своей очереди отправиться в землю. Подобная компания подружки почему-то позабавила Крину — к тому времени она разучилась плакать. Младенец и старик. Между ними Тсера — девушка, имя которой означает свет рассвета. Старуха и младенец. Начало и конец. Крина указала теням на черное, обуглившееся на солнце тело. Тени укрыли его. От резкого запаха перехватило дыхание. Сколько раз Тсера пыталась покончить с собой? Крина знала, что таких попыток было по меньшей мере три.

Три раза Тсера поднималась на башню и ждала рассвета. И три раза бежала от боли и страха. Или же бежала от пустоты, которую несла смерть. Пустоты, которой за гранью будет еще больше, чем в этой жизни. Но решение было принято. Это знала Тсера. Это знала Крина. Нужно было лишь время. И час пробил. Тсера не смогла преодолеть страх, не смогла набраться храбрости. Она смогла только лишиться себя возможности бегства... Крина смотрела, как тени пожирают тело подружки, оставляя густую жижу, и думала, что никогда не поступит подобным образом.

Покончив с Тсерой, тени припали к ногам Крины. Эти холодные ломтики смерти, эти обрывки безумия. Они могли только исполнять приказы своего хозяина — Вайореля, да еще его самых верных слуг.

Крина знала, что тени слушаются Тсеру. Но она не могла вызвать их сама — только получить их от Вайореля. Словно эти тени появлялись из его собственного тела, из его безразличия, отрешенности. Но родившись, они могли служить, пока мрак не отступит под натиском рассвета. Вот они — дети древних. Вот они — плоды чувств вендари. Крина смотрела на ожившие тени и думала, что когда-нибудь сама превратится в одну из них, устав от молодости, красоты, дорогих нарядов и денег Вайореля, открывавших двери в любое общество. Сколько жертв она готова принести хозяину? Крина сбилась со счета, понимая, что, покинув Вайореля, не сможет ничего изменить, никого спасти — ее место займет кто-то другой и убийства продолжатся. Так что остается смириться, приспособиться.

Вайорель любит изучать жертву, наблюдать, общаться. Он считает себя гурманом, хотя Крине кажется, что все это притворство. Вайорель боится своего безразличия и своего голода, способного превратить его в животное. Иногда он разговаривает с Криной, рассказывает о прожитых годах. В историях один смысл — все эти древние существа медленно умирают. И Вайорель умирает вместе с ними. Его кровь горька. Крина пьет ее раз в неделю, чтобы забыться, потому что она действительно пьянит лучше любого церковного вина.

Иногда Вайорель болеет. Это происходит в том случае, если его жертва больна сифилисом или другой заразой. Словно сама человеческая природа восстает против роли пищи. Но болезнь длится недолго. Вайорель не обижается на Крину за подобную промашку, лишь учит, как отличать здоровых людей от больных. Она выбирает их в грязных тавернах и на пышных балах. Обычно это мужчины, которые бегут за молодой и свежей девушкой. Они хотят нежности и страсти, но находят смерть. Иногда Крина приводит к хозяину женщин. Некоторые из них соблазнены украшениями, некоторые дивными пряностями, которые так сложно достать в Бухаресте, некоторые парфюмерией, а некоторые так же, как мужчины, ищут в женских объятьях нежности и страсти.

Иногда Вайорель наблюдает за подобными утехами. Стоит в темноте и ждет, когда действие достигнет кульминации. Его взгляд пленит, гипнотизирует. Жертва не двигается. Сосуд ждет. Крина отворачивается. Вначале для нее в кормлении хозяина было больше непристойности, чем в любовных утехах. Но потом все отходит на второй план, и пустота затопляет совесть и стыд. Особенно после того, как они покидают Бухарест. Колеса паровоза стучат. Затем копят трубы корабля, который везет их в чужую страну туманов.

В Англии они живут около века. За это время Крина почти полностью забывает, кто она и откуда. К тому же у нее появляется способность читать мысли. Вначале это забавляет, облегчает службу Вайорелю. Но

потом она начинает уставать. Это раздражает так сильно, что ей хочется убивать своих доверчивых жертв прежде, чем их кровь будет выпита Вайорелем.

За долгие годы жизни Крина слышит много разных названий своего хозяина. Подобных тварей встречают в Африке, в Арабских странах, Малайзии, Шотландии, Индии, Португалии... В Румынии их называют стригулы, в Греции — ламии, в Китае — чианг шин. В латыни, которую Вайорель заставил выучить Крину, вампиров называют носфера-ту. Бхут, Брахмапаруш, Чиватето, Эмпусас, Лугат... Список тянется до бесконечности. Мормо, Эморы, Вендари... Последнее название почему-то нравится Вайорелю больше всего. Крина не спорит. Она просто слуга этого напыщенного древнего существа. И ей нет дела до того, как он назовет умирающий, вырождающийся род, который когда-то давно истребил всех своих женщин, чтобы они не могли родить детей, соперников, уменьшив количество пищи. Но пищи стало больше — людей стало больше. Пастбища разрослись и стали представлять угрозу, заставили древних созданий прятаться, скрываться, замечать следы. Но если бы они собрались все вместе, если бы смогли победить свою ненависть друг к другу, то мир людей вновь вынужден был бы опуститься на колени перед ними. Но они никогда не объединятся. Крина знала это, видела это в Париже, в Италии, в Бразилии и в снегах Аляски...

Хозяин любил путешествия. Хотел показать, что любит, но она знала — он просто ищет себе новое пастбище, где можно будет остаться на ближайшие пару веков. И когда такое пастбище найдется, жизнь остановится, замрет. Этого дня Крина ждала с опаской. Так же, как и дня, когда они встретят лицом к лицу другую тварь, другого вендари. Или встретят их слуг — таких же злых, как хозяева, таких же безумных и вечно голодных. И еще она боялась дня, когда Вайорель устанет притворяться человеком и станет тем, кем создала его природа....

Кроме Крины ему служили еще трое. Двоих из них Крина никогда не видела. Они бродили по миру в поисках незанятых территорий — пастбищ. Крина не знала, сколько им лет, но понимала, что они старше ее. Может быть, старше Тсеры. По крайней мере тот, которого она видела. Мужчина по имени Вимал. Он сказал, что Вайорель нашел его где-то в Индии много-много веков назад. Вначале Крина пыталась найти в нем друга, каким была для нее Тсера. Но Вимал не искал друзей. Он никого не любил. Пустота уже пробралась в его сердце. Но пустота не сделала его смиренным, как это случилось с Тсерой. Нет. Пустота научила его ненавидеть всех, у кого в жизни остался смысл.

Он появился сразу, как только умерла Тсера, чтобы занять ее место, пока Крина не наберется опыта. Маленькая Крина, которую он насиловал каждую ночь, пока Вайорель не узнал об этом и не отослал Вима-

ла на поиски новых пастбищ. Шрамы, оставленные Вималом на теле Крины, зажили быстрее, чем шрамы, оставленные на сердце. Возможно, именно поэтому Крина так быстро пристрастилась к крови своего хозяина. Кровь помогала забыть. Кровь помогала забыться. А когда спустя два века судьба снова свела ее с индийским монстром, она могла противостоять его силе. Теперь шрамы оставались не только на ее теле. Теперь она могла отвечать болью на боль, шрамом на шрам, хотя в итоге и приходилось уступать. Снова уступать, пока Вайорель в очередной раз не отослал Вимала прочь.

Двух других слуг звали Холдор и Пачджо. И, судя по всему, они были ничуть не лучше индийца. Холдора Вайорель нашел где-то в Швеции очень-очень давно. Его имя означало скала Тора. Привычку узнавать значения имен привила Крине Тсера. Имя Пачджо означало маленький. А имя Вимал — чистый. Еще одна насмешка судьбы, как иронизировала когда-то Тсера, говоря, что ее имя означает свет рассвета. Собственное имя Крины означало лилия. Она долго пыталась найти в этом смысл или иронию, но так и не смогла. Лишь сделала татуировку в виде лилии, которой гордилась. Все остальное было ненужной суетой. Год за годом. Век за веком. Пока суеты не стало слишком много. Суеты, предшествующей безразличию, усталости. Все стало каким-то бессмысленным, пустым.

Иногда Крина пила кровь своих жертв, прежде чем выкачать из них кровь новыми машинами, изобретенными людьми для своих собственных нужд и целей. Кровь людей пьянила и помогала не думать, не чувствовать. Конечно, это не совсем то, что пить кровь Вайореля, но Крина устала зависеть от его милости. Какое-то время ей удавалось разбавить свою жизнь кровью других, но пустота всегда возвращалась, требуя все больше и больше крови. Пустота давила. Солнце начинало вызывать дискомфорт. Еще век, может чуть больше, и эта далекая звезда убьет ее так же, как когда-то давно убила Тсеру. «Хорошая смерть, — думала Крина. — Достойная». Думала до тех пор, пока в ее жизни не появился Эндрю Мэтокс. Сначала на одну ночь. Потом на неделю. На месяц...

Мимолетное увлечение подхватило Крину, словно гигантские волны подхватывают крохотный корабль, попавший в эпицентр шторма, и бросают его в бездну. Но падать в пропасть не так страшно, когда есть кто-то рядом, когда можно взять кого-то за руку. Поэтому Крина начала приносить Мэтоксу кровь Вайореля. Она знала, что Вайорель не хочет читать ее мысли, поэтому иногда рассказывала ему о своем возлюбленном. Он слушал внимательно, терпеливо. Ему не нравилось заводить новых слуг, но ради Крины, кажется, он готов был сделать исключение. Вот только сам Мэтокс не хотел становиться слугой. И еще этот свихнувшийся монстр Вимал...

Он появился в городе, как стервятник, почуявший запах падали. С ним прибыли Холдор и Пачджо — такие же безумцы, как и Вимал. Холдор: высокий и светловолосый, тело крепкое, стройное, плечи широкие. На вид ему лет сорок, может сорок пять. Если его превратили в слугу ребенком, то он очень стар. «Скала Тора» — он действительно похож на значение своего имени. Второй — Пачджо, маленький и толстый, с черными крысиными глазами и полными, до отвращения сальными губами. Крина не понимала, почему Вайорель собрал их вместе, и боялась, что безумное трио узнает о Мэтоксе. Эти психопаты ненавидят ее, потому что у нее все еще есть цели. Они будут счастливы причинить ей боль, заставить страдать. Они почти вышли из-под контроля. Древние взбесившиеся псы. Их силы выросли. Им кажется, что они равны своему хозяину, достойны занять его место. Но они слуги. А нет худшего хозяина, чем бывший слуга.

— Тебя не должно тревожить их присутствие. Ты — мой кормилец. Они — мои воины, — сказал Крине Вайорель.

Он — наблюдатель. Он — контролер. И его слуги, его бешеные псы — Вимал, Холдор и Пачджо — рыщут по округе, вынюхивают. Они давно переступили дозволенные рамки. Давно считают себя хозяевами мира. У них на пути стоит лишь Вайорель. И сила их растет. Вайорель понимает это, но не может позволить себе отказаться от сильных и древних слуг.

Гэврил, Эмилиан, Габриэла. Это трио вызывает интерес у Вимала и стыд у Вайорея. Древнее существо обзавелось сыном, клонировало себя. И не важно, что послужило причиной — расплата неизбежна...

Бак Сандерс открывает ворота автомобильной свалки. Мужское трио пугает его. Глаза незнакомцев смотрят в самый мозг. Они приехали на крохотном «шевроле» светло-зеленого цвета. Бак Сандерс не может понять, как это трио уместилось в женской машине, особенно мускулистый светловолосый гигант, похожий на викинга из забытых легенд.

— Хотите купить старую машину? — спрашивает Бак Сандерс.

Вимал смеется. Ему нравится это железное кладбище. Солнце почти зашло, но его свет еще раздражает кожу, причиняет боль. Но Вимал любит чувствовать боль. Особенно боль других. В багажнике «шевроле» лежит девушка. Они забрали ее на заправке, когда она садилась в свою крохотную машину. Их мысли лишали ее воли до тех пор, пока не наступило время игр. Им нужна была забава, веселье.

Девушка сопротивлялась и кричала. Никто не слышал ее, кроме редких животных загородного леса. Большие деревья уходили высоко в небо — девушка видела их, когда Вимал насиловал ее, потом видела

землю и мох. Лежала и тихо скулила. Боль от укусов и унижения притупилась. Вимал потерял интерес к этой жертве. Его сексуальный аппетит угас. Кровь перестала пьянить. Он поднялся на ноги и презрительно смотрел на уткнувшуюся лицом в мох девушку. На ее шее и ягодицах была кровь. Холдор и Пачджо стояли рядом. Девушка у ног манила здоровьем и жизнью. Хотя риск был всегда.

Вирусы не могли убить древних слуг, но лишали сил, превращали в жалких подбитых собак, которые бегут, поджав хвост, умоляя о пощаде. Но время научило делать правильный выбор. У каждого была своя система, способ определить пригодность жертвы. Теперь, втроем, они сделали свои знания идеальными. И если Вайорель перед тем, как употребить человеческую кровь, заставлял Крину проводить анализы на наличие вирусов, то его другим слугам было достаточно лишь посмотреть на жертву, чтобы сделать правильный выбор. Да и не было у них желания заниматься такими сложностями, как проверка крови. Им нравилась охота. Им нравилась боль жертв. Когда Вайорель последний раз убивал кого-то? Когда переживал это пьянящее чувство охоты? Да и переживал ли вообще? Этот древний демон, древнее ничто, потому что внутри у него ничего нет кроме пустоты. Но они не такие. Внутри у них есть ненависть, огонь. И огонь этот никогда не угаснет. Огонь сможет победить любую тьму, любой мрак. Даже тени чувствуют это и обходят их стороной. Тени, которые подчиняются только таким тварям, как Вайорель. Только древние способны вдохнуть в тени жизнь. Управлять ими могут и слуги, получив разрешение хозяина. Но когда-нибудь сотрется и эта грань. Вимал, Холдор и Пачджо знали это...

Девушка поднялась и побежала к дороге. Она видела, как мимо проезжают машины, от которых она была скрыта редкими деревьями. Но шанс на спасение был. Нужно лишь бежать очень-очень быстро. Так думала она. Но она ошибалась...

— Так и какую машину вы хотите купить? — спрашивает Бак Сандерс.

— Для начала я хочу избавиться от этой крошки, — говорит Вимал, указывая на «шевроле».

— Но она ведь еще совсем новая! — Бак Сандерс растерянно разглядывает женскую машину.

Вимал смеется, говорит, что это можно исправить. Он садится за руль и несется между рядов сваленных друг на друга старых машин к железобетонному ограждению. Грохот удара разносится по округе. Бак Сандерс в шоке. Вимал в шоке. Ему нравится этот драйв, нравится адреналин. Из его разбитой головы течет кровь. Он пробует ее на вкус. Нет, она уже давно не похожа на человеческую кровь — горькая, как у Вайореля, как у древних. Вимал выбирается из разбитой машины. Пара ребер сломана, но тело восстановится быстро.

— Ты ненормальный, — говорит Холдор, но его взгляд прикован к черному «мустангу», который стоит рядом.

— Глупый викинг! — смеется Вимал. — Ты совсем не разбираешься в машинах.

— А мне нравится его выбор, — говорит Пачджо. — Эта машина похожа на дьявола.

— Скорее на непокорного беса, — продолжает смеяться Вимал.

— Так вы хотите купить «мустанг»? — растерянно спрашивает Бак Сандерс.

Безумное трио оборачивается, словно они совсем забыли о хозяине автомобильной свалки. Их взгляд устремляется ему в мозг. Бак Сандерс пытается говорить, но мысли и воспоминания стираются. В какой-то момент ему кажется, что его разум и разум этих безумцев стал одним целым. Тысячи мгновений чужих жизней проносятся перед глазами. Он не успевает разобрать деталей, но все его естество охватывает животный ужас. Горло сжимается в приступе удушья. Сфинктер открывается, освобождая переработанные отходы обильного обеда.

— Что за вонь? — морщится Холдор.

— Кажется, мы немного перестарались, — смеется Вимал. Его смех звучит в ушах Бака Сандерса. Звучит и после того, как уезжает безумное трио.

Черный «мустанг» рычит, оставляет облако пыли. Бак Сандерс не двигается. Лишь ближе к ночи способность думать вернется к нему. Он заснет, не поменяв одежду после конфуза, а проснувшись, не сможет вспомнить, что случилось. Не сможет вспомнить, даже когда спустя день черный «мустанг» вернется. В машине будет сидеть все та же безумная тройца. Бак Сандерс откроет им ворота, но забудет об этом сразу, как только они уедут, оставив на свалке пару растерзанных, обескровленных тел.

Автомобильная свалка кажется Вималу идеальным местом, чтобы избавляться от трупов. Он возвращается сюда снова и снова, пока не наступает ночь действий. Ночь смерти Надин. Вызов древнему существу по имени Гэврил брошен. Скоро его пастбища отойдут к Вайорелю. Но и его время не будет вечным. Вимал уже видит тот день, когда уничтожит своего господина. Эта робкая мысль давно поселилась в его обезумевшей от ненависти ко всему миру голове. Человек родился и стал слугой, затем получил силу от своего хозяина, пришел и сверг хозяина... Но все это после. Сейчас есть лишь Надин — женщина, слуга чужого бога.

Вимал сталкивался с ней прежде, когда посещал эти пастбища раньше, присматривался к ним. Пастбища, на которых теперь решил обосноваться Вайорель. Но пока хозяин просит наблюдать за слугой Гэврила. Древнему существу хватает одной женщины. Он не хочет использовать

свою мощь, живет, как отшельник, медленно умирает. При мысли об этом Вимала начинает тошнить.

Он представляет себя хозяином. Представляет, как окружит себя слугами, которым он не даст ни одного шанса, чтобы восстать против своего господина. И уж тем более он не станет ограничиваться одной женщиной. Ему вообще не нравятся женщины. В их глазах всегда есть жизнь и какой-то незримый смысл. Униженные и сломленные, они продолжают бросать ему вызов. Вимал вспоминает Крину. Никогда и ни к кому из ныне живущих он не испытывал столько ненависти. Эта Крина, этот молодой раб древней твари Вайореля, унизила его своим отказом. Унизила тем, что набралась силы и запретила издеваться над собой, унижать себя...

Вимал сидит за рулем «мустанга» и наблюдает за Надин — за слугой Гэврила, жизнь которого скоро закончится. Когда дороги Надин и Вимала пересеклись, она тоже дала ему отпор. Этот одинокий слуга одинокого бога. Она унизила Вимала, заставила отступить, чтобы не нарушить закон, посягнув на собственность Гэврила. Но Гэврил скоро будет мертв. И эта Надин слишком сильно похожа на Крину: здесь и сейчас, на этих темных улицах.

Созданные Гэврилом тени клубятся за границами, которые чертит на земле свет фонаря. Надин разговаривает с незнакомой Вималу женщиной. Она хочет найти нового слугу. Когда-то давно Тсера тоже искала слугу, искала замену себе. Эта ненавистная Тсера — женщина, которая была так сильна, что Вимал боялся смотреть на нее. Но пустота хозяина не принесла ей ненависти. Тсера ушла, сгорела, насмеялась над всеми слугами, над их ненавистью и жадой получить силу хозяина. И еще Тсера заразила своей надменностью Крину...

Вимал так сильно стиснул зубы, что они скрипнули. Он был безумен. Знал это и наслаждался этим. Сейчас Надин была центром его безумия. Сейчас у нее было лицо всех женщин, которых он ненавидел. «Мустанг» сорвался с места. Заскрипела резина. Надин обернулась слишком поздно. Вимал засмеялся истерично, почти плаксиво.

— Какого черта ты сделал? — спросил Пачджо, но удивления или укора в голосе не было.

Время пришло. Колокол пробил. Битва слуг и хозяина была не за горами. Оставалось последнее испытание на пути к вершине, к трону Вайореля — слабый и безумный Гэврил. Сразившись с ним, они поймут, на что способны. Но до тех пор нужно оставаться слугами.

— В таком случае нам придется убить Крину, — сказал Пачджо, прочитав мысли Холдора. — Мы спрячем ее тело, затем придем к Вайорелю и скажем, что Гэврил похитил и убил его фаворита. В отместку мы покалечили слугу Гэврила и ждем приказа начать войну.

— Только можно я сам сверну шею Крине? — спросил Вимал, спешно сглатывая слюни, которые текли при мысли о холодном блюде под названием мечь Крине. Мечь женщине, лежавшей сейчас в объятиях своего любовника Эндрю Мэтокса, который запомнит эту ночь смерти на всю жизнь.

Его спасение было чудом. Окровавленный, с изодранным в клочья телом, он бежал по ночной улице. Холодные, безразличные к земной жизни звезды висели высоко в небе. Страха не было. Лишь холодная ненависть, пронизывающая до костей, словно зимняя стужа. Все произошло очень быстро. Если бы Крина последний год не приносила Мэтоксу регулярно кровь Вайореля, то он был бы уже мертв. Но кровь вендари в его теле придавала сил, исцеляла раны. Кровь вендари и жажда мести.

— Почему я должен верить тебе? — спросил Вайорель, когда Мэтокс пришел к нему. — Почему должен доверять такому молодому слуге? Разве у тебя хватит сил, чтобы одолеть таких, как Вимал, Холдор и Пачджо?

— Крина говорила, что я особенный.

— Для женщины каждый мужчина, в которого она влюблена — особенный.

— Значит, я сделаю это сам. Один, — Мэтокс развернулся, собираясь уйти. Полученные раны еще кровоточили, но края разорванной плоти начинали стягиваться, срастаться. Впервые в эту долгую ночь Мэтокс ощутил злость — чистую, яркую, без примеси страха и сомнений. — Крина доверяла тебе! — сказал он Вайорелю.

Воспоминания о ее насильственной и мучительной смерти ворвались яркими картинками в сознание вендари. Вайорель вздрогнул. Никогда прежде ни один смертный не имел столько силы, решимости и боли, которую мог передать ему — существу древнему, как сама пустота, из которой зародился весь этот мир. «Крина мертва, — понял наконец Вайорель, несмотря на то, что Мэтокс сказал об этом уже десятков раз. — Мертва. Мертва. Мертва». Чувства спутались. В последний раз Вайорель испытывал нечто подобное, когда умерла Тсера — его верный друг и вечный спутник. Но она нашла для него замену своей дружбы и преданности — Крину. А теперь Крина мертва. И нет никого, кто смог бы скрасить вечное одиночество, спасти человечность, помочь сохранить рассудок и не превратиться в жадную до крови ненасытную тварь, крадущуюся тенью по ночным улицам, чтобы утолить жажду.

Вендари вырождались. Впервые Вайорель столкнулся с этим в Румынии. Хозяин пастбища стал монстром, животным. Тогда Тсера сказала, что если вендари не будут контролировать голод и сдерживать пустоту внутри себя, то рано или поздно все они превратятся в подобных монстров. Кровожадная тварь тывкала и рычала. Она изменилась, утратила прежние черты. В ее глазах была жажда, вечный голод. Вайорель чувс-

товал стыд за своего сородича. На глазах молодой служанки Тсеры он сразился с этой тварью. Голод придавал бывшему вендари сил, инстинкты вели вперед, превращали в идеальную машину для убийства, но монстр не знал, что такое хитрость и логика. Став животным, он утратил остатки разума, остатки коварства. Он был сильнее Вайореля, но Вайорель не собирался биться честно.

Он заманил монстра на старую мельницу. Ветер был сильным. Жернова гремели, перемалывая муку. Вайорель был ранен. Ни один человек не мог убить вендари, ни одно животное. Но тварь перед ним не была ни человеком, ни животным. Тварь все еще была вендари, которого мог убить лишь другой вендари. И все в ту ночь было на грани жизни и смерти. Тогда Вайореля спасла Тсера.

Он не велел ей приходить на мельницу, но она ослушалась. Она всегда была слишком своенравна, но тогда это своенравие спасло их обоих. Голодная тварь взвыла. Жажда крови на миг взяла верх. Зубы щелкнули, взгляд устремился к Тсере. Все это длилось мгновение, но этого хватило Вайорелю, чтобы сбросить деградировавшего вендари в жернова мельницы. Тварь кричала, выла, захлебывалась собственной кровью, собственным безумием, но не могла умереть.

Вайорель спустился к жерновам. Уроливый сородич тяжело дышал. Его взгляд искал варианты спасения, мести. Но тени в углах стен уже оживали — пустота, подчинявшаяся хозяину. Вайорель давал ей жизнь до рассвета так же, как когда-то давно в сплошной пустоте была дана жизнь вселенной, планете, людям и вендари. Была дана до рассвета. Как оживленные тени умирают утром, так же когда-нибудь умрет и весь этот мир. Превратится в ничто. Станет тем, кем и был когда-то. Все сущее. Все живое и мертвое. Вайорель знал это. Каждый вендари знал это. Как знали ожившие тени, что умрут с лучами рассвета. Но до утра они могли жить, существовать, как и все вокруг существует до дня, когда настанет последний рассвет для всего. Существует, наполняя жизни, созданные пустотой, смыслом и целями. Взять хотя бы эту тварь, застрывшую в жерновах мельницы...

Голодные тени зашептались. Для них все вокруг было сгустками тьмы, пустоты. Если бы они не умирали утром, то, наверное, могли бы сожрать весь мир, а после сожрали сами себя. Но сейчас перед ними был сгусток пустоты вендари. Тварь в жерновах заскулила. За мгновение до смерти в его безумных глазах мелькнула тень сознания. Так, по крайней мере, показалось Вайорелю. Потом тени укрыли монстра. От плоти ничего не осталось, даже темной жижи, которая обычно остается от людей. Таким было первое убийство сородича, совершенное Вайорелем.

С того дня он стал странником, судьей своего народа, который следит за тем, чтобы вендари оставались вендари — грустными, печальными,

потерявшими смысл жизни, но не безумцами, не бездушными тварями, ведомыми голодом. Поэтому он и оказался на пастбище Гэврила. Отшельник давно потерял все смыслы и ценности. Вайорель знал, что за мгновение до безумия всегда наступает покой. Затем назад ничего не вернуть. У Гэврила наступил такой же покой. Он мог продлиться много веков, а мог вспыхнуть припадком неудержимого голода уже сейчас. Вайорель прибыл в этот город, чтобы не опоздать, чтобы быть готовым действовать, когда настанет время... если настанет время. Но вместо безумия вендари, безумие проникло в головы его слуг. Сомнений не было. Он видел это глазами Мэтокса, потому что Мэтокс заставлял его смотреть на это. Мэтокс — последний мужчина Крины, последняя любовь.

— Постой, — сказал Вайорель. — Крина говорила, что ты музыкант, — его взгляд был твердым и непреклонным, как и его жест, которым он просил Мэтокса сесть за пианино у высокого окна. — Сыграй что-нибудь.

— Что, черт возьми, я могу сыграть сейчас?! — Мэтокс растерянно уставился на черно-белые клавиши.

— Сыграй то, что ты сейчас хочешь сыграть. Сыграй то, что соответствует твоим чувствам.

— Я ничего не чувствую, кроме жажды мести.

— Тогда сыграй месть.

— Такой мелодии не существует.

— Значит, создай ее, — Вайорель подошел к окну. Рассвет не спешил в этот город. Ночь казалась бесконечной и одинокой. Без друга, без слуги, без спутника...

Вайорель вздрогнул, услышав первые звуки музыки Мэтокса. Музыка его чувств. Эти звуки не были робкими. Скорее дерзкими, грубыми, злыми. И еще в них была боль. Такая же боль, какую чувствовал Вайорель. Боль утраты. Боль Крины. Ее страдания перед смертью...

Вимал не знает пощады. За долгие годы он изучил карту боли вдоль и поперек, заглянул в каждый закоулок этого мира криков и стонов, слез и мольбы. Но Крина не плачет. Почему она не плачет? Ее стойкость выводит Вимала из себя. Холдор и Пачджо стоят рядом. Волосы викинга залиты кровью. Кровью Крины. Кровью Вимала, которую она успела пустить ему. Ошметки плоти бесформенной массой свисают с лица Вимала. Но эти раны не смертельны, в отличие от ран Крины. Она задыхается. Кровь толчками выплескивается у нее изо рта, темной лужей расплзается под ее телом.

— Вы догнали ее любовника? — спрашивает Вимал Холдора и Пачджо.

— Нет, — говорят они в один голос.

— Черт! — смуглое лицо Вимала заливается бурым цветом.

Крина смеется, глядя ему в глаза — в глаза своей смерти.

— Ее мужчина ранен и ему не выжить, — говорит Пачджо.

Холдор вытягивает руку, показывает вырванный из тела Мэтокса ошметок окровавленной плоти.

— Ты видишь? — шипит Вимал, вглядываясь в мутнеющие глаза Крины. — Твой пес издохнет, как и ты, — он слышит, как Крина что-то шепчет ему. Ее губы шевелятся, но слов не разобрать. — Что? — Вимал наклоняется ближе.

Сгусток крови вылетает изо рта жертвы. Желчь и кровь. Вимал вытирает лицо, давясь злобой. Он сожалеет, что Холдор и Пачджо не смогли поймать любовника Крины. Вимал видел, как она смотрит на него, чувствовал ее любовь к человеческому псу. И он, Вимал, уже видел, как насилует Крину на глазах этого человека, заставляет смотреть, как низко падает его женщина. Смотреть до тех пор, пока на лице этого пса не появится отвращение к Крине, которое она увидит в глазах своего возлюбленного. Вот тогда придет отчаяние и пустота. Вот тогда она сломается и ее можно будет убить. Но пес сбежал, поджав хвост, чтобы умереть. Сбежал в свой дом, как собаки бегут к хозяевам, рядом с которыми хотят провести последние минуты жизни. Очень жаль. План, который Вимал вынашивал не одно столетие, не сработал. И еще этот плевок в лицо!

Он зарычал, замахнулся. Рука пробила грудную клетку Крины, вырвала сердце. Несколько мгновений оно продолжало биться в его ладони, затем замерло. Глаза Крины погасли. Огонь жизни погас. Все стихло. В неожиданном безмолвии неприлично громко продолжала выплескиваться из разодранных артерий горькая, разбавленная кровью вендари кровь Крины...

Музыка Мэтокса стихла. Вайорель отошел от черного окна. Мэтокс молчал.

— Я не могу убить это безумное трио сейчас, — сказал Вайорель. — Они сильны и стары. Они почти такие же, как я.

— Ты боишься? — на лице Мэтокса появилась улыбка.

— Ты тоже сбежал сегодня. Мог умереть вместе с Криной, но сбежал.

— Я сбежал, чтобы убить этих тварей после. Сбежал, не потому что был напуган, а потому что не было смысла умирать в той комнате.

— Нет смысла умирать и сейчас.

— Вот как... — Мэтокс поднялся на ноги. — Крина верила тебе! — выплюнул он в лицо древнему богу.

— Крина могла бы понять меня.

— Понять твою трусость?!

— Понять мои цели.

— Называй это, как хочешь.

— Я называю это так, как есть, — Вайорель сел за пианино.

Он не играл, не двигался. Просто сидел и ждал, что сделает Мэтокс: уйдет или останется. Пауза затягивалась. Мэтокс тоже ждал, понимая, что без этого древнего существа не сможет утолить жажду мести. Ждал ради Крины, ради всех тех, кого эти свихнувшиеся монстры убили или только собираются убить. Ждал, и все его мысли разлетались по комнате громче любых слов. Мысли, которые невозможно было не замечать, не слышать.

— Крина рассказывала тебе о других вендари? — спросил Вайорель.

— Да.

— А она рассказывала, что, потеряв рассудок, они становятся страшнее сотни, тысячи таких, как Вимал?

— Совсем немного.

— Это хорошо, — тонкие, изящные пальцы Вайореля легли на клавиши. — Я приехал в этот город ради того, чтобы остановить одного из вендари, который скоро станет алчущей беспощадной тварью, ведомой ненасытным голодом, — его голос не перекрывал музыку, а лежал поверх, словно песня, которая пугает и завораживает. И корни песни уходят в далекое прошлое, а ветви тянутся в недостижимое для человека будущее.

Мэтокс не двигался. Просто стоял и слушал. Вернее, не слушал — видел. В какой-то момент древние, сдобренные пустотой мысли Вайореля открылись ему. Мэтокс видел его жизнь. Видел молодую Крину, которая так сильно изменилась за прожитые века. Видел Тсеру и боль Вайореля, когда умер его друг, его спутник. Видел обугленное тело Тсеры, лежащее в подвале румынской крепости, и как Крина ведет в этот подвал ожившие тени, которые должны уничтожить улики. Видел свихнувшегося, превратившегося в животное вендари, которого убил Вайорель. Видел долгие странствия Вайореля: сначала с Тсерой, затем с Криной... Казалось, что эта песня, эта история длится целую вечность, где кровь и слезы смешиваются с пышными балами и идеальной музыкой гениальных композиторов и музыкантов. Но вечность, вращающаяся водоворотом в сознании, в реальности длилась не больше пары минут. Музыка стихла. Пианино у окна жалобно затянуло затухающие последние аккорды. Тишина.

— Теперь ты должен уйти, — сказал Мэтоксу Вайорель. — Скоро вернутся Вимал и его свора. Они расскажут мне, как Надин убила Крину и попросят, чтобы я послал за ней тени.

— Откуда такая уверенность?

— А как бы поступил на их месте ты? — Вайорель заглянул любовнику Крины в глаза.

Мэтокс молчал. Теперь он знал, как вендари скрывают улики и как расправляются с неудобными. Открывшаяся жизнь Вайореля что-то из-

менила в нем. Что-то сломалось. Как сломалось у Крины, когда она из маленькой, замерзшей шлюхи, продающей свое тело за краюшку хлеба, превратилась в верного спутника древнего, мудрого существа...

Мэтокс вернулся домой. Раны на теле исцелялись, но травмированное сознание было менее пластичным. В мыслях поселилась пустота. Или она была там всегда? Весь мир создан из пустоты. Нужно признать это, научиться чувствовать, принимать. Но жизнь не изменится. Мир не изменится. Его размеренный шаг по дороге бытия продолжится. Читать газеты, смотреть новости, заниматься тем, чем занимался прежде, но зная то, о чем боялся прежде даже думать. Когда-то давно Вайорель был знаком с одним буддийским монахом. Мэтокс видел эту историю в воспоминаниях вендари. До своего откровения монах молился и носил в монастырь воду. После откровения монах все так же молился и носил в монастырь воду. Ничего не изменилось...

Мэтокс сел в кресло. Его квартира никогда не нравилась Крине — крохотная и убогая. Поэтому Крина сняла им новую квартиру, ставшую для нее могилой. И Мэтокс никогда больше не вернется туда. Он будет сидеть здесь, в своем доме, и смотреть, как начинается рассвет. Алое солнце поднимается над крышами высотных домов, ползет по небу все выше и выше...

Мэтокс заснул. Во сне он увидел Крину — ту, которой она была до встречи с Вайорелем, а не ту, которую знал и любил. Девочка не узнала его. Стояла и смотрела, запрокинув голову, терпеливо ожидая, что скажет незнакомец. Была метель. По улицам Бухареста метался колючий снег. Шлюхи, кутаясь в лохмотья, бродили по городу в поисках клиента. Мэтокс тоже был клиентом. Крина смотрела на него и видела звонкую монету, хлеб для детей, родителей, сестер. И никакой обиды, никакого презрения в молодых, но уже потухших глазах. Да и был ли в них свет? Была ли там жизнь прежде, до встречи с абсолютной пустотой Вайореля?

Мэтокс достал кошель с деньгами и протянул девочке. Он не знал их цену, просто хотел отдать и уйти. Девочка улыбнулась, расшнуровала кошель, но внутри вместо денег были серые камни. Она высыпала их на ладонь, подняла голову и уставилась на Мэтокса, требуя пояснений, ответа. Но ответа не было. Мэтокс чувствовал, как в груди зарождается пустота, поднимается к голове и льется сквозь глаза, поглощая мир. Темная, густая, она похожа на ожившие тени. Голодная пустота, жаждущая получить жизнь, добраться до жизни, сожрать жизнь, а затем сожрать себя. Мэтокс видел, как тени преследуют людей. Крики и плач. Черная жижа растекалась по заснеженным улицам промерзшего города. Никто не спасется. Но голод теней невозможно утолить, и они принимают за здания. Сначала пожирают дерево, затем камень, добираются до мощеных дорог. Город тает, растворяется в царстве пустоты. А голод

теней становится сильнее. Теперь они добираются до звуков, запахов. Жизнь превращается в мертвый штиль. Ничего нет, кроме теней. Но тени по-прежнему голодны. Они начинают пожирать друг друга. Затем оставшаяся тень пожирает сама себя. Выворачивается наизнанку и глотает, глотает, глотает, становясь меньше, плотнее, пока не превращается в абсолютное ничто, в абсолютную пустоту...

Мэтокс вздрогнул и открыл глаза. За окнами начинался вечер. Тело затекло, потому что он спал в неудобном кресле. Подняться. Выкурить сигарету. Выпить чашку кофе. Выйти на улицу. Когда-нибудь пустота поглотит этот город, как во сне тени поглотили родной город Крины. Мэтокс поднял голову к небу. Закат был невзрачным, словно солнце забыло вспыхнуть напоследок, залиться стыдливой краской своего бегства.

Теперь купить газету, идти в бар, где работал прежде, в другой жизни. Пианино сукулится на крохотной сцене. Черно-белые клавиши ждут пальцев музыканта. Пальцы ждут мыслей. Мысли — вдохновения. Но вдохновение мертво. Мелодия льется пустотой. Никаких чувств. Мэтокс закуривает. Пепел падает на клавиши. Дым попадает в глаза. Зажмуриться. Темнота. Есть лишь мертвая музыка. Штиль.

Кто-то трогает Мэтокса за плечо. Бармен улыбается, говорит, что Мэтокс хорошо играл.

— Это твоя новая песня?

Мэтокс кивает, выходит на улицу. Ночь окружает его. Живые тени прячутся в темных углах, крадутся вдоль неестественно изогнувшихся улиц. Мэтокс слышит их шепот. Они созданы Вайорелем. Мэтокс не боится их, наоборот, они напоминают ему Крину и сон, где тени, сожрав мир, сжимаются до абсолютной плотности, а затем вспыхивают миллионами звуков, цветов, запахов, жизней. Мир умирает, и мир рождается вновь.

Мэтокс улыбается. Тени прячутся в его квартире, пока не наступит рассвет. Солнце убивает эти порождения тьмы. Но солнце не вечно. Когда оно заходит, когда ночь укрывает город, дети Вайореля возвращаются. Неужели вендари оберегает его? Или же пытается держать под контролем? А может, это древнее существо само не знает, что случится завтра, как выбраться из петли, в которую он сам забрался?

Мэтоксу снова снится старый Бухарест и молодая Крина. Десятки повторяющихся снов за одну ночь. Как слова в газетах, которые он читает, не особенно понимая смысл. Лишь однажды глаза цепляются за одно из заглавий. С дешевой газетной бумаги на Мэтокса смотрит растерянный Гирт Делавер. На заднем плане фотографии видна дорога и лужа черной жижи, оставшаяся от Надин Торн. В левом верхнем углу на фотографии еще одна крошечная фотография топора, которым подозреваемый разрубил Надин. Мэтокс пробегает глазами текст. Люди думают, что Делавер воспользовался химикатами, чтобы избавиться от

тела. Люди ничего не знают. А на следующий день в газетах появляется статья о том, что Гирт Делавер убил себя теми же химикатами, которые использовал, чтобы избавиться от тела Надин. На фотографии комната для допросов и еще одна лужа черной жижи.

Мэтокс закуривает, закрывает газету. Он все еще ждет. Как ждут тени в углах его квартиры. Их шепот на десятках мертвых языков то затихает, то становится громче. Мэтокс не понимает, о чем они говорят. Иногда его удивляет, как он еще понимает родной язык. Особенно в газетах. Мэтокс покупает все, что попадаются ему на глаза. Газеты лежат повсюду. Вся квартира завалена газетами. Тысячи статей. Миллионы слов. Цветные и черно-белые фотографии. Заголовки, сноски, номера страниц... Где-то среди этой макулатуры лежит газета с короткой статьей о ночном наезде на женщину. Статья рассказывает о черном «мустанге» прошлого века и чудовищных метаморфозах, которые произошли с изувеченной женщиной. Свидетеля зовут Хэнк Дэрил. Он ветеран войны. И газета уверяет, что Дэрил видел не женщину, а настоящего монстра. Газета, которая рассказывает о пришельцах, лепреконах и гремликах, поселившихся в конденсаторах местной подстанции, в результате чего пригород остался без света. На фотографии под статьей старик с собакой. На заднем плане многоэтажный дом, где он живет. Мэтокс знает этот дом, знает адрес, который можно увидеть на табличке дома. Он читает статью и откладывает газету, берется за новую. Он все еще не особо понимает, о чем читает. Понимание приходит позднее. Но газету уже не найти. Их слишком много в этой квартире. Можно лишь закрыть глаза и попытаться отыскать нужные подробности в своей голове.

Теперь одеться. На улице поздний вечер. Такси новое и пахнет пластиком. Лифт в доме, где живет старик, не работает. Мэтокс не знает номер квартиры, но соседи уже подняли шум, во дворе стоит неотложка и пара патрульных машин. Выкурить сигарету, подняться по лестнице на последний этаж. Дверь в квартиру старика открыта, и там все еще прячутся тени Вайореля. Мэтокс чувствует их. После смерти Надин у Гэврила не осталось слуг, чтобы скрыть улики. Поэтому Вайорель послал Вимала закончить начатое Надин — уничтожить следы, свидетелей. Мэтокс пытается отыскать в толпе Вимала, но безумный слуга уже ушел, скрылся.

Люди толкаются, пытаясь заглянуть в комнату старика, но Мэтокс потерял интерес к этому зрелищу. Он знает, куда делся ветеран войны — стал лужей на полу, вязкой, не поддающейся анализу жижей, которую сейчас лакает его собака. В такую же жижу превратилась и Крина. Мэтокс знал это, видел, словно воспоминания Вимала, который был здесь, оставили свой след, и он, Мэтокс, все еще может читать их, изучать, всматриваться в эти обрывки смерти...

Мэтокс не двигался. Просто стоял и смотрел вокруг. Реальность и прошлое смешивались, сплетались. Но чувств не было. Пустота. Когда Мэтокса арестовал детектив Джейсон Оливер и отвез в участок, он так ничего и не почувствовал, не перестал вспоминать. Комната для допросов была закрыта, и его отвели в кабинет местного психолога. Мысли людей были доступны, словно газеты, которыми была завалена квартира Мэтокса, нужно было только пожелать — и любая статья найдется, но Мэтокс не хотел искать, не хотел ничего. Он просто сидел и ждал, что будет дальше. Ждал, пока в кабинет не вошла Клео Вудворт и не начала спрашивать его о тенях. «Она знает. Откуда она знает?» — Мэтокс заглянул в ее странные, хаотичные мысли. Еще один свидетель, за которым придет Вимал, чтобы скрыть следы вендари. Еще одна жертва, которой нравится быть жертвой. Мэтокс видит воспоминания Клео Вудворт. Видит ее отчима, ее желания. Почему, глядя на нее, он вспоминает Крину? Разве эти женщины похожи? В голову вгрызаются подробности недавней поездки Клео в резервацию. Мэтокс нервничает, вспоминая мать.

— Кто ты такой, черт возьми? — спрашивает Клео. Мэтокс называет свое имя. — Я спрашиваю не имя, — шипит она.

Мэтокс молчит. Чтобы рассказать свою историю, ему не нужны слова. Его мысли льются, подобно цветным картинам кинематографа прошлого века, в сознание Клео. Может быть, Крина была права, и он действительно особенный, не такой как все? Мэтокс пытается найти ответ на этот вопрос в воспоминаниях Вайореля, которые открылись ему недавней ночью в доме вендари. Почему, не став слугой, он может делать спустя год употребления крови вендари то, на что у других уходит столетия? Как долго будет расти его сила? И что станет итогом? Он превратится в такого же безумца, как Вимал и его свора, или сожжет себя, как это сделала Тсера? Или это просто очередная аномалия? Очередной виток эволюции человечества? Как вирусы, которые оберегают людей от вендари и их ненасытных слуг. Оспа, бубонная чума, сифилис, ВИЧ, двадцать четвертая хромосома... Сколько вендари пострадало от зараженной крови? Сколько молодых слуг умерло, вкусив этот запретный плод? Природа словно сама придумывала защиту, которая с каждым разом становилось все сильнее и сильнее.

Последний вирус, запирающий людей в резервации, уже не убивает, лишь поражает треть своих жертв. Другие две трети живут, не замечая эту заразу в своей крови, ставшей непригодной для рассеявшихся по миру вендари, которые когда-нибудь все превратятся в безумных, ненасытных псов, как тот, которого когда-то давно в Румынии убил Вайорель. Но и сам Вайорель не застрахован от подобного безумия. Этот мудрый и грациозный Вайорель, который тешит свое сознание мыслями о своей

человечности. Но он не человек. В нем только тьма, пустота. Мэтокс видел это, чувствовал. Но кто, черт возьми, он сам, Мэтокс? Продолжать ли ему искать свои корни в прошлом, или же истоки его бытия прямо здесь, в настоящем? И есть ли еще такие, как он? А такие, как Вайорель — как Вайорель среди вендари? Может быть, они оба ошибки своего рода? Или же его новые, улучшенные образцы? Но если так, значит, Крина выбрала его не случайно. Выбрала их: сначала девочкой, выбрала Вайореля, затем старухой с молодым телом выбрала Мэтокса. Крина, которой уже нет. Тело ее сожрали тени и огонь. Мэтокс видел, как дом, где они встречались, сгорел, превратился в прах. Пожарные сказали, что не нашли тел. Но огонь не мог быть настолько прожорлив. Вимал привел в дом пару голодных теней, а уже потом устроил пожар. Мэтокс представил, как некогда прекрасное тело его возлюбленной превращается в лужу жижи. Мысли об этом принесли боль и новый холод застывшей где-то в груди жажды мести, сравнимой разве что с голодом вендари...

— Пожалуйста, хватит! — взмолилась Клео Вудворт, сжимая руками голову. Мысли Мэтокса пугали ее, позволяя видеть историю Крины: Румыния, вендари, слуги, кровь, боль, страдания, слезы...

— Разве тебе не нравится? — спросил Мэтокс. Клео спешно тряхнула головой. — Но ты же хотела знать, откуда приходят тени, хотела получить ответы...

— Мне больно, — у нее из носа вытекла тонкая струйка крови. Той самой крови, которая текла у нее по спине, когда отчим в детстве брался за ремень.

— Я думал, тебе нравится боль, — сказал Мэтокс, читая ее воспоминания.

— Не такая... — Клео прижала к лицу носовой платок, заглянула Мэтоксу в глаза.

Он ждал, когда она успокоится. Ждал, когда Вайорель подаст ему знак, что месть подана охлажденным блюдом к столу. Ждал самого себя, своих мыслей, умчавшихся куда-то вперед, строя планы, как он расправится с убийцами Крины, с монстрами, которых боится собственный хозяин.

— О чем ты думаешь сейчас? — спросила Клео Вудворт.

— О твоём отчине.

— О моем... — она вздрогнула, напряглась. — Причем тут мой отчим? Я не видела его уже очень давно.

— Но продолжаешь вспоминать.

— Нет.

— Я вижу, как ты это делаешь. Одна. В кровати. Ласкаешь себя и представляешь тот старый кожаный ремень, которым он порол тебя.

— Это неправда.

— Правда, в которой ты боишься признаться, — Мэтокс позволил себе едва заметную улыбку. — Я вижу это в твоих мыслях. Ты помнишь все детали, звуки, запахи. Ты помнишь, какой была пряжка ремня: черная, с грубыми металлическими вставками по краям. И я вижу, как далеко могут зайти твои мечты.

— Пожалуйста, хватит.

— И себе ты так говоришь каждый раз, когда желание удовлетворено. Боишься своих фантазий, бежишь от них. Лечишь людей, понимаешь их, но не можешь понять и вылечить себя.

— Это не вылечить. Все уже в прошлом.

— А если я скажу, что мы можем вернуться в твоё прошлое?

— Что?

— Вернуться в момент, который засел глубоко в твоей памяти, оставил на твоём сознании такие же шрамы, как на твоей спине? — взгляд Мэтокса стал колким, обжигающе горячим.

Клео увидела, как задрожали предметы в кабинете. Стены утратили плотность. Ночь за окнами уступила место жаркому дню. Жалюзи исчезли. Теперь их место заняли домашние шторы, что висели в комнате Клео, когда она была подростком. Привычный запах сигарет сменился забытым запахом дома. Солнечный свет из окна просочился сквозь стекла в кабинет. Вернее, не кабинет. Теперь это была её комната. Её кровать. Её стулья. Её стол. И Мэтокс, этот странный незнакомец, перестал быть тем, кого она видела минуту назад. Его черты растворились в пространстве, задрожали неясной дымкой, как задрожали все воспоминания, в реальность которых она перестала верить. Сколько ей лет? Кто она? Все ещё психотерапевт, приближающийся к тридцатилетнему возрасту, или снова подросток? Мысли спутались, вспыхнули страхом и волнением.

Мэтокс поднялся со стула. Отчим Клео поднялся со стула. Звякнула пряжка ремня. Пара сальных фраз, пара проступков, за которые следует наказание. Клео вздрогнула. Отчим неспешно снял старый черный ремень с грубыми металлическими вставками по краям.

— Мы можем помочь друг другу, — сказал Мэтокс, но Клео видела в нём своего отчима. — Я помогу тебе, а ты поможешь мне.

— Как помочь? — спросила Клео, сделала ещё один шаг назад, уперлась в стол. Подставка для карандашей упала, покатилась по столу. Карандаши посыпались на пол.

— Я утолю твою жажду там, — Мэтокс указал ей на живот. — А ты утолишь мою жажду здесь, — он прижал указательный палец к левой части своей груди.

— И какова твоя жажда? — спросила Клео, невольно опуская глаза к ремню и расстегнутой ширинке отчима.

— Месть. Немного мести. Но чуть позже. Не здесь.

— И ты думаешь, что я смогу помочь тебе?

— Я думаю, что ты обязана помочь мне, — Мэтокс занес руку с ремнем, замер. Клео смотрела на ремень и не могла подавить дрожь. — Сними кофту, — сказал Мэтокс. Она подчинилась. — Теперь повернись ко мне спиной.

Клео уперлась руками в стол. Реальность и вымысел вздрогнули. Ремень рассек воздух, опустился на спину, оставляя красный след.

— И это все? — спросила Клео так же, как спрашивала в детстве.

— Это только начало, — сказал Мэтокс так, как говорил давно отчим.

Ремень снова рассек воздух. Боль обожгла тело. Клео вздрогнула, закусил губу, сдерживая стон. Еще один удар. И еще...

— Ах...

Что-то яркое и искрящееся вспыхнуло перед глазами. Клео сжала ноги. Еще один удар. Еще один стон. Рука невольно потянулась вниз, чтобы приласкать себя, но Клео сдержалась. Ремень снова опустился на спину. Кожа лопнула. Вдоль позвоночника скатилась алая струйка крови. Рана вспыхнула огнем, который проник под кожу, в мягкую плоть, в путающиеся мысли.

— Еще, — попросила Клео. Свист ремня. — Еще и сильнее, — удар. — Пожалуйста, сильнее, — реальность снова задрожала перед глазами. Клео замерла, борясь с возбуждением.

— Скажи это, — поторопил Мэтокс. — Скажи, чего ты хочешь? Скажи, чего тебе не хватает?

— Я не могу.

— Не бойся.

— Нет... — Клео заплакала, попыталась сжать сильнее ноги, но этого было уже мало. — Возьми меня, — прошептала она одними губами.

— Не слышу, — сказал за спиной отчим.

— Пожалуйста, возьми меня как женщину, — бледные щеки Клео залил пунцовый румянец.

— Дрянная девчонка! — прохрипел отчим.

Ремень снова опустился на ее спину.

— Возьми меня, — удар ремня. — Возьми меня, — удар. — Возьми! — Клео задрожала, почувствовав на своих бедрах грубые руки.

Реальность преломилась, изменила свой ход. Но это уже было не важно. Мэтокс подошел ближе, подался вперед. Клео ахнула, замерла. Внутри она была горячей, влажной и неприлично просторной. Была здесь, в настоящем, для Мэтокса. Но для Клео все грани стерлись. Клео подросток и Клео женщина слились воедино. Боль и разочарование. Волнение и стыд. Подавленные желания вспыхнули россыпью чувств. Ремень рассек воздух и снова опустился на спину. Клео ахнула. Худые

ноги задрожали. Колени подогнулись. Она схватилась руками за край стола, чтобы не упасть. Видение растаяло, вернув ее в настоящее.

— Твою мать! — Клео закрыла глаза, продолжая вздрагивать. Мэтокс неспешно застегнул ремень. Клео бросила на него короткий, не то злой, не то стыдливый взгляд. — Что это было, черт возьми? — нарочито небрежно спросила она.

— Моя часть договора, — Мэтокс прикурил две сигареты, передал одну Клео. — Теперь твоя очередь выполнить то, что ты должна.

— Только если ты пообещаешь, что мы повторим все это еще раз, — Клео затянулась, выпустила к потолку густую струю синего дыма.

— Повторить все это уже не удастся, — Мэтокс, не моргая, смотрел ей в глаза. — Такое бывает один раз в жизни.

— Жаль, — Клео устало улыбнулась. Стряхнула пепел прямо на пол, словно подчеркивая свое разочарование.

— Но я могу предложить кое-что получше.

— Вот как? И что?

— Узнаешь, когда придет время, — Мэтокс снова улыбнулся. — Сейчас нам нужно покинуть участок. Ты сможешь это устроить?

Он мог заставить ее подчиниться силой мысли, но верил, что этого не потребуется. Она все сделает для него сама, по доброй воле. Ему не придется стирать ее воспоминания. Лишь только один короткий момент. После они отправятся к Вималу и его псам.

Глава пятая

Дарла не знала, жива она или нет. Дарла Вэлбек. Дочь шерифа зате-
рявшегося в пустынях крохотного города. Лежала в чужой кровати и
смотрела в потолок. Сердце почти не билось. Дарла прислушалась. Ти-
шина. На столе у кровати сгоревшие свечи. Окна грязные. Полуденное
солнце едва пробивается в комнату. Пахнет пылью и плесенью, потом
и кровью. Кажется, что кровать насквозь пропиталась этими запахами.
Сколько она уже здесь? День? Неделю? Нет, отец обязательно нашел
бы ее, потому что мать должна была начать волноваться. Обязана. Но
если здесь никого нет, значит прошло слишком мало времени, и ничего
страшного пока не случилось. Дарла поднялась с кровати. Прокушен-
ная шея болела, но раны уже почти затянулись.

Выйти в коридор. Ряд дверей. За одной из них Эмилиан, за другой —
Габриэла. Дарла прислушалась. В какой-то момент ей показалось, что
она слышит их ровное дыхание. Вернее, не дыхание, она слышит их
мысли. Дарла тряхнула головой. Тишина вернулась как-то внезапно. От
тишины заложило уши. Дарла вышла на улицу. Безлюдная, пустынная
дорога тянулась к городу черным, нагретым солнцем полотном. Ночью
Дарла потеряла туфли. Теперь горячая растрескавшаяся земля обжига-
ла ноги. О том, чтобы идти по дороге, не могло быть и речи. Асфальт
обжигал, словно раскаленные угли, словно кипящая смола, которую за-
щитники древней крепости льют со стен на головы штурмующих войск.
Дарла не знала, почему у нее появилась перед глазами именно эта кар-
тина. Она никогда не смотрела подобных фильмов, никогда не читала
об этом. А если где-то когда-то и слышала, то не придавала этому зна-
чения и тут же забывала. Но видение о древней крепости было ярким,
словно она сама участвовала в защите. Стояла у окна в высокой башне
и смотрела вниз. Или же нет? Или же это она сама была одним из штур-
мующих солдат, на головы которых льется кипящая смола? Взбиралась
по лестнице и видела в высокой башне женщину в белом воздушном
платье. Именно к этой женщине были прикованы взгляды всех солдат:

солдат-защитников, солдат-штурмующих. Они сражались и умирали ради этой женщины. Но силы были неравны. Дарла знала это, видела.

Крепость была крохотной, а окружившие его орды уходили за горизонт. Тяжелые, окованные медью ворота задрожали. Послышался треск. В образовавшуюся брешь просунулась рука одного из штурмующих. Меч защитника отрубил ее. Но ворота уже трещали по швам. Воины крепости потянулись защищать брешь. На стенах осталась горстка храбрецов.

Дарла вскарабкалась по осадной лестнице. На ней были легкие кожаные доспехи. У нее было тело мужчины. Она чувствовала в своих руках силу, чувствовала азарт, приносивший тошнотворный металлический запах крови. Вот на нее набросился один из защитников. Вот другой. Она опередила острым смертельным выпадом первого, проткнула ему коротким мечом грудь, увернулась от меча другого. Ее собственный меч застрял в теле первой жертвы. Дарла выпустила его, выхватила из-за пояса острый кинжал, бросилась вперед, чтобы занесенный меч противника не разрубил ее надвое. Они столкнулись, не устояли на ногах и покатались по каменной лестнице во двор, где защитники крепости сдерживали натиск атакующих. Но брешь в воротах росла, увеличивалась. Скоро она станет достаточно большой, и штурмующие войска хлынут во двор крепости, словно вода, разрушив ненавистную ей дамбу. Это случится через пару мгновений. Дарла не сомневалась.

Тупая боль обожгла плечо. Защитник крепости, с которым она боролась, снова занес меч. Дарла вскинула руку. Ее нож пробил сопернику грудную клетку. Занесенный им меч все-таки опустился, но Дарла перехватила его свободной рукой за эфес. Мертвец повалился на нее, прижал к земле. У него изо рта текла кровь. Дарла не двигалась: лежала, притворившись мертвой, и ждала, когда ее братья по оружию наконец-то ворвутся во двор крепости. Одно мгновение, другое...

Брешь в воротах увеличилась. Сталь зазвенела громче. Усилились предсмертные крики. Кровь от возвышения у ворот ручьями текла в центр двора, где находился колодец. Из толпы сражавшихся вылетела отрубленная рука, взметнулась в воздух, подброшенная рассекшим кости и плоть мечом, и упала недалеко от Дарлы. Пальцы отрубленной руки все еще продолжали сжиматься, резко, конвульсивно. Усилились крики. Защитники отступили от ворот. Сражение переместилось ближе к центру, к колодцу, вода которого давно уже стала непригодной для питья из-за стекающей в колодец крови.

Дарла сбросила с себя мертвеца, подобрала его меч, вскочила на ноги. Нет, она не боялась умереть, лишь только хотела максимально эффективно использовать свою жизнь. Башня и женщина в воздушном белом платье — вот что вело сюда всех штурмующих. У входа в башню вы-

строилась охрана: старые мужчины и женщины. Дарла ухмыльнулась, понимая, что охрана защитников крепости на исходе. Скоро все закончится. Она набрала полные легкие воздуха и закричала, устремляясь на свой последний штурм. Старики и женщины были слабыми противниками. Дарла рубила и несла смерть. Чей-то клинок вспорол ей левый бок, но она не заметила этого. Лишь отшвырнула нападавшего ударом ноги. Мальчик лет девяти отлетел к стене, ударился головой о камни. Из расколотого черепа потекла кровь, обнажилась часть мозга. За спиной Дарлы слышались возбужденные крики. Знакомый боевой клич заставил стены содрогнуться. Сопротивление пало. Осталась лишь башня.

Дарла навалилась на закрытые двери. Один удар плечом. Другой. Кто-то оттолкнул ее в сторону. Таранный столб, поднятый десятком крепких рук, ударил в дверь, расщепил дерево. Задвижка с другой стороны устояла. Но за первым ударом последовал еще один и еще. Дарла увидела брешь и ринулась вперед, разламывая растрескавшуюся дверь голыми руками. Дети с крохотными кинжалами столпились у лестницы. Дарла расшвыряла их в стороны, не заметив сопротивления. Женщина в белом платье стояла у окна и смотрела вниз, на поле сражения. Кровавое поле. Дарла вскинула меч. Скоро все закончится. Скоро последняя женщина древнего рода умрет. Не человек. Нет. И уже не хозяин. Все ее рабы мертвы. Она, Дарла, сама выпустила кишки как минимум десятку из них. Осталась их госпожа. Дарла издала боевой клич и бросилась вперед.

Женщина в белом платье была на вид хрупкой и такой же воздушной, как ее одежды, но хватка у нее была железной. Дарла поняла это, когда пальцы женщины сжали ей горло, бросили через весь зал к дальней стене. От удара у Дарлы хрустнули кости. Позвоночник вспыхнул огнем, и внезапно все тело стало ватым и чужим. Дарла могла только смотреть и слушать, как по лестнице поднимаются другие воины, чтобы закончить то, что не удалось ей. Но женщина вендари была слишком сильна, слишком быстра для них. Ее белое платье покрылось кровью. Чужой кровью. Ей не требовалось оружие, чтобы убивать. Она отрывала конечности, разбивала головы, вырывала из груди сердца и внутренности, сбрасывала нападавших с башни. Кровь покрывала пол, стекала по стенам, хлюпала под босыми ступнями, била фонтанами из разорванных артерий. Десятки, сотни, тысячи воинов пали здесь. А на лице женщины вендари не было и следа усталости. Не ослабило ее и солнце, которое, устав следить за этим действием, зашло за горизонт.

Появились тени. В сумерках они наполнили двор. Воины разожгли костры. Тени шипели, тени боялись света. То тут, то там слышались предсмертные крики зазевавшихся воинов, которые отошли слишком далеко от костров. Голодные тени пожирали их заживо, но это была незначительная потеря. Десятки тысяч других воинов ждали своей очереди, ког-

да можно будет подняться на башню и сразиться с бессмертной тварью, которая должна умереть. Сразиться с последней женщиной вендари.

Ее имя было Наама. Имя, которое знал каждый воин. Имя, которое им сообщили их хозяева — мужчины вендари, бессмертные, решившие разделить землю на пастбища для пищи, уничтожив своих женщин, способных родить новых бессмертных детей, для которых не хватит на этой планете пищи, потому что с каждым новым поколением они становятся все более и более прожорливыми. Война внутри древнего вида длилась несколько веков, но легенды, передававшиеся из уст в уста, еще рассказывали о чудовищных кровавых пиршествах, которые устраивали для своего потомства женщины вендари. Кровь людей лилась рекой. Сотни, тысячи слуг женщин вендари свозили на телегах в крепостные стены несчастных. Никто не берег своих пастбищ. Наоборот. Их выкашивали под корень. Сначала на пиршества пригоняли молодых девушек и подростков. Затем детей. Под конец в ход шли старики.

Люди, которые жили на пастбищах, поклонялись своим хозяевам. Но если большинство мужчин вендари ограничивались регулярными жертвоприношениями и поисками отступников и непокорных, то женщины вендари ради своих ненасытных детей готовы были перешагнуть любые грани. Но у голода вендари нет границ. Поэтому крови требовалось все больше и больше. Больше жертв. Больше слуг. Накормить свое потомство, накормить себя, накормить своих слуг. Земля кажется им бесконечным пастбищем. Их пастбищем. Они строят свои замки вдаль друг от друга, но владения растут слишком быстро. И это избалованное потомство! Оно подрастало и начинало новую охоту. Без правил, без ограничений. Иногда они вырезали целые поселения, ведомые исключительно забавой. С рождения они не знали о том, что такое голод. С рождения их не научили бороться с ним. И ничего уже нельзя исправить словами.

Легенды утратили имя первого вендари, уничтожившего безумный выводок сородичей, забредший на его земли. Но война началась. Долгая, кровавая. Матери, которые давно изгнали отцов своего потомства из крепостей в другие земли, вступились за своих детей с безумием разъяренных хищников. Их просили отступить, умоляли, угрожали. Этим наследник вечности. Они всегда были слишком сильны, слишком своенравны. Если бы их гордость позволила им объединиться, то мужчины вендари никогда бы не одержали победу. Но они всегда ненавидели друг друга, ненавидели своих соперниц. Они верили в свои силы и в своих слуг, которых становилось все больше и больше. Но объединенные армии мужчин вендари сметали их замки с земли один за другим. Долгие годы длилась эта война, пока в живых не остался последний оплот минувших темных времен — замок Наамы.

Лежа на смотровой площадке самой высокой башни со сломанным позвоночником, но все еще не желая умирать, Дарла видела, как эта женщина вендари продолжает убивать ее братьев по оружию. Вернее, не Дарла, а тот воин, глазами которого она видела происходящее, жизнь которого проживала. Но вот поток воинов начал редеть. Нет, отвага не оставила их, и не поредел строй добровольцев. Незадолго до рассвета в захваченную крепость пришли их предводители. Мужчины вендари. Бессмертные. Палачи. Их объединенные армии расступаются, почти-тельно склоняют головы. В те времена вендари еще не прячутся, не скрывают тайну своего бытия от своей пищи. Они горды. Они разумны. Стучат каблуки по каменным ступеням. Наама вырывает сердце последнего воина. Она знает, что не одна. Знает, что смерть уже поднимается по винтовой лестнице. Но она хочет забрать с собой как можно больше противников. Разъяренная мать, утратившая свое потомство. Метаморфозы изменяют ее тело. Появляются клыки и когти.

Смотровая площадка просторна, и десятки мужчин вендари заполняют ее, окружают женщину в окровавленном платье, которая уже совершенно не похожа на женщину. Она рычит, она ревет и воет. И она не собирается ждать, когда на нее нападут. Тени, которые она создала, уже поднимаются по башне к смотровой площадке. Их сдерживают тени мужчин вендари. Тени палачей. От ярких, искрящихся метаморфоз слезятся глаза. За пеленой слез Дарла почти не видит битвы. Собравшиеся в крепости войска следят за происходящим, запрокинув головы. Тени рвут в клочья тени. Вендари рвут в клочья вендари. И потом все смешивается, спутывается в клубок. Битва продолжается до рассвета.

Алые лучи прорезают молочно-белое небо. Дарла видит это, чувствуя, как вместе с победой своего господина жизнь, которая продолжала держаться в ней, уходит, утекает, как вода сквозь пальцы. Ее хозяин, Гэврил, склоняется над телом Наамы, которое начинают пожирать голодные тени. Гэврил что-то говорит поверженному противнику, но Дарла не слышит этого. Воин, жизнь которого она проживает, не слышит. Все уходит, тает в лучах яркого солнца. Оно слепит глаза. Дарла чувствует жар, пот, тошноту. Где-то впереди ее дом. Дом из настоящего. Дом ее матери. Но где-то далеко, за спиной, ей кажется, что все еще можно слышать гул голосов победителей, звон стали, чувствовать запах крови, встречать рассвет...

Дарла открыла дверь, радуясь, что матери нет дома, разделась, встала под холодный душ. Голод. Он появился не сразу. Как только холодная вода остудила тело, как только Дарла вытерлась и переделась, убеждая себя, что безумная ночь осталась в прошлом, как только она приняла решение ничего не говорить отцу о случившемся, хотя желание проучить Эмилиана было, как только она убедила себя, что все это было каким-

то идиотским розыгрышем и попыталась рассмеяться — вот тогда-то и появился голод. Дикий, животный голод, способный свести с ума.

Дарла прошла на кухню. В холодильнике был холодный завтрак и обед. Дарла налила стакан молока, сделала глоток. Голод усилился. Разогреть бекон, разогреть картофельный суп. Никогда прежде Дарла не ела так быстро. Что еще осталось в холодильнике? Пара апельсинов. Кусок сырого мяса, куриные яйца. Дарла съела все, что смогла найти, но голод не утих, наоборот, стал более острым. Дарла легла на диван, включила телевизор. Живот болел, мысли путались. Дарла закрыла глаза. Может быть, удастся заснуть?

Воспоминания минувшей ночи ожили: детали, фрагменты, галлюцинации... Зачем Эмилиан изображал из себя вампира? Мальчик из большого города посмотрелся фильмов или начитался книг? Дарла вспомнила его изменившееся лицо. Как он, черт возьми, смог сделать это? Может быть, наркотики? Может, он что-то подсыпал ей? Да, скорее всего, подсыпал. Она вспомнила его укус. Кровь хлынула, как из-под крана. Ей казалось, что он разорвал ей шею. Но ведь ран не осталось, лишь несколько царапин. Значит, воображение, наркотики. Сквозь какую-то странную пелену, Дарла вспомнила, как Эмилиан прокусил себе руку и напоил ее своей теплой, настоящей кровью. Желудок сжался.

Дарла с трудом успела добежать до туалета. Ее вырвало. Еще раз и еще. Пережеванные куски поглощенной недавно пищи плавали в унитазе. Дарла выругалась. Снова вспомнила вкус крови Эмилиана. Пустой желудок сжался. Голод заставил вспоминать, как теплая кровь Эмилиана заполнила рот. Проглотить. Проглотить. Проглотить. Дарла снова выругалась. Голод стал направленным, концентрированным. Голод и жажда. Словно она все еще шла по загородной дороге к своему дому. А может быть, это все из-за наркотиков? Дарла проскользнула в комнату матери. Кровать, на которой еще вчера днем лежал ее отец, а вечером предполагаемый отчим, была не заправлена. Дарла постаралась не думать об этом. Седативные таблетки лежали в верхнем ящике стола. Дарла приняла сразу несколько. Закрывшись в своей комнате, она легла в кровать, укрылась с головой одеялом.

Темнота. Воспоминания рисуют минувшую ночь. Эмилиан. Теплая кровь. Запах пыли. Звездное небо. Живые тени. Дарла не знала, спит она или нет, но ей почему-то захотелось, чтобы видения эти продолжались. Прижаться губами к запястью Эмилиана и пить, пить, пить...

Дарла вскрикнула, вскочила с кровати. За окном сгушался вечер. Сколько она спала? Мать позвала ее по имени, спросила, все ли в порядке?

— Да, — машинально сказала Дарла.

Одежда была мокрой от пота. На губах, которые она кусала во сне, запеклась кровь. Дарла переоделась, вышла на кухню. Мать и потенциальный отчим сидели за столом. Дарла налила себе стакан воды. Нет,

так жажду не утолить. Она вышла на улицу, отказавшись от ужина. Выкурить сигарету, убедить себя, что скоро все закончится, и наркотики, которые дал ей Эмилиан, выйдут из крови. Абстиненции не будет. Дарла села на землю, прижалась спиной к стене дома, обхватила руками колени. Скоро все закончится. Скоро... Дарла снова вспомнила вкус крови Эмилиана. Этой теплой, сладкой крови. Выбросив недокуренную сигарету, она поднялась на ноги.

— Куда ты? — крикнула мать.

Дарла не ответила. Черное полотно уходило вдаль, тянулось к заброшенному дому, где жил Эмилиан. Дарла заставила себя развернуться, пойти в другую сторону. До дома Свона Анистона, с которым она встречалась, было не больше десяти минут пути. Дарла потратила на это почти час, все время оборачиваясь и вспоминая заброшенный дом, огарки свечей, пыль...

Свон открыл дверь, наклонился к Дарле для поцелуя. Она отпрянула назад. Свон рассмеялся, схватил ее за плечи, прижался своими губами к ее губам. От него пахло мятной жвачкой и сигаретами, резким мужским одеколоном и машинным маслом. В гараже стояла старая бензиновая развалюха. Свон хвастался и говорил, что скоро уедет на этой машине в большой город.

— Поедешь со мной? — он снова почти силой попытался поцеловать Дарлу. Она представила, что вместо Свона ее целует Эмилиан. Не знала почему, но так поцелуй стал менее неприятен. Поцелуй, который еще день назад волновал и заставлял улыбаться. — Что с тобой? — спросил Свон. — Ты как не живая, — он отошел назад, окинул ее внимательным взглядом. — Плохо спала?

— Не то слово.

— Выглядишь лет на тридцать, — Свон забрался в свою развалюху и попытался завести мотор. Под капотом что-то грохнуло, из глушителя вырвалось облако черного дыма. — Сейчас заведется! — закричал Свон. Двигатель снова кашлянул, загудел недовольно, устало, надрывно. — Я же говорил, — заорал из машины Свон, но Дарла не услышала его. От выхлопа щипало нос и слезились глаза.

Она вышла из гаража. Голова кружилась, усилилась тошнота. Уйти прочь. Куда угодно, лишь бы подальше отсюда. Дарла вышла на дорогу. Где-то за спиной хлопнули открытые Своном ворота. Старая машина нехотя выползла из своего дома. Дарла слышала, как кашляет двигатель, но упорно не оборачивалась, просто шла по дороге вперед. Свон догнал ее, остановился рядом.

— Покатаемся? — предложил он. Дарла притворно рассмеялась, затем окинула машину и водителя снисходительным взглядом.

— Ты серьезно?

— Почему бы и нет? — Свон улыбнулся. Зубы у него были белые, крупные. Совсем не такие, как у ее отца.

— А почему бы и нет? — Дарла пожала плечами.

В салоне было пыльно. Запах масла и бензина смешивался с запахом висевшего на зеркале заднего вида автомобильного освежителя воздуха.

— Надеюсь, твой отец не арестует нас, если увидит? — спросил Свон. Дарла пожала плечами.

— Все зависит от того, в каком он настроении.

Она вспомнила вчерашний день. Вспомнила отца и мать. Теперь ей показалось, что о связи отца и матери сказал не Эмилиан, а она сама увидела это, прочитав их мысли. Все было таким четким и ясным, что Дарлу снова затошнило. Голод и жажда не ушли, но она успела привыкнуть к ним.

Свон закурил. Они выехали за город, свернули с дороги к каньонам. Свон остановился на краю пропасти. Загудела складная крыша. На небе неспешно загорались редкие низкие звезды. На заднем сиденье лежала упаковка пива, но Дарла отказалась, испугавшись, что ее снова начнет тошнить. Лишь закурила сигарету.

— Как знаешь, — Свон открыл банку, обнял Дарлу за плечи и начал строить планы о том, как они когда-нибудь уедут из этого города далеко-далеко.

— Никуда мы не уедем, — сказала Дарла, но злости или разочарования в голосе не было. — Уж точно не на этой машине.

— А чем плоха эта машина? — Свон нахмурился, но тут же рассмехался.

Дарла попыталась рассмеяться вместе с ним. По крайней мере притвориться, что рассмеялась. Они перебрались на заднее сиденье и занялись любовью. Свон ласкал ее грудь и говорил, что Дарла растет, как на дрожжах.

— Хватит трепаться! — шипела на него Дарла.

Она притворялась, что возбуждена, притворялась, что обо всем забыла. Запрокинув голову, она могла видеть разгорающиеся на небе звезды. В какой-то момент эти звезды стали важнее Свона и страсти. Важнее этой старой машины. Важнее всего, что было сейчас. Вселенская пустота, безбрежная бесконечность. Дарла перестала что-либо чувствовать. Не хотела чувствовать. Реальность была громоздкой и неуклюжей. И еще этот голод, который не утолить. Дарла прокусила себе губу. Кровь заполнила рот. Она закрыла глаза, пытаясь представить, что пьет кровь Эмилиана. Картинки вспыхнули и погасли. Отчаяние, опустошенность. Дарла снова уставилась в черное холодное небо...

Ближе к утру она вернулась домой. Мать и отчим спали, но Дарле показалось, что она слышит их голоса. Или мысли? Она заставила себя

рассмеяться, разделась, забралась под одеяло. Голоса стихли. Но не голод. Дарла зажмурилась, надеясь, что на следующий день все это закончится. Ей приснился старый дом и Эмилиан. Запястья на его руках были разорваны клыками. Кровь стекала по пальцам, капала на землю. Дарла шла к нему, но чем быстрее был ее шаг, тем дальше становился Эмилиан. Тогда Дарла попробовала звать его. Пространство стало густым, поглотило ее слова. Но пространство пахло кровью Эмилиана. Дарла зарычала. Голос был диким, животным. Голос ее голода, ее жажды. Дарла проснулась. За окнами было раннее утро, но ей больше так и не удалось заснуть. От завтрака она отказалась.

— Ты должна поесть! — сказала мать, заходя в ее комнату.

Дарла встретилась с ней взглядом, замерла. Мать выглядела взволнованной, озадаченной.

— Что случилось? — растерянно спросила Дарла.

— Твои волосы, — мать указала ей на седую прядь. Дарла похолодела. Мать что-то говорила, о чем-то спрашивала, но Дарла не слушала.

— Уходи, — тихо сказала она матери. Мать осталась, продолжая что-то щебетать. — Я сказала, уходи! — закричала Дарла. — Оставь меня одну! — она устремила к матери гневный взгляд.

— Что у вас случилось? — спросил потенциальный отчим, заглядывая в открытую дверь.

— Ничего страшного, — спешно сказала мать Дарлы. Притворно улыбаясь, она позвала его завтракать. Дверь закрылась.

Дарла встала с кровати, подошла к зеркалу. Седая прядь была подобно бельму на глазу. Но постарели не только волосы. Россыпь морщин усеяла шею, поселилась в уголках глаз. Сердце замерло. Дыхание перехватило. Дарла зажмурилась, снова открыла глаза. Ничего не изменилось. Страх на несколько мгновений стал сильнее голода, который был, казалось, уже целую жизнь. И еще голоса на кухне. Мать и отчим. Дарла слышала, как они говорят о ней. Слова разрозненные. Словно каждый говорит сам с собой. И слов так много. Словно Дарла совершила какой-то очень скверный поступок.

— Может, хватит?! — закричала на них Дарла, проходя на кухню.

Они посмотрели на нее растерянно, удивленно. Рты их были закрыты, набиты едой, но Дарла продолжала слышать их голоса... Нет, не голоса. Она слышала их мысли. Понимание происходящего заставило вздрогнуть, замереть.

— Что это? Наркотики? Алкоголь? — думала ее мать.

— Может быть, она беременна? — думал отчим.

— Да заткнитесь вы! — велела им Дарла, зажала руками уши, но это не помогло. Мыслей стало больше: громких, чужих.

Бежать. Бежать на улицу, в пустыню!

Дарла распахнула дверь. Солнце ослепило глаза, обожгло кожу. Дарла вскрикнула не столько от боли, сколько от испуга. Что с ней? Как такое вообще могло случиться?

Дарла вернулась в дом, в спасительную темноту гостиной.

— Два дня назад мать занималась любовью с отцом! — сказала отчиму Дарла, надеясь, что это поможет хотя бы ненадолго избавиться от расспросов. Чужие мысли стихли. Отчим был в ступоре. Мать бросала на дочь гневные взгляды.

Дарла вернулась в свою комнату, закрыла двери и окна, забралась в шкаф. Мать и отчим ссорились, но ей было плевать. Она засыпала. Темнота и пустота звали ее, манили к себе, напоминая глаза Эмилиана: яркие, желанные. «Во что же я вляпалась на этот раз?» — подумала Дарла.

Она проснулась поздним вечером. Мать вернулась с работы и барабанила в закрытую дверь комнаты дочери, желая выяснить отношения. Дарла выбралась из шкафа. За окнами распускалась ночь. Теперь солнечные лучи не достанут ее, не доберутся до кожи, ставшей вдруг чувствительной к ультрафиолету.

— Не сейчас, — крикнула Дарла матери.

— Не надейся, что я забуду, — пообещала та.

Дарла слышала далекие мысли отчима, показавшие, как мать объясняется с ним, списывая все на трудный возраст дочери, особенно ее обвинения. Ничего не было. Между матерью и ее бывшим мужем. Совсем ничего. Так она сказала. Дарла отмахнулась от чужих мыслей, подошла к зеркалу. Морщин и седых волос стало больше. Дарла улыбнулась: безнадежно, растерянно. Затем вспомнила кровь Эмилиана: сладкую, теплую. Голос вернулся с новой силой. Мысли отчима и матери стали громче. В голове мелькнула безумная идея: «А что если перерезать им глотки и выпить их кровь?» Дарла вздрогнула от того, с каким холодным расчетом подумала об убийстве. Нет. Отчим и мать не подойдут. Не подойдет и Свон. Ей нужен Эмилиан. Нужен этот мальчишка. Или кто он там есть?!

Дарла подошла к окну. Темнота была густой, плотной. Дарла вспомнила живые тени, напугавшие ее минувшей ночью. Сейчас страх ушел. Остался лишь голод. Дарла открыла окно и выбралась на улицу. Будучи ребенком, она часто проделывала нечто подобное: перебиралась через подоконник, сердце билось в груди. Ее пугало собственное неповиновение, пугала ночь. Но сейчас ночь стала другом. Сейчас она сама стала ночью, пустотой.

Дарла вышла на дорогу. Родной город стал чужим, враждебным. Идти прочь, в темноту, к старому дому, где в каждой комнате можно найти десятки огарков свечей, которые сжигают хозяева несмотря на то, что у них есть электричество.

Поднявшись по деревянным ступеням, Дарла постучала в дверь. Она не слышала мыслей Эмилиана, но где-то в доме метались мысли спящей женщины по имени Габриэла, которую Дарла считала матерью Эмилиана. Но теперь она видела в этих чужих мыслях, что это не так. Видела историю этого странного мальчика.

— Что ты сделал со мной? — спросила Дарла, когда Эмилиан открыл дверь. — В кого ты меня превратил? — она ждала ответа, но ответа не было. — Почему ты молчишь? Отвечай! — потребовала Дарла. Она смотрела Эмилиану в глаза и невольно вспоминала вкус его крови.

— Ты постарела, — очень тихо подметил Эмилиан. Его голос принес растерянность. Дарла вздрогнула, кивнула. — Почему ты постарела?

— Я не знаю, — она не сразу поняла, что у нее на глаза навернулись слезы, появился страх, отчаяние.

— Такого не должно быть, — сказал Эмилиан.

— И еще голод... — проскулила Дарла.

— Голод? Голод — это хорошо.

— Ничего хорошего, — Дарла сбивчиво начала рассказывать, что не может думать ни о чем другом, кроме его крови.

— Я же сказал, что это хорошо, — отмахнулся Эмилиан.

— Но...

— Вот, — он как-то небрежно и слишком быстро, чтобы успеть заметить детали и понять происходящее, прокусил себе запястье. — Пей.

Кровь потекла у него по руке. Дарла замерла. Время замерло. Весь мир замер. Сомнения и голод боролись несколько долгих мучительных мгновений. Голод победил.

Дарла прижалась губами к запястью Эмилиана. Его кровь заполнила рот: густая, теплая, сладкая. Все остальное отступило на второй план, в том числе и старость. Дарла задрожала. Немота сковала тело, отступила, снова сковала и снова отступила. Вся кожа вспыхнула, словно в нее вонзились тысячи крошечных игл. Ноги задрожали. Дарла упала на колени, продолжая прижимать к губам запястье Эмилиана. В голове вспыхнул пожар. Дарле показалось, что она видит яркое, искрящееся пламя, в котором парит подобно фениксу Эмилиан. Его мысли открыты и доступны, обнажая сущность молодого, но в то же время невообразимо древнего существа, слугой которого стала Дарла. Все сложно и просто одновременно. Но кровь Эмилиана способна прогнать любые сомнения, утолить голод. И страха нет.

Дарла замерла, прижалась к ноге Эмилиана, словно верный пес. Прижалась, как когда-то давно, в другой жизни, прижималась к груди Свона в моменты их близости и последующей разрядки, удовлетворения. Но то, что было сейчас, было сильнее оргазма, сильнее полной удовлетворенности.

— Ты насытилась? — спросил откуда-то издалека Эмилиан. Дарла кивнула. — Голод еще вернется, — предупредил он.

— Но ты ведь будешь рядом? — спросила она.

— Конечно.

— Мой хозяин.

— Да, — Эмилиан не моргая смотрел в ночь. Девушка у его ног продолжала прижиматься к нему. Хотя нет, не девушка — женщина тридцати лет. Возможно, тридцати пяти.

— Я продолжу стареть? — спросила Дарла, прочитав его мысли.

— Я не знаю.

— Но ты ведь тоже стареешь.

— Мой вид живет намного дольше, чем твой.

— Теперь мы оба живем слишком мало.

— Да, — Эмилиан опустил голову. Седых прядей в волосах Дарлы стало больше, однако морщины разгладились.

— Может быть, если я буду чаще пить твою кровь, то это продлит мне жизнь? — спросила она, увидев себя глазами своего хозяина.

— Может быть.

— А ты? Чью кровь будешь пить теперь ты? Ты ведь не можешь больше пить меня?

— Нет.

— А Габриэла?

— Ее крови слишком мало, — Эмилиан пытался скрыть растерянность.

Его мысли метались, словно напуганные птицы: галдели и не могли успокоиться. Кто он? Что он? Как ему жить, если он, вопреки ожиданиям, совершенно не похож на своего отца Гэврила? Ему надлежало стать бессмертной копией этого древнего существа, а вместо этого он превратился в мотылька, в бабочку, которой суждено прожить лишь пару коротких мгновений.

— Я спутала все твои планы? — спросила Дарла.

— Ты здесь ни при чем. Ты лишь открыла мне действительность.

— Но тебе не нравится эта действительность. Я чувствую это, вижу в твоих мыслях.

— Нет. Не нравится, — Эмилиан представил, как очень скоро станет дряхлым старцем. Вопреки ожиданиям. Вопреки надеждам. И никакой вечности впереди.

— И еще я чувствую твой страх, — сказала Дарла.

Голос ее был далеким. Эмилиан почти не слышал его. Седая, морщинистая старость словно уже сейчас добралась до него. Когда-то давно, месяц назад или чуть больше, Эмилиан видел в воспоминаниях Габриэлы ее старого отца. Он был старше ее матери почти на двадцать лет.

Сидел на стуле в доме престарелых и не помнил своего имени. Голова его трясется, губы дрожат, перебирая сотни имен. Он смотрит на свою дочь, Габриэлу, но так и не может вспомнить, кто она. Для него все кончилось в том доме, пропахшем мочой и детскими присыпками, которые используют для неподвижно лежащих стариков.

— Мне не нравится чувствовать твой страх, — снова услышал Эмилиан далекий голос Дарлы. Она все еще сидела у его ног, подобно верному псу, который прижимается к своему хозяину, господину. — Мы должны отправиться в большой город, — сказала она тихо. Вернее, не сказала, а подумала.

Эмилиан услышал ее мысли, как и в день их первого знакомства. Но скоро эта способность утратится. Он знает это. Знает, потому что видит воспоминания Гэврила. Этого древнего, уставшего вендари, который много тысячелетий назад забрал жизнь у последней женщины своего рода, у последнего монстра — так думал в тот далекий день Гэврил. Но он ошибался. Весь этот вид ошибался. Женщины, которых они считали монстрами, ушли, но их место заняли монстры внутри мужчин-победителей, дремавшие так долго, что все успели забыть о них. Но монстры ждали своего часа, когда жизнь перестанет радовать их хозяев, когда пустота окончательно заполнит сознание. Пустота, которую рождает одиночество и осознание исключительности своего вида. Как устанет когда-нибудь жить вселенная, так сейчас устают вендари.

Эмилиан знал из воспоминаний Гэврила о сотнях, тысячах слуг, уничтоживших себя, получив толику вечности, в которой живут их хозяева. Гэврил видел, как это происходит. Не раз и не два он лишал жизни своих верных спутников, перешагнувших грань отмеренной им жизни, дозволенного им бытия. Безумие и животная злость проникли в их сердца, в тот самый момент, когда они перестали пить кровь своих хозяев, распробовав вкус крови людей. Возможно, в конце пути, вендари тоже начнут убивать друг друга. Их ненависть друг к другу достигла небывалых высот. Скоро эти «горы» закончатся. Все вендари, превратившись в монстров, соберутся на одной вершине и устроят грандиозное сражение, в котором не будет победителей. Они умрут, прекратят свое существование. Хотя нет, не так. Они давно мертвы. Мертвы, начиная с того дня, когда Гэврил убил последнюю самку их вида. Теперь остался лишь голод и борьба за территории, которая заставляет их ненавидеть друг друга все сильнее и сильнее. Борьба, где не может быть победителей.

— Ты мой первый слуга, ты знаешь об этом? — спросил Эмилиан Дарлу. Он поднял ее с колен, заглянул в глаза, за которыми все еще были и преданность, и рассудок. Но скоро и это закончится. — Поклянись, что больше никогда не будешь пить кровь.

— Не буду пить кровь? — Дарла содрогнулась при одной только мысли об этом. Присмиревший голод вернулся с новой силой. — Я не могу, — замотала она головой. Я не хочу.

— Я приказываю тебе.

— Ты приказываешь мне умереть?

— Что?

— Твоя кровь дает мне силы. Без нее я состарюсь и умру за несколько дней.

— Это лучше, чем безумие.

— Я хотела убить свою мать, чтобы напиться! — Дарла опустила голову. — Ты меня сделал такой. Ты теперь в ответе за меня.

— Тогда пообещай, что будешь пить только мою кровь.

— Если только ты пообещаешь, что не будешь бояться.

— Не буду.

— Дай мне это почувствовать, — Дарла снова заглянула ему в мысли. Их связь усилилась, окрепла. Она видела судьбы других слуг. То, на что у тех уходили годы, у нее происходило за часы. То, на что тем требовались века, займет у нее не более месяца.

— Я не знал, что все будет именно так, — признался Эмилиан. — Если честно, то я даже не хотел превращать тебя в слугу.

— Ты всего лишь подчинялся своему голоду.

— Голод сводит нас с ума.

— Лучше быть безумцем, чем мертвецом.

— Я не согласен, — Эмилиан отвернулся. Стыд и страх смешались. — Что нам теперь делать? — спросил хозяин своего слугу.

— Я не знаю.

— Ты уже боишься солнца?

— Немного.

— Скоро оно сможет тебя убить.

Где-то в памяти, оставшейся от Гэврила, от его отца, брата, его копии, он увидел слуг, которые предпочли расстаться с жизнью, избежав безумия.

— Я не убью себя, — сказала Дарла, читая его мысли.

— Ты хочешь превратиться в монстра?

— Ты не позволишь мне превратиться в монстра.

— Я сам через год могу стать монстром! — в голосе Эмилиана послышалось отчаяние, которое он сначала перестал скрывать в своих мыслях, а теперь не заботился уже и о том, чтобы скрыть его в своих словах.

В повисшей тишине было слышно, как где-то далеко едет машина. Дарла тяжело дышала. Она смотрела на женщин вендари в воспоминаниях Эмилиана и думала о том, что они вовсе не были такими монстрами, как о них думали мужчины их вида. В конце концов, они ведь не

убивали свой вид, не истребляли его. Они просто кормили потомство. Как мать человека убивает курицу, чтобы накормить свое дитя. Она разрубает тушку, жарит ее, ставит блюдо на стол. Никто ведь не винит матерей, чьи дети имеют хороший аппетит. Все говорят, что это всего лишь курица, или свинья, или теленок — просто животное.

— Ты не права, — сказал Дарле Эмилиан. — К тому же ваши матери не убивают своих домашних питомцев. Они выбрали неизбежное зло, но не переступают границ. Разве тебя кормили твоей кошкой или собакой? Нет. У вас есть границы. А у женщин нашего вида границ не было.

— Я тоже женщина.

— Но твой вид другой. Твоя человечность у тебя в крови, и тебе не нужно бороться за нее. А у нас в крови только безумие и вечный голод. Чтобы не превратиться в животных, нам нужно постоянно контролировать себя.

— Как в тот момент, когда ты хотел выпить у меня всю кровь?

— Да.

— Но потом ты ведь спас меня. Забыл?

— Спас? — Эмилиан грустно рассмеялся. — Тебе осталось прожить несколько месяцев!

— Или меньше, — Дарла снова заглянула ему в глаза. На лице ее не было страха, скорее какая-то вековая мудрость, которую Эмилиану еще только предстоит постичь. Мудрость, которую ей приносила кровь древнего вида, его воспоминания. — Ты расстроен, потому что не сможешь прожить отведенную тебе вечность? — спросила она. — Расстроен, потому что время вдруг стало для тебя самым страшным противником?

— Не понимаю, как люди живут, зная, что скоро умрут.

— Может быть, поэтому в нас и есть то, к чему вы все стремитесь? В наших жизнях нет места пустоте. Жизнь слишком коротка. Нам ненужно бояться вечности. Мы не можем представить ее себе. А вы, вендари, вы чувствуете себя богами времени и сходите с ума от этого, — на губах Дарлы появилась улыбка. — Хотя, нет. Не вы. Не думаю, что ты принадлежишь к их виду. Ты другой.

— Ты так думаешь?

— Ты лучше их. Я вижу это в твоих мыслях. Тебя вырастила смертная женщина. Ты впитал ее жизнь с первыми каплями выпитой крови.

— Ее опечалит известие, что я не переживу ее.

— Она смирится. Поверь. Женщины всех видов более ранимы, но в итоге в них больше решимости и стойкости к превратностям судьбы, чем у мужчин.

— Может быть, ты и права.

— Я знаю, что права.

Звук приближающейся машины усилился. Дарла прислушалась.

— Считаешь, что я должен продолжить жить, несмотря ни на что? — спросил Эмилиан, прочитав ее мысли, которые, казалось, стали старше на пару веков.

— Ты будешь питаться, — сказала Дарла. — Ты будешь расти и набираться сил. Ничего не изменилось. Ты все еще можешь прожить свою жизнь так, как ты хотел.

— Убить Гэврила?

— Найти свое пастбище.

— А что потом?

— А чего хотел ты, когда не знал, что скоро умрешь?

— Ничего. Я не думал об этом.

— Так не думай и сейчас, — Дарла бросила на дорогу короткий взгляд. Свет фар приближающейся машины разрезал ночь. Мысли пассажира вгрызались в сознание. Глупые человеческие мысли. — Хочешь, я приведу их тебе? — предложила Дарла.

— Я не знаю.

— Тогда стой здесь и думай, — она улыбнулась и побежала к дороге.

Тело казалось легким и свободным. Кровь Эмилиана приносила силы и прогоняла страхи. Вечная эйфория. И чем больше этой крови, тем меньше сомнений и больше сил. Но чтобы кормиться самой, нужно, чтобы кормился хозяин. Дарла вышла на дорогу. Водитель увидел ее, снизил скорость. Дарла замахала руками.

— Кто эта женщина? — спросил маленький чернокожий мальчик на заднем сиденье.

— Кажется, это Дарла, дочь нашего шерифа, — сказала ему мать и тяжело вздохнула. Семья возвращалась из долгой поездки к родственникам и уже видела свой дом и кровати. — Ладно, остановись и спроси, что ей нужно, — сказала женщина мужу.

Ее звали Клара Зутер. Дарла знала это из своей прошлой, далекой жизни. Ее мужа — Дэрил Зутер. А их сына — Тони. На темном лице ребенка большие белые глаза блестели как-то неестественно. Дарла смотрела мальчику в глаза, но чувствовала лишь голод, который вернулся, как только хозяин, Эмилиан, остался вдали, на расстоянии взгляда. Внезапно Дарла почувствовала странную немоту, сковавшую тело — яркую, искрящуюся. Она распространилась от живота к конечностям. Дарла задрожала.

— Что с тобой? — спешно спросил Дэрил Зутер.

— Я не знаю, — дрожащим голосом сказала Дарла. Немота усилилась, заискрилась. Теперь ее свет увидела и семья Зутеров.

— Господи! — прошептала Клара Зутер. Она испуганно тронула мужа за руку. — Поехали отсюда.

— Нет, — Дарла спешно открыла дверь со стороны водителя.

Дэрил Зутер не успел понять, что происходит. Метаморфозы изменили тело Дарлы. Она вытащила из машины грузного мужчину, словно он был тряпичной куклой. Его жена закричала. Дарла швырнула Дэрила Зутера через машину в придорожную пыль. Он ударился спиной. Дыхание перехватило. Мысли спутались. Где-то далеко он услышал крики жены. Тони Зутер молчал. Забившись в угол на заднем сиденье, он не мог издать ни одного звука. Девушка, которую он видел в городе, превратилась на его глазах в монстра. Ее зубы стали клыками. На руках появились длинные когти, разодравшие приборную панель машины, когда она пыталась дотянуться до Клары Зутер.

— А ну, вылезай! — хотела она прикрикнуть на визжащую женщину, но вместо этого смогла лишь зарычать. Что-то случилось с ее горлом. Оно изменилось так же, как и тело.

Ее животный рык привел в чувство Дэрила Зутера, отца семейства. Поднявшись с земли, он побежал к машине. Монстр не видел его, но слышал все мысли, читал намерения. Дэрил хотел схватить монстра за плечи, вытащить из машины, отшвырнуть прочь и, сев за руль, умчаться от безумия. Дарла обернулась в тот самый момент, когда Дэрил протянул руки к ее плечам. Острые когти вонзились ему в живот. Кровь моментально наполнила рот, вырвалась брызгами, попав на лицо Дарлы. Кровь, которая усилила ее голод. Зубы-клыки удлинились. Дарла подалась вперед, раздирая Зутеру горло. Теперь его кровь текла прямо в ее изменившийся рот: сладкая, теплая.

За спиной Клара Зутер заверещала еще громче. Однако паника не парализовала женщину, а наоборот, заставила действовать. Перебравшись на водительское сиденье, она включила передачу. Если бы Клара умела блокировать свои мысли, то, возможно, ей удалось бы спастись, но она не знала, что монстр, пожирающий мужа, может узнать, о чем она думает. Дарла бросила Дэрила Зутера и занялась его женой. Голод подчинял разум, но теперь она была слугой, а это значило, что нужно думать не только о себе, но и о хозяине, жизнь которого стоит выше жизни собственной. Тело Дэрила Зутера все еще продолжало дергаться в предсмертных судорогах, когда Дарла вытащила из машины его жену. Женщина кричала, царапала руки схватившего ее монстра. Дарла ничего этого не замечала. Схватив Клару за волосы, она тащила ее к своему хозяину.

Эмилиан не двигался. Просто стоял на крыльце старого дома и смотрел. Природная сущность и сущность, которой дала жизнь Габриэла, уже не боролись в нем. Как только он понял, что не будет жить вечно, что-то изменилось. Что-то внутри. Словно родилось что-то новое — он новый.

— Выпьешь ее здесь или в доме? — спросила Дарла.

— В доме, — сказал Эмилиан.

Он открыл дверь. Женщина продолжала кричать, но теперь ее крики проглотили старые стены. Эмилиан подошел к машине. Черногожий мальчик, не двигаясь, смотрел на него большими, выпученными от страха глазами.

— Не бойся, — Эмилиан протянул ему руку. Мальчик не двинулся с места. Его мысли казались застывшими и неподвижными, парализованными, как и его тело. Но в мыслях не было сопротивления. — Возьми меня за руку, — приказал Эмилиан. Мальчик подчинился. Эмилиан отвел его в дом, велел лечь на кровать в свободной комнате по соседству с той, где все еще лежала его мать.

— Хочешь, чтобы я его привязала? — спросила Дарла.

— Не думаю, что он попытается сбежать.

— Не скажу того же о его матери... — Дарла вспомнила оставшегося на улице Дарила Зутера. — Нужно избавиться от тела и машины.

— Только не пей больше его кровь, — предупредил Эмилиан.

— Я знаю, — улыбнулась Дарла. — Мертвецами невозможно насытиться. Я видела это в твоих воспоминаниях.

— В воспоминаниях Гэврила, — поправил Эмилиан. — В своей жизни я не пил кровь мертвецов.

Он дождался, когда Дарла уйдет, и вошел в комнату Габриэлы. Она не спала. Лежала на кровати, открыв глаза, и испуганно смотрела куда-то в пространство. В ее мыслях был упрек и сожаление. Но упрек не Эмилиану. Упрек себе. Она все еще считала себя ответственной за его жизнь, его поступки. Считала, как в тот день, когда будучи ребенком, он вложил ей в голову эти мысли. Тогда это было не сложно. Тогда ему казалось, что он может подчинить себе весь мир, если захочет. Но со временем эта способность почти угасла, как скоро угаснет и он сам.

— Тебе уже не хватает моей крови? — тихо спросила Габриэла.

— Если я буду продолжать пить твою кровь, то ты умрешь. Ты хочешь умереть?

— Я не хочу, чтобы ты убивал людей, — Габриэла вздрогнула, услышав новый крик Клары Зутер.

— Это всего лишь одна женщина, — соврал Эмилиан, зная, что смерть ребенка Габриэла ему не простит. — К тому же она все еще жива.

— А та, что была до нее? Ты приводил ее пару дней назад. Я слышала ее голос, затем крик.

— Дарла?

— Ты запомнил ее имя?

— Она стала моим слугой.

— Вот как?

— Да. Я сначала хотел убить ее, но потом, вспомнив о тебе, решил сохранить жизнь. Ей было почти столько же лет, как и мне. Внешне столько же.

— И ты хочешь, чтобы я тебя похвалила?

— Почему бы и нет? — Эмилиан хотел улыбнуться, но встретив гневный взгляд Габриэлы, поджал губы. — Если тебе станет легче, то Дарла не обижается на меня.

— Не обижается на то, что ты изменил ее жизнь? — Габриэла грустно рассмеялась.

— Ничего уже не вернешь. К тому же благодаря ее крови я стал сильнее. Еще немного, и я смогу вернуться на пастбище Гэврила и сразиться с ним.

— Так все это ради пастбищ?

— А ради чего еще жить?

— Не знаю. Ты же можешь прочесть мои мысли. Посмотри, ради чего в твоём возрасте жила я.

— В моём возрасте ты не умела даже говорить.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

— Знаю, — Эмилиан устремил взгляд за окно, в ночь. Было слышно, как хлопнул багажник. Эмилиан видел глазами Дарлы, как она погрузила тело Дэрила Зутера, села за руль его машины. — Ты думаешь, я смогу жить, как все люди? Думаешь, смогу встречаться с девушками вместо того, чтобы пить их кровь?

— Почему бы и нет? Что в этом плохого?

— Не знаю. Может быть, если бы ты знала о том, что такое голод, то не уверяла с таким азартом о каких-то там отношениях.

— Голод?

— Представь желание заняться сексом, о котором в последние годы ты уже забыла, только умножь его на сто, нет на тысячу раз.

— В сексе нет ничего зазорного, если это делается по обоюдному согласию. А твой голод... Он убивает людей... — Габриэла снова услышала крик женщины в соседней комнате, попыталась подняться. Эмилиан принял этот жест за проявление нежности. Он шагнул навстречу приемной матери. — Не трогай меня! — остановила его Габриэла.

— Я тебе противен?

— Я зла на тебя, — Габриэла поморщилась, услышав новый крик, но сил, чтобы встать, не хватало.

— Противен. Противен всем, кто узнает о том, какой я. Так что не говори мне о сексе и о девушках, с которыми нужно встречаться. Они испугаются и оттолкнут меня, как это делаешь сейчас ты.

— Отпусти женщину, пока она жива, и мы уедем отсюда, начнем все сначала.

— Ради чего?

— Просто, чтобы жить. Доверься мне, и я научу тебя, покажу.

— Покажи сейчас. Докажи, что я тебе не противен.

— Ты мне не противен.

— Я вижу в твоих мыслях обратное.

— Ты ошибаешься.

— Как я могу ошибаться? Я вижу все, о чем ты думаешь. Забыла?

— Тогда загляни в мои воспоминания. Загляни в мою юность. Разве ты видишь, чтобы я пила кровь или причиняла боль другим людям? Нет. И не смей говорить, что в той жизни нет радости и голодной страсти. Она есть у всех — это голод, о котором ты говоришь, одна из его разновидностей. Так что отпусти женщину, которая, — Габриэла повысила голос, — уже достала кричать, и давай начнем все сначала. Я объясню тебе... Да нет, к черту, ты сможешь сам увидеть в моих воспоминаниях, что такое быть подростком.

— Почему ты думаешь, что мне это понравится.

— А почему ты думаешь, что это тебе не понравится?

— Я не знаю... — Эмилиан подошел ближе. — Покажи мне. Если я тебе не противен, докажи, что это так же хорошо, как пить кровь, — он заглянул приемной матери в глаза. — Или же ты врешь, и я тебе все-таки противен?

— Дело не в этом, просто...

— Значит, противен.

— Нет! — Габриэла нервно облизнула пересохшие губы. — Просто у людей обычно такого не бывает. Ну... Ты мой сын, я твоя мать.

— Я тебе не сын. А ты мне не мать.

— Но я воспитала тебя.

— Мы вместе всего пару месяцев. К тому же ты говоришь, что секс лучше чем кровь, называешь это чуть ли не благодатью небесной. Почему бы тогда нам не разделить эту благодать? — Эмилиан смотрел на приемную мать, требуя немедленного ответа. Но ответа не было. — Помнишь, я говорил тебе, что когда-то давно Гэврил и остальные истребили всех самок нашего вида? — спросил Эмилиан. Габриэла осторожно кивнула. — Так вот я помню, вернее видел в чужих, не принадлежащих мне воспоминаниях, как проходило спаривание, о которым ты говоришь, как о высшей благодати. И знаешь, в нем не было ничего хорошего. Ты слышала о пауках, самка которых убивает самца, когда он оплодотворит ее? — и снова этот ждущий ответа взгляд. На этот раз Габриэла кивнула. — Так вот, в нашем виде происходило нечто подобное.

— Но без женщин все стало еще только хуже, ведь так?

— Без женщин вы, люди, получили шанс выжить, шанс на существование рядом с нами, — губы Эмилиана изогнулись в подобии

улыбки. — Шанс презирать нас, испытывать к нам отвращение. Обвинять нас...

Он развернулся, собираясь уйти. Женщина в соседней комнате, словно прочитав его намерения осушить ее, убить, начала звать на помощь охрипшим голосом. Габриэла снова попыталась подняться с кровати, позвала Эмилиана.

— Я не испытываю к тебе отвращения, — сказала она, отделяя каждое слово, протянула к нему свои руки.

— Я не верю.

— Ну так подойди и убедись в этом сам, — она легла на подушку и закрыла глаза. Мысли в голове путались, но она пыталась подобрать нужные слова, чтобы попросить его отпустить женщину из соседней комнаты. Ни о чем другом сейчас думать было невозможно.

— Мне кажется, мы слишком разные, чтобы сделать это, — прошептал Эмилиан, нависая над Габриэлой. Она вспомнила его младенцем — таким обыкновенным, таким беззащитным. Разве он чем-то отличался от других детей? Нет.

Габриэла вздрогнула, увидев, как тело Эмилиана начало искриться, меняя формы. Метаморфозы превратили его в неясный контур. Что-то холодное и скользкое ожило у него между ног. Габриэла чувствовала, как это нечто слепо мечется из стороны в сторону, пытаясь найти ее лоно. Габриэла вцепилась руками в простыни, чтобы не оттолкнуть Эмилиана от себя. Он замер. Что-то тонкое и бесконечно длинное начало проникать в тело, глубже и глубже, сворачиваться, словно змея, пока не заполнило ее всю без остатка. Боль и отвращение смешались. Время замерло, как замер Эмилиан, как замерла тварь внутри тела Габриэлы.

— Кажется, ты говорила, что это понравится мне, — сказал Эмилиан, заглядывая в мысли Габриэлы. — Почему же тогда я чувствую, что это не нравится тебе?

— У женщин это не всегда так просто, — сказала Габриэла первое, что пришло на ум.

— Тогда сделай, чтобы было просто, — потребовал Эмилиан.

Воздух в комнате наполнился сладким до тошноты запахом. Эмилиан видел, как древние самки вендари пожирают самцов во время спаривания. Они почти не двигаются, и тела самцов дают им возможность выкормить потомство и самих себя, пока это потомство не родится. И да, голод действительно был. Голод продлить свой род. Самцы бросаются на более сильную самку, оплодотворяют ее, пока она питается ими, затем отползают в сторону, выжидают. Вот здесь и появляется голод. Вместо того, чтобы уйти, самец возвращается к самке и повторяет спаривание. Это продолжается до тех пор, пока у него есть силы.

— Укуси меня, — попросил Эмилиан Габриэлу.

— Нет.

— Ты должна! — его мысли проникли в ее мозг, показывая картины далекого прошлого. Ужас парализовал тело. — Укуси меня! Укуси, иначе это продлится вечно! — закричал Эмилиан.

— Я сказала, нет! — Габриэла открыла глаза, пытаюсь встретиться с ним взглядом.

По его искрящемуся лицу катились слезы. Они капали на Габриэлу. Она чувствовала их соль. Потом все как-то неожиданно закончилось. Эмилиан поднялся на ноги и вышел из комнаты. Где-то далеко, в другом мире, закричала женщина. Один долгий, протяжный крик, затем хрипение, когда Эмилиан прокусил ей горло и начал пить ее кровь, и наконец тишина: мертвая, давящая на уши.

Когда Дарла вернулась в дом, Эмилиан спал на полу, возле кровати, где лежало тело Клары Зутер. В его снах был Гэврил — древний и могучий. Дарла видела это, чувствовала. Волнение Эмилиана передавалось и ей. Гэврил — могущественный вендари. Гэврил — убийца последней женщины их рода. Гэврил — хозяин пастбища, которое должен забрать у него Эмилиан. Эмилиан — претендент. Он должен встретиться с Гэврилом, сразиться с ним. Пустота против пустоты. И жизнь так коротка. Жизнь бессмертного, которому осталось прожить год, может, чуть больше.

Дарла склонилась к Эмилиану. На его губах засыхала кровь Клары Зутер. На его лице была кровь Клары Зутер. В его снах была кровь Клары Зутер. Но крови должно быть больше. Иначе Гэврил победит его. Гэврил, осушивший за свою жизнь миллионы сосудов, подобных Кларе Зутер. И еще у него было потомство, которое вендари лишили жизни. А потом пришли за матерью этих умерщвленных детей-монстров — вендари-самкой по имени Наама. Дарла видела ее в первый день после своего обращения. Легкая и воздушная. В самой высокой башне своего замка. Среди теней и крови. Гэврил забрал у нее жизнь. Жизнь матери своего потомства. Жизнь той, кого оплодотворил, рискуя своей жизнью. И теперь, много-много веков спустя, все повторяется. Его потомство ждет дня, когда сможет сразиться с ним. Эмилиан ждет. И это его единственная цель. Но в своих снах он неизбежно терпел поражение. В своих снах он был слаб. И сны не ввали.

Дарла поцеловала Эмилиана в окровавленные губы. Его дыхание было ровным и глубоким. Она слышала, как бьется его сердце. Слышала, как течет по его венам кровь: сладкая, теплая. Все остальное перестало существовать. Один глоток. Всего один крохотный глоток. Дарла почувствовала, как метаморфозы меняют ее лицо, ее челюсть. Зубы вытянулись, превратились в иглы. Весь мир сжался до размеров артерии на шее Эмилиана. Несколько долгих мгновений Дарла боро-

лась с собой, затем подалась вперед. Зубы-иглы проткнули кожу. Кровь из прокушенной артерии наполнила рот. Эмилиан проснулся. Мысли и чувства Дарлы наполнили его сознание. В них был голод, в них была жадность. И в них была мольба позволить ей сделать еще один глоток. Точно так же, занимаясь любовью со Своном в своей другой, уже почти забытой жизни, она просила его подождать еще одно мгновение. Жажда и секс переплелись в мыслях и чувствах Дарлы. Она прижалась к Эмилиану. Тело ее напряглось. По бледному лицу покатались крупные капли пота. Еще одно мгновение. Еще одно. Еще совсем чуть-чуть... Дарла затряслась, сжалась. Мир вспыхнул и погас. Метаморфозы оставили ее лицо. Силы оставили тело. Тяжело дыша, она повалилась на грудь Эмилиана. Ее кожа горела огнем, а кожа Эмилиана была такой холодной, такой гладкой. Дарла гладила его руки, вдыхала его запахи. Ей хотелось, чтобы это мгновение длилось вечно. Но вечность скоро должна была закончиться. Она знала это. Поэтому миг страсти и удовлетворения казался еще более сладким.

— Я забрала у тебя много сил? — тихо спросила она Эмилиана. Он не ответил, но она и так знала ответ. — У нас еще есть мальчик. Тони Зутер.

— Не хочу убивать ребенка.

— Тогда убей Габриэлу. Она все равно не понимает тебя.

— Она думает, что я буду жить вечно.

— Она никогда не станет служить тебе.

— Она уже служила мне, как мать служит своему ребенку.

— Ты об этом скажешь Гэврилу, когда вы встретитесь?

— Нет.

— Тогда поднимайся и убей ее.

— Я лучше убью ребенка.

— Из-за этого Габриэла возненавидит тебя сильнее.

— Думаешь, она ненавидит меня?

— Я вижу это в твоих мыслях, в твоих воспоминаниях.

— Почему этого не вижу я?

— Может быть, ты просто не хочешь видеть?

— Может быть.

— Ты вендари.

— Вендари живут целую вечность.

— Но ты и не человек.

— Нет.

— Значит, ты другой. Новый, — Дарла погладила его по щеке. Кровь Клары Зутер на его губах раздражала, словно следы помады чужой женщины. Дарла подалась вперед, прижалась к губам Эмилиана, слизнула с них кровь Клары Зутер.

— Что ты делаешь? — спросил Эмилиан.

— Целую тебя, — она улыбнулась. Ее язык проскользнул на мгновение в рот Эмилиана. — Тебе нравится вкус собственной крови? — спросила Дарла. Эмилиан качнул головой. — А моя кровь тебе нравилась?

— Ты — человек. Ты — моя пища. Почему мне не должна нравиться твоя кровь?

— А кровь Клары Зутер?

— Она тоже человек.

— А Габриэлы?

— Ты ревнуешь?

— Ничуть, — Дарла снова улыбнулась, предложила привести еще жертв. — Хочешь, чтобы это были только женщины, или же тебе плевать?

— Главное, не приводи стариков и детей.

— Не буду, — Дарла еще раз прижалась к его губам, поднялась на ноги. Эмилиан продолжил лежать на полу, у ее ног — хозяин у ног слуги. — Я еще не слишком старая для тебя? — спросила Дарла.

— Моя кровь сохраняет твою молодость.

— Нет. Кровь настоящего вендари сохраняет молодость. Твоя кровь позволяет мне скрыть старость.

Дарла вышла из комнаты, спустилась по лестнице. На улице было прохладно. Утро только начиналось. Машина, на которой приехала сюда Габриэла, стояла за домом. Ключи в замке зажигания. Дарла села за руль. Машину Зутеров она отогнала далеко в пустыню. Та поездка напомнила ей Свона. Когда-то давно они приезжали в то укромное место, чтобы заняться сексом. Кажется, он мечтал, что они вместе уедут в большой город. А еще раньше, совсем уже в другой жизни, они приходили туда с одеялом и упаковкой пива. Им было не больше шестнадцати, и мир, казалось, лежал у их ног. Каньоны тянулись вдаль. Среди скал сновали ящерицы. Молодая кровь бурлила желанием. Дарла и Свон занимались любовью, ждали, когда начнет алеть закат, и снова занимались любовью. Тогда им казалось, что так будет продолжаться целую вечность: пиво, бутерброды, закат, секс, любовь... Но вечность закончилась, оборвалась. Место их встреч было выбрано не случайно. Укромное и тихое, его невозможно было увидеть с дороги. Поэтому Дарла отогнала туда машину Зутеров. Но как только она это сделала, ей показалось, что еще одна часть прошлого, часть человечности отмерла в ней. Она словно опорочила свою память тем, что оставила в этом месте наслаждений окровавленную машину Зутеров. Но назад пути не было.

Обо всем этом Дарла думала как-то отрешенно, словно мысли эти плыли на втором плане. Там, возле каньона, потом в доме Эмилиана, теперь по дороге домой. Мысли просто плыли, как плывет древняя могу-

чая река, возле которой ты идешь. И не важно, как долго ты собираешься идти вдоль этой реки. Она продолжит свой путь, даже если ты свернешь со своего пути, даже если силы оставят тебя и ты замертво упадешь на пыльную дорогу. Реке плевать. Река была здесь уже целую вечность: тяжелая и монолитная. Сейчас эта река текла в голове Дарлы. Река мыслей и чувств. Река воспоминаний, которые принадлежали ей, принадлежали Эмилиану, Гэврилу, вендари. Воспоминаний, которые она прочла в голове своей матери. Она видела свое рождение, чувствовала причиненную боль. Потом были радость, облегчение. Взгляд на младенца. Взгляд на саму себя глазами той, кто дала ей жизнь. Но этот момент был лишь крупницей воспоминаний, которые жили теперь в голове Дарлы. Были там и мысли Дэрила Зутера: его страхи, надежды, взгляды в прошлое и планы на будущее. Мысли и воспоминания его жены, его ребенка — всех, к кому в голову забралась Дарла. Словно открывшись ей, они стали ее частью. Словно она прожила уже не одну свою жизнь, а десятки жизней. И каждая из них была не менее важной, чем ее собственная.

Дарла остановилась возле своего дома. Нет. Она остановилась возле дома, где когда-то жила одна из ее прежних личностей. Теперь ее дом был там, где был дом Эмилиана. Рядом с ним. Вместе с ним. Пока не закончится ее время. Дарла выключила зажигание, вышла из машины. Входная дверь была не заперта. Дарла вошла в дом. Запахи, шорохи, тени, чужие мысли, которые совершенно не хочется слышать. Особенно сейчас. Просто лечь в кровать и заснуть. Она и так уже знает все, что было в жизни ее отца и ее матери.

Дарла прошла в свою комнату, зашторила окна, разделась. Кофта была залита кровью. Волосы слиплись от крови. Бросить одежду в стирку, принять душ. Зеркало. Это проклятое запотевшее зеркало, которое будет показывать ей, словно песочные часы, как жизнь утекает из тела. Теперь и каждый последующий день. Дарла закрыла глаза и долго неподвижно стояла перед зеркалом, боясь посмотреть на свое отражение. Но страхи не оправдались. Воображение рисовало, что она уже стала сорокалетней старухой, морщинистой, дряблой, но в действительности лицо выглядело лишь немного усталым, если не считать седых прядей в волосах да морщин в уголках глаз. Кровь Эмилиана спасала ее, продолжала ее изменившуюся жизнь.

В окно ванной комнаты Дарла увидела рассвет. Если бы только она не боялась солнца, тогда можно было бы отправиться на поиски новой пищи для Эмилиана. Чем больше он ест, тем сильнее он становится. Чем сильнее он становится, тем чаще она может питаться сама его кровью.

Дарла легла в кровать, укрылась с головой одеялом, надеясь, что так лучи солнца не доберутся до нее, если им удастся преодолеть защиту плотных штор. Где-то в доме проснулась мать. Дарла услышала сначала

шорох, затем ее мысли, скованные пеленой сна. Эти шорохи разбудили отчима. Дарла зажмурилась, но его мысли потекли в ее сознание сплошным потоком, которому невозможно было противиться. Мелочи жизни, ремонт машины, покраска крыльца, обиды на дочь женщины, с которой он живет — обиды на Дарлу, на ее поведение, разговоры с коллегами по работе, покупка антиперспирантов, пена для бритья, проблема выпадающих волос, утренняя эрекция, близость женского тела... Горячего женского тела. Дарла зажмурилась сильнее. Чувствовать отчима. Чувствовать свою мать. Проживать их жизни. Утренний секс глазами мужчины. Утренний секс глазами женщины. Поток ненужной информации, чувств, желаний, потребностей. Так странно — брать и отдавать одновременно. Так противно. Дарла стиснула зубы, чтобы сдерживать стон отчаяния. Нет, она не хочет это слышать. Не хочет чувствовать. Не хочет знать. Она представит себя маленькой девочкой, которая бежит по поляне цветов прочь от преследующих ее чужих мыслей и чувств: от этого утреннего секса, когда воображение еще цепляется за обрывки снов и можно представлять себе все, что угодно... Мать тихо стонет. Отчим ласкает ее грудь. Они лежат на боку, словно два скрюченных червяка, сросшихся где-то посередине. И от этого не сбежать. Можно лишь принять это, впустить в себя. Теперь заглянуть этим чужим мыслям в глаза и велеть им убраться из головы.

Дарла почувствовала, как мир вокруг стихает, испугалась, что утратила свою способность, попыталась вернуть чужие мысли, позвать их. Комната наполнилась мускусным запахом. В фантазиях отчима ничего нет. Он проснулся и уже почти закончил. Мать все еще дремлет, всегда дремлет, когда это происходит в столь ранний час. Дарла снова велела чужим мыслям убираться. Тишина. Теперь вернуться. Мужские руки сжимают женские бедра. Ее бедра. Ее руки. Отчим стонет. Кульминация близка. Еще одно мгновение и...

— Прочь, — тихо сказала чужим мыслям Дарла. Тишина.

Теперь лечь на бок и попытаться заснуть. Чуть позже мать будет звать ее завтракать. Сказать, что не голодна. Сказать, что не спала почти всю ночь.

— Снова была со своим парнем?

— А если и да, что с того?

— Да нет. Ничего.

Мать уйдет, оставив ее в покое. Отчим уйдет. Дом опустеет. Останется лишь монолитная река, которая будет течь в сознании куда-то в даль: незримую, бесконечную, добраться до которой у Дарлы не хватит времени. Ни у кого не хватит времени. Хотя там, вдали, все равно ничего нет. Лишь пустота, которая дала начало всему сущему в мире, и в которую когда-нибудь этот мир превратится вновь. Но пока река жизни продол-

жают течь, и это главное. Пока можно идти рядом с ней, поднимая сандалиями придорожную пыль или сбивая босыми ногами предрассветную росу с травы, которая стелется вдоль дороги, покрывая пологие берега. Невозможно лишь остановиться. Да и нет такого желания.

Дарла подошла к реке и пошла рядом, позволяя монолитным водам изредка касаться своих ног. Поверхность реки была зеркальной, и она могла видеть свое надломленное течением отражение — девочка и старуха в одном лице плыли вместе с рекой куда-то вдаль. Дарла остановилась, но образ продолжил свое движение. Река уносила его, забыв о его хозяйке. Эта вечная река жизни, берущая свое начало в пустоте и смерти и направляющаяся в пустоту и смерть. Дарла испугалась и спешно побежала вперед, чтобы догнать свое отражение. Ноги предательски налились свинцом. Она начала потеть кровью. Испугалась. Заплакала от отчаяния, но и слезы были теплой, густой кровью. Дарла вскрикнула и проснулась.

Вечер. Взять чистую одежду. Наложить на лицо побольше косметики, чтобы скрыть следы старения. Отказаться от ужина, от разговоров с матерью. Отчим на улице, смотрит на машину Эмилиана.

— Нет, я не скажу тебе, кто мой новый друг, — говорит Дарла. Отчим смотрит, как она садится в машину. В его мыслях есть много ненужной информации, но в них нет и намека на похоть, в которой так часто обвиняют приемных отцов. — И кстати, — говорит Дарла, перед тем, как уехать. — Ничего личного. Ты мне даже нравишься. Правда, — она дает по газам, оставляя его в облаке пыли.

Улица затерявшегося в пустыне города кажется бесконечной. Она тянется вдоль домов, подобно реке жизни во сне Дарлы — такая же вечная и уходящая вдаль, теряясь за недостижимым горизонтом.

Теперь подруги. Подруги Дарлы из той, другой жизни, ушедшей безвозвратно, как дорога уходит за горизонт, как река уплывает в пустоту. Дарла ничего не чувствует. Никаких сожалений или сомнений.

Подруг зовут Лекси и Айна. Когда-то они учились с Дарлой в одной школе, в одном классе. Когда-то в прошлом. Теперь все изменилось. Их голос раздражает Дарлу. А их мысли... О, эти мысли! Неужели когда-то она сама была такой же? Неужели когда-то в ее жизни была такая же пустота, которая еще хуже, чем мерзкие тени Эмилиана... Дарла заставила себя не читать мысли подруг, не заглядывать в их воспоминания, где находилось место и ей — ей прежней. И там, в этих воспоминаниях, она была такой же, как ее подруги. От этого тошнило, и на лице начинали появляться метаморфозы, которые остановить было крайне сложно. Позволить своей новой природе взять верх. Разорвать эти хрупкие глотки. Дарла слушала бесконечную болтовню бывших подруг и продолжала представлять, как расправится с ними, пока не поняла, что может

блокировать их мысли и воспоминания. В тишине было лучше. Если бы еще заставить их заткнуться.

— А ну признавайся, чья это машина! — потребовала у Дарлы Лекси.

— Мальчик? — оживилась Айна, вытаращив большие коровьи глаза. — А Свон знает?

— Нет, конечно, — сказала Дарла, заставляя себя улыбаться.

Еще пара глупых вопросов. Такая же пара глупых ответов. Теперь рассказать об Эмилиане, о заброшенном доме. Рассказать так, чтобы подругам понравилось. Пусть будет просто мальчик из большого города — еще одна история, еще один семейный скандал. Женщина-генетик. Ее сын. Муж, от которого она бежит, чтобы он не причинил вред ее ребенку. Общество, которое винит ее за появление вируса двадцать четвертой хромосомы. А женщина и ее сын просто хотят жить. Такие вот герои большого города. Такие вот соседи.

— Ты должна познакомить нас с ними, — сказала Лекси, когда избирательная, измененная история Дарлы подошла к концу.

Подруги переглянулись, посмотрели на машину Дарлы.

Теперь дорога, ожидание. Ночь только начинается. Жизнь только начинается. Эта короткая, стремительная жизнь.

Эмилиан услышал звук подъехавшей машины, вышел на крыльцо старого дома. Подруги Дарлы мерили его внимательным взглядом. В их глазах был интерес, любопытство. Дарла выключила зажигание, вышла из машины, помахала Эмилиану рукой, заглянула в мысли Лекси и Айны. Лекси думала о большом городе, представляла себя Габриэлой — женщиной, добившейся того, чтобы о ней говорила вся страна. Лекси завидовала Габриэле. Она с трудом представляла себе, что такое генетика, но ей казалось, что заниматься этим не так сложно, как произнести или написать название. Нужно лишь выучиться. В любое время. Но учеба в ее мыслях была какой-то смазанной и незначительной. Главными были слава и людская молва...

«К черту Лекси!» — подумала Дарла, заглянула в мысли второй подруги. Айна встретила ее взгляд и подумала о том, что Эмилиан, возможно, намного красивее Свона. Не такой высокий и не такой мускулистый, но в нем, определенно, что-то есть. Еще у нее был вопрос, как далеко зашла дружба Дарлы и Эмилиана. Были это только поцелуи или же они успели заняться сексом. Никогда прежде она бы не подумала, что Дарла может изменить Свону, но глядя на Эмилиана, думая о его истории, Айна ловила себя на мысли, что и сама готова переспать с ним на первом свидании. А если она думает об этом, то Дарла, определенно, уже так и поступила. И от этого немного грустно, словно лучшая подруга предала ее, переспав с Эмилианом. Словно он уже принадлежал ей, Айне.

— Нет, ничего кроме поцелуев не было, — сказала Дарла, испугавшись, что обиды заставят подругу уйти. Конечно, она не сможет бежать, но сейчас Дарле больше всего хотелось заставить ее войти в дом, в эту обитель теней и мрака, где горит так много свечей. Это будет ее дар своему хозяину, дар вендари. — Но целоваться он умеет, как никто другой, — тихо сказала Дарла, притворяясь, что не хочет, чтобы Эмилиан услышал ее слова.

— Бедный Свон, — вздохнула Айна. Теперь в ее мыслях была жалость к мальчику, которого она знала с детства, и желание рассказать ему обо всем...

Лекси подошла к Эмилиану, протянула руку и назвала свое имя. Рядом с ней он показался Айне еще более благородным и изящным, чем это было в рассказе Дарлы. Бледный, стройный. Она подумала, что они с ним похожи. А если это так, то, возможно, она имеет на него больше прав, чем Дарла и Лекси.

— А в доме правда много свечей вместо электрического освещения? — спросила Лекси. — Или же Дарла наврала, чтобы заинтересовать нас?

— Хочешь посмотреть? — Эмилиан заглянул девушке в темные, как ночь, глаза. Где-то на дне этих колодцев не было ничего кроме пустоты. — Пойдем.

Эмилиан протянул бледную, хрупкую руку. Лекси не смогла отказаться. Его кожа была холодной. Прикосновение заставило ее вздрогнуть. По телу пробежал разряд тока. Она обернулась и позвала подруг. Айна недовольно отметила, что Эмилиан и Лекси держатся за руки. В ее понимании это что-то значило. Она поднялась по старым ступеням. В доме пахло воском и пылью. Дверь за спиной закрылась. Айна испуганно обернулась. Дарла улыбнулась недобро, почти безумно.

— Сделаешь это здесь, или же отведем их в свободные комнаты? — спросила Дарла Эмилиана.

— Что он должен сделать? — растерянно спросила Лекси, которую Эмилиан продолжал держать за руку.

— Думаю, лучше не у порога, — сказал Эмилиан Дарле, словно других и не было рядом.

— Да. Пожалуй, ты прав, — Дарла снова улыбнулась.

— Пойдем, — сказал Эмилиан Лекси. Происходящее взволновало. Дарла заглянула в ее мысли. Там был Эмилиан. Он подчинял разум девушки так же, как подчинял разум ребенка семьи Зутеров. Она не могла сопротивляться ему, не хотела.

— Что здесь происходит? — спросила Дарлу Айна, когда Лекси и Эмилиан пошли вглубь дома.

— Просто иди за ними.

— Я не хочу.

Айна вздрогнула, увидев еще одну безумную улыбку на лице подруги. Дарла шагнула на нее, нависла над ней. Айна отступила назад. Что-то холодное коснулось ноги. Тень прошмыгнула по полу так быстро, что она решила, что это кошка. Но тень вернулась. Айна увидела сгусток тьмы и закричала. Лекси обернулась.

— Что это? — спросила она, стоя на пороге комнаты, в которую вел ее Эмилиан.

— Должно быть, твоя подруга увидела мышь, — сказал он то, что хотела услышать Лекси. Она кивнула.

— Айна всегда была трусихой, — Лекси широко улыбнулась.

— Кто-нибудь! — завопила Айна, но Дарла тут же зажала ей рот.

— Что за... — Лекси не успела договорить.

Эмилиан толкнул ее в комнату, где на кровати уже лежал начавший разлагаться труп Клары Зутер. Лицо Эмилиана вспыхнуло искрящимися метаморфозами. Его утонченные черты изменились. Крепкие белые зубы превратились в иглы. Лекси вскрикнула и тут же замолчала. Зубы-иглы вонзились в горло, разорвали плоть. Эмилиан не был осторожен. Кровь брызнула ему на лицо, грудь, на стены комнаты. Кровь, которую он жадно пил. Больше и больше, пока жизнь не покинула Лекси. Эмилиан отбросил продолжавшее судорожно вздрагивать тело в угол комнаты.

На пороге появилась Айна. Она пыталась освободиться, но Дарла была слишком сильна для нее. И еще тени, опутавшие ноги Айны, обжигая холодом кожу. И страх, особенно когда она увидела, как бездыханное, окровавленное тело Лекси падает на пол. Худые, загорелые ноги дергаются. Пальцы сжимаются. Ногти скребут о старые доски. Но жизнь навсегда покинула эту плотскую обитель. Лекси мертва. Разорванное клыками горло пиялилось на Айну уродливой раной. Среди окровавленной плоти что-то шевелилось, переливалось, продолжая жить. Вены, сухожилия, мышцы: они еще не поняли, что тело мертво... Голова Лекси запрокинулась. Пищевод был разорван, но Айне казалось, что Лекси продолжает глотать.

Эмилиан не двигался: стоял и смотрел на новую жертву. Айна встретилась с ним взглядом, затем увидела разлагающееся тело Клары Зутер на кровати, попыталась закричать, но страх сжал горло. Крик вышел едва различимым мышинным пискком.

— Не бойся, — сказал Эмилиан. — Я не убью тебя сразу. Не хочу пить кровь мертвеца.

Он опустил глаза к телу Лекси. Дарла толкнула Айну в пропахшую кровью и гнилью комнату. Айна заплакала. Эмилиан сжал ее плечи. Его руки были такими же холодными, как и его взгляд. Если бы не кровь

и смерть в этой комнате, то со стороны могло показаться, что Эмилиан затеял любовную игру. Несколько минут Дарла наблюдала, пока не почувствовала приступ ревности. Эмилиан прокусил Айне артерию на шее и пил кровь медленно, неспешно. Время от времени Айна вздрагивала. Мир уплывал из-под ног, ускользал куда-то в бездну. Айна взмахнула руками, словно пытаясь найти опору, обхватила Эмилиана за шею, прижалась к нему. В ее мыслях Дарла видела хаос и волнение. Понимала ли она, что происходит или смирилась с происходящим? Дарла не знала, но смотреть ей не хотелось.

Она развернулась, захлопнула за собой дверь. Запах крови напомнил о голоде, но сейчас хозяин был занят — кормился сам, поэтому нужно было ждать. Дарла остановилась возле комнаты, где лежала Габриэла, открыла дверь. Женщина спала. Или же просто была без чувств? На шее у нее виднелась свежая рана от укуса. Значит, Эмилиан недавно заходил сюда. Почему ему нравится кровь этой женщины? Почему ему нравится сама эта женщина? Дарла подошла ближе, попыталась заглянуть в мысли Габриэлы, но там была только темнота.

— Что в тебе такого особенного? — спросила Дарла. Ответа не было. — Чем ты лучше меня? — Дарла прикоснулась пальцами к окровавленной шее, попробовала кровь на вкус. — Ничего особенного. Совсем ничего.

Голод усилился. Метаморфозы изменили лицо. Дарла выругалась, зажала рукой рот, отвернулась. Бежать в город. Найти для Эмилиана как можно больше пищи, а потом умолять его накормить ее, Дарлу. Она будет стоять на коленях — его слуга, его верный пес. Зубы превратились в иглы. Дарла вернулась к кровати и прокусила Габриэле шею. Габриэла вздрогнула, но не проснулась. Кровь наполнила Дарле рот — теплая, человеческая. Отвращения не было. Дарла не особенно понимала, что происходит, но продолжала пить. Мысли спутались — яркие, рубиновые, в которых не было ничего кроме жажды. Габриэла захрипела, словно через пару мгновений собиралась умереть. Тени в углах комнаты ожили. Свечи задрожали. Дарла отпрянула назад. Кровь, которую она не успела проглотить, вытекла из рта. От легкого опьянения кружилась голова. Дарла поднялась на ноги. Ее немного качало. Голова кружилась.

Дарла вышла на улицу. Ночная прохлада позволила собраться. Мысли устремились в дом: сначала к Айне, которую Эмилиан отправил в путешествие по волшебной стране грез, затем к Габриэле. Дарла убедилась, что женщина жива, и облегченно вздохнула, радуясь, что не убила ее. Эмилиан никогда не простил бы ее за это, не попытался понять. И не важно, сколько пищи она приведет к нему. Его привязанность слишком сильна. Дарла попыталась убедить себя, что он никогда не узнает о том, как она укусила Габриэлу, как пила ее кровь.

Теперь вернуться в город, добыть хозяину пищи. Колесить в поисках жертв по ночным улицам, пока не начнется утро. Завсегдатаи баров, подростки, влюбленные пары — Дарла старалась не вести счет, не запоминать лиц, имен. Найти жертву, отвести в старый дом к Эмилиану и вернуться в город. И так пока не закончится ночь...

— Снова встречалась со Своном? — спросил шериф, открывая утром дочери дверь.

Дарла кивнула, заглянула ему в мысли, но не смогла ничего там прочесть. Попыталась снова и лишь с третьей попытки добилась желаемого результата. Он любил ее, несмотря на то, что она давно уже разочаровалась в нем и разочаровала его. Особенно после того, как решила бросить учебу и остаться в родном городе, мечтая уехать в большой город. Ох, уж эта странная, непонятная Дарла, которая сейчас совершенно не понимала себя, не видела смысла в своих прежних поступках и целях.

Она закрылась в комнате, напоминавшей комнату десятилетней девочки, где учебники, и те стояли на полках, и попыталась заснуть. Отец предложил позавтракать, но Дарла отказалась. Она подумала о том, что случилось за эту ночь, о тех людях, которых она привезла Эмилиану. Господи, в кого же она превратилась? Взгляд отыскал на полке среди учебников старую, зачитанную книгу о вампирах. Неужели она стала одной из этих тварей? Но в книге все было иначе. В той юношеской вампирской саге, которая была уже почти забыта миром, когда Дарла прочитала ее. Но разве там все было именно так? Нет, не те книги она читала. Да и не нужно было ничего читать. Мудрость лежит на поверхности, снаружи, а не внутри. Не в глубине сознания. Мудрость, которая не имеет никакого смысла. Как все те цели и надежды, которые были у нее прежде. Все закончилось раньше, чем началось. И продолжения не будет. Никогда.

Дарла услышала, как за отцом закрылась дверь, заурчал двигатель служебной машины. Будучи ребенком, Дарла всегда выбегала из дома и махала отцу на прощание. Когда-то давно она и мать любили его, а он любил их. Но потом все ушло. Что же с ними стало? В кого же они все превратились?

Дарла закрыла глаза и попыталась уснуть: погрузиться в пустоту, из которой создан хозяин...

Когда шериф Вэлбек вернулся, Дарла услышала знакомый звук подъехавшей машины. Гравий под колесами скрипел и трещал. Мать всегда хотела, чтобы подъездную дорожку заасфальтировали или залили бетоном, но отцу нравились эти камни. Дарле они тоже нравились. Что-то в них было природное, стихийное. Она насторожилась, услышав голос отца. Он кого-то привез, или кто-то приехал с ним. Дарла разочарованно подумала, что это, должно быть, мать. Сейчас начнутся нотации,

грянет скандал или тяжелое молчание, которое, по мнению матери, действовало лучше любого скандала. Дарла всегда подыгрывала ей в этом заблуждении, потому что так было проще выносить наказания за проказы — молчание лучше криков. И сейчас она надеялась, что повторится то же самое. Но Дарла ошиблась. Вместо матери отец привез Свона Анистона.

Был поздний вечер, но солнце еще держалось на горизонте. Солнце, которое причиняло боль и обжигало кожу. Дарла поднялась с кровати, стараясь держаться в тени. Отец рассказал, что ночью пропало несколько человек, и сказал, что будет лучше, если Дарла останется со Своном, пока они организывают поиски.

— Какие поиски? — спросила Дарла.

Она заглянула отцу в мысли. В эти тяжелые людские мысли, которые с каждым новым днем хочется видеть все меньше и меньше. Отец думал о заброшенном доме, где поселилась Габриэла. Он не подозревал ее в случившемся, просто беспокоился, собираясь заехать.

— Не нужно, — сказала Дарла.

Шериф Вэлбек нахмурился. Мысли дочери проникли ему в сознание, что-то изменили там.

— Не нужно что? — растерянно спросил он.

— Не нужно навещать Габриэлу и ее сына. С ними все в порядке, — она заставила его представить, как она, Дарла, проводит эту ночь в компании мальчика из города. Разговоры, объятия, поцелуи... Шериф Вэлбек спешно тряхнул головой, останавливая воображение, пока оно не зашло слишком далеко. — Думаю, твои поиски должны направляться вообще в другую сторону от их дома, — сказала она.

Шериф снова увидел неясные картинки и снова кивнул. Это отняло у Дарлы слишком много сил. Дыхание ее сбилось, на лбу выступили крупные капли пота.

— Ты в порядке? — спросил Свон, когда шериф Вэлбек ушел. Дарла кивнула. — Твой отец думал, что мы провели прошлую ночь вместе...

— Ты не сказал ему, что не видел меня?

— Нет.

— Это хорошо.

Дарла попыталась заглянуть ему в мысли, чтобы избавиться себя от ненужных расспросов, но не смогла. Какая-то часть собственного подсознания противилась способности чтения чужих мыслей: громоздких, ненужных. Дарла повторила попытку, но ее снова ждала неудача. Что-то сломалось. Что-то в ней самой. Или же ей просто нужна кровь Эмилиана? Скольких людей она вчера привела к нему, включая своих подруг? Пять? Нет. Шесть. Последним был парень, который лишь недавно перешел в старшие классы. Дарла встретила его случайно. Он проводил

свою девушку и возвращался домой. Дарла остановила машину рядом с ним. Он не знали друг друга.

— Как тебя зовут? — спросила Дарла.

— Майк, — он улыбнулся. Его зубы были такими же, как зубы ее отца — мелкие, словно у крысы.

— Не хочешь прокатиться, Майк? — Дарла улыбнулась одними губами. В глазах была пустота. Но Майк не заметил.

Он сел в машину и молчал, пока они не приехали в заброшенный дом. Потом он кричал. Кричал, когда Эмилиан пил его кровь. Этот крик еще долго преследовал Дарлу. Наверное, нужно было остаться и подождать, когда Эмилиан закончит, но она решила, что достанет для него больше пищи. Ночь еще не закончилась. Дарла ехала обратно в город, а в ушах звучали крики Майка. Наверное, он умер девственником. Дарла вспомнила его лицо. Да, определенно девственником. А ведь по дороге за город он, очевидно, уже видел, как становится мужчиной в объятиях этой одинокой девушки с седыми прядями в волосах. Она сказала ему, что одинока, что ей просто нужна компания...

Дарла колесила по городу, продолжая вспоминать его лицо. Слишком молод. Слишком доверчив. Группа подростков сидела на трибунах крошечного, заброшенного стадиона, но Дарла не решилась подходить к ним. Нет, она не боялась, зная, что может одолеть их всех. Ее силы давно уже превосходили человеческие. Она просто сомневалась, что ей удастся заманить их всех сразу. Потому что если кто-то откажется ехать в загородный дом, то потом, когда друзья не вернутся, сможет указать на Дарлу. А выходить из тени было рано. Эмилиан не готов вернуться на пастбище Гэврила. Ему нужно больше крови, больше жертв. И нужно торопиться, пока не началась паника, пока жители города не заподозрили неладное...

Дарла выглянула в окно. Солнце еще не скрылось. Свон что-то говорил, но она не слушала его. Заглянуть ему в мысли, заставить его заткнуться. От усилия у Дарлы налились кровью глаза. Свон неожиданно замолчал. Невидимая рука сжала его мозг. Кровь хлынула у него из носа. Он застонал, обхватил руками голову.

— Что с тобой? — испугалась Дарла. — Я сделала тебе больно?

Вместо ответа Свон закричал. Ноги его подогнулись. Он упал на пол, забился, словно эпилептик, который долго смотрел на мигающие огни, затем неожиданно стих, вытянулся во весь рост.

— Свон? — Дарла склонилась над ним. Ответа нет. — Свон, ты в порядке?

Она проверила его пульс. Сердце не бьется. Дыхания нет. Дарла замерла. Что делать? Что она должна предпринять? Что должна почувствовать? В голове ничего нет, кроме пустоты. Дарла опустила на ко-

лени, легла рядом с бывшим другом. Закрывать глаза. Ни о чем не думать. Пусть жизнь идет своим чередом. Вся эта потерявшая смысл жизнь...

Лучи заходящего солнца вспыхнули в последний раз и погасли. Дарла не видела этого — глаза ее были закрыты, она чувствовала кожей, потому что жар, который приносило солнце, ушел с наступлением сумерек. Дарла заставила себя подняться. Свон был крупным, и с прежними силами ей никогда не удалось бы сдвинуть его с места, но прежние силы давно уже выросли в разы. Дарла взяла Свона за руку и вытащила из дома. Теперь гараж и за ним старый подвал, часть которого давно обвалилась. Ребенком Дарла играла там. Ей нравились прохлада и полумрак. Ей нравилось уединение. Мать боялась этого подвала, вернее боялась пауков, которые жили там. Отец так и не смог придумать, как использовать это место. Поэтому для Дарлы подвал стал ее первым собственным домом, ее пристанищем. Теперь подвал должен был стать последним пристанищем для Свона.

Дарла столкнула тело Свона. Кувыркаясь, оно покатилося по крутой лестнице. Затрещали сломавшиеся кости. Дарла обернулась. В какой-то момент ей показалось, что она слышит шум патрульной машины отца, но это было просто воображение. Теперь спуститься. Спрятать тело Свона за дальней стеной. Здесь его долго не найдут. А когда он начнет разлагаться и запах привлечет отца Дарлы, ей будет уже не важно. Все будет в прошлом. Она сама станет прошлым.

Дарла выбралась из подвала, закрыла дверь. Машина Эмилиана ждала на подъездной гравийной дорожке. Включить зажигание. Сделать несколько кругов по настороженному городу. Люди возле своих домов смотрят на незнакомую машину, пытаются понять, что случилось с пропавшими детьми. Весь город превратился в один гигантский глаз, в одно гигантское ухо. И скоро все откроется. Люди поймут, что дети мертвы, что за всем этим стоит Дарла Вэлбек, и придут за ней. Так кажется Дарле, пока она кружит по городу, боясь вглядываться в лица прохожих. Но потом вдруг приходит осознание того, что город этот состоит вовсе не из пары домов, где каждый друг друга знает. Нет, город этот не так мал, как она всегда думала. Тревога уже звучит, но людей слишком много, чтобы они почувствовали опасность. Многие остаются в неведении, а те, кто знает, все еще считают, что дети просто куда-то сбежали. К тому же большинство из них были одного с Дарлой возраста. Лишь мальчик-подросток, которого она отвезла к Эмилиану последним, не попадает в этот список. Так что тревога пока не превратила город в военную зону... Вот если бы еще снова научиться читать чужие мысли.

Дарла остановилась у обочины. Мужчина в тренировочном костюме мыл возле гаража свою пыльную машину. Дарла сосредоточилась. Он думал о жене, о сыне, о меланоме, которую недавно у него обнаружили, о запахе пота, о родителях... Дарла сморщилась. Чужие мысли принес-

ли физический дискомфорт и тошноту. В этом мире пустоты, который открыл для нее Эмилиан, все эти людские мысли были слишком громкими. Она не хочет их слушать. Ей не нужно их слушать. Она видит этот мир таким, какой он есть. Без чужих мыслей. Без чужих глупостей. Дарла включила зажигание. Мужчина обернулся и помахал ей рукой. Он узнал ее. Она его — нет. Не важно. Просто ехать вперед.

Остановиться на перекрестке. Слева бензоколонка. Хозяйка — женщина, которая давно уже похожа на мужчину. Дарла помнила ее. Помнила еще в те дни, когда был жив ее супруг. Странная была пара. Словно каждый из них при рождении получил не тот пол, который должен был получить. Сейчас эта женщина моет высокие окна своей конторы. На ней синий комбинезон. У нее короткая стрижка. Крохотная грудь совершенно незаметна под комбинезоном. Руки сильные, видны мускулы. Движения четкие, резкие. Дарла заставила себя отвернуться, дала по газам. Ехала какое-то время бездумно вперед, свернула у заброшенного стадиона, снова остановилась.

Группа подростков, оккупировав выкрашенные в зеленый цвет трибуны, пили пиво и громко смеялись. Четыре парня и две девушки. Дарла знала их. Они были старше ее на год. И они всегда приходили на этот старый стадион. Приходили, когда они еще все учились в школе. Приходили и сейчас. Словно так и не выросли. Дарла вышла из машины. Компания притихла, взглядываясь в черты незваного гостя.

— Дарла? — растерянно спросил один из них.

Обостренное после обращения зрение Дарлы выделило парня из темноты. Лицо показалось знакомым. Возможно, она видела его у Свона, вот только не могла вспомнить его имя. Хотя сейчас ей казалось странным, что она еще помнит имя самого Свона. Все воспоминания были затянuty пеленой, как будто она прожила пару веков.

— Что ты здесь делаешь? — спросил парень. — Где Свон?

— Не знаю, — соврала Дарла. Где-то в воспоминаниях мелькнул подвал и бездыханное тело бывшего парня, но это было таким же далеким и затянутым пеленой забвения, как и все остальное.

— А машина? — парень взгляделся вдаль. — Это не машина Свона. Неужели твои родители позволили тебе сесть за руль? — он обернулся к своим друзьям, показывая, что это шутка. Компания дружно хохотнула.

— Это машина моего друга.

— А как же Свон?

— Свон в прошлом.

— Вот как? — парень снова обернулся к друзьям. — Эта девчонка отшила Свона.

Они опять дружно хохотнули. Дарла почувствовала усталость. Так просто сейчас свернуть им шеи, разорвать податливую плоть, выпить

их кровь. Она вспомнила вкус крови Габриэлы. Да. Человеческая кровь не так и плоха, как она думала в начале. Конечно, это не то, что кровь вендари, Эмилиана, но... Дарла огляделась. Свидетелей нет. На этом старом стадионе они одни.

— Боишься, что тебя тоже похитят? — с издевкой спросил парень.

— Похитят?

— Ну да. Твой отец говорил, что все должны оставаться дома. Ты разве не слышала о пропавших подростках?

— Я не думаю, что они пропали.

— Мы тоже так не думаем. Наверное, сбежали куда-нибудь или просто решили устроить затянувшуюся вечеринку, — парень в очередной раз посмотрел на своих друзей. Они дружно хохотнули.

— Может, мы тоже устроим вечеринку? — предложила Дарла.

— Без Свона?

— Не хочу Свона, — Дарла попыталась заглянуть парню в голову, в мысли. Если бы только увидеть его желания. Тогда можно сказать то, что он хочет услышать, заманить его в дом Эмилиана. Но чужие мысли были закрыты.

— Не хочешь Свона? — и снова парень повернулся к друзьям. — Нет. Вы слышали? Она не хочет Свона. А кого ты тогда хочешь?

— Все равно кого.

— Совсем все равно?

Новый смех. Пара грязных шуток. Еще смех: дружный, стадный. Дарла снова заставила себя улыбаться.

— За городом есть заброшенный дом, — сказала она. — У меня есть машина. Поедем?

— Боюсь, мы все не поместимся в твою машину.

— Если захотим, то поместимся, — Дарла прищурилась. — Или же вы боитесь, что вас тоже похитят?

— Похитят? — парень презрительно фыркнул. — Кто нас похитит? Ты? — он громко рассмеялся. — Да это мы скорее тебя похитим.

Теперь рассмеялись его друзья — вся компания, включая двух девушек, чей звонкий смех перекрыл смех остальных. Дарла рассмеялась вместе с ними, снова повторила свое предложение, развернулась, пошла к машине.

— Нужно будет только купить еще пива, — сказал парень, который говорил с Дарлой.

— У меня все куплено, — сказала Дарла.

Семь человек втиснулись в маленькую машину. Мотор загудел. По дороге новые друзья шумели так сильно, что Дарла едва сдерживалась, чтобы не убить их. Но где-то там впереди был Эмилиан. Эмилиан, для которого эта пища была важна. От этой пищи зависела вся его жизнь.

Поэтому нужно было терпеть, сдерживать себя, улыбаться на глупые и пошлые шутки до тех пор, пока они не вошли в старый заброшенный дом. Дарла закрыла дверь. Горели свечи, и кто-то из шумной компании отпустил по этому поводу еще одну шутку.

— Не удивлюсь, если в одной из комнат мы найдем бездыханные тела пропавших подростков, — скривилась одна из девушек.

— Так и есть, — сказала Дарла.

Компания хохотнула, решив, что это отличная шутка. Но вот из темноты появился странный силуэт. Эмилиан был бледен, и все его тело окутывало призрачное мерцание происходящих метаморфоз. Компания подростков загудела, попятилась к двери. Дарла отшвырнула одного из них к стене как тряпичную куклу. Метаморфозы изменили ее лицо, тело. Крики и мольба о пощаде слились воедино...

— Нужно достать тебе еще пищи, — сказала Дарла, когда все было закончено.

— Ты боишься, что скоро мне придется уехать? — спросил Эмилиан, заглянув в ее мысли. Она кивнула. Он кивнул в ответ, прокусил себе запястье и велел ей пить.

— Нет. Я не хочу забирать у тебя силы, — возразила Дарла.

— Ты стареешь слишком быстро, — сказал Эмилиан, подвел к зеркалу. В полумраке на нее уставилась сорокалетняя женщина.

— Плевать, — сказала Дарла, привыкая к своему новому отражению.

— Я приказываю тебе, — сказал Эмилиан.

Кровь капала с его руки на пол. Дарла опустила глаза. Запах был сладким, манящим. Запах жизни в этом пропахшем смертью доме. Теперь встать на колени. Прижаться губами к кровоточащему запястью хозяина. И пить, пить, пить...

Дарла очнулась ближе к рассвету. Кровь вендари вернула телу молодость, но мысли остались старыми и усталыми. Эмилиан сидел на полу, прижавшись спиной к стене.

— Мне нужно идти, — сказала Дарла.

Он кивнул. Лицо его было по-прежнему бледным, но от подростка, которым его некогда знала Дарла, остались лишь глаза. Все остальное огрубело, возмужало. Нет, благородство и утонченность не покинули его, но теперь это был тридцатилетний мужчина в расцвете сил.

— Мне нравится, каким ты становишься, — сказала Дарла, перед тем как уйти.

Эмилиан остался один. Тени какое-то время кружили возле него, пока лучи рассвета не забрали их короткие жизни. Эмилиан смотрел, как они умирают, и думал, что когда-нибудь точно также умрет и он сам — рожденный из пустоты снова станет пустотой. Он продолжал сидеть на

полу, пока лучи рассвета не добрались до него. Бледная кожа порозовела. Эмилиан почувствовал сначала зуд, затем жжение, легкую боль. Он поднялся на ноги и ушел в свою новую комнату, которую выбрал потому, что там не было окон. Не было там и мебели, даже кровати.

Эмилиан закрыл дверь, лег посередине комнаты на спину, закрыл глаза. Где-то далеко в мыслях мелькнуло беспокойное нетерпение. Он вырос. Он готов сразиться с Гэврилом за пастбище, на котором может остаться только один хозяин. Эмилиан заснул, представляя принадлежащий ему людской город плоти и крови, голода и жажды. Он бродил по улицам и заглядывал в глаза прохожих, выбирая себе ужин. Но все они были похожи либо на Габриэлу, либо на умирающую Дарлу...

За последние дни он слишком сильно привязался к своей слуге, чтобы безразлично относиться к ее скорой, неизбежной смерти. Эмилиан подумал, что она останется единственным слугой в его жизни. Нет, дело не в верности. Он просто не хотел смотреть, как умирает на глазах еще один близкий ему человек, его друг, его верный спутник. Когда он получит пастбище Гэврила, то будет охотиться сам. Будет превращаться в хищника, вырождаться, как это бывает со всеми вендари. Они стареют, превращаются в животных. Его старость приходит в тысячи раз быстрее. Значит, разумной жизни осталось меньше, чем он думал. Эмилиан представил ожившие тени, которые принадлежат ему, но которые придут за ним, когда пробьет его час, когда придет его время. Эмилиан увидел этот момент. Что ж, он не будет сопротивляться. Он примет свою смерть достойно и смиренно — сделает это так же, как принимает сейчас свою странную жизнь...

Тени во сне подбирались к нему все ближе и ближе. Подбирались до тех пор, пока занавес сна не вздрогнул. Эмилиан услышал чужие мысли. Мысли ребенка. Нет, не того чернокожего мальчика, который все еще лежал в отдельной комнате. Это был знакомый голос, родной. Эмилиан прислушался. Голос исходил из комнаты Габриэлы, из ее утробы. Его ребенок. Его сын. Он звал отца. Звал Эмилиана. Но зов этот был едва различим. Зов претендента. Зов младенца, отец которого вендари, а мать человек. Отец — хищник. Мать — жертва, пища.

Эмилиан вздрогнул, почувствовав голод и жадность младенца. Он не может родиться беспомощным. Он заставит Габриэлу спасти его, уехать так далеко, что никто не найдет их. А потом он будет питаться ее кровью: сначала в утробе, а после младенцем. Но кормежка эта не будет такой, как у Эмилиана. Мать для него превратится в сосуд, который он осушит до дна, вне зависимости от ее воли. Отец для него станет первым соперником. Он найдет его и убьет, сколько бы у него не ушло на это времени. А по дороге он будет питаться: как монстр, как хищник. По дороге, которую нарисуют ему инстинкты. Эмилиан увидел их так,

как если бы они принадлежали ему. Инстинкты, в которых был голод и желание размножаться, оплодотворяя простых смертных женщин. Снова и снова. Пока мир не наполнится подобными тварями.... Эмилиан содрогнулся. Глаза его открылись.

Он прошел в комнату Габриэлы и долго смотрел на нее. Она спала: обессиленная, умирающая. В какой-то момент в голове Эмилиана мелькнула мысль, что, возможно, она умрет здесь, не приходя в чувство. Так было бы проще. Потому что он должен убить ребенка в ее чреве. Обязан остановить это древнее зло. Пока он еще может это сделать. После ребенка не остановит и десяток современных вендари. Тьма восстанет из самых недр, заполнит мир. И будет это еще страшнее, чем голод самок вендари.

Эмилиан подошел к Габриэле. Сжать шею. Забрать жизнь. Эмилиан задрожал. Он не может убить эту женщину. Он может лишь надеяться, что она умрет своей смертью. Но надежда ничего не значит. Он должен знать, что ребенок не родится. Эмилиан вышел из комнаты. Долго стоял в коридоре. Начинаясь вечер. Он дождался Дарлу и рассказал о своем сыне — монстре, который, придя в этот мир, заставит содрогнуться человечество. Дарла слушала молча — его друг, его верный спутник.

— Хочешь, чтобы ее убила я? — спросила Дарла.

— Нет, — Эмилиан спешно тряхнул головой. — Только если она не умрет сама.

— Значит, мы будем ждать?

— Да.

— Но мы не можем долго ждать.

— Мы будем ждать, пока у нас есть время, — Эмилиан отвернулся.

— Ты все еще должен питаться? — спросила осторожно Дарла.

— Да.

— А тот мальчик, сын Зутеров?

— Я не смог его убить.

— Ты должен.

— Хорошо.

— Тогда займись им, а я пока отправлюсь в соседний город и попробую привезти еще пищи.

— В своем городе ты уже не можешь этого сделать?

— Боюсь, что нет, — Дарла улыбнулась. — У нас есть день, может быть два. Потом начнутся поиски. Сегодня я с трудом смогла убедить отца, чтобы он не приезжал сюда навестить Габриэлу.

— Ты не хочешь его убивать?

— Не знаю, — Дарла помрачнела и снова сказала, что лучше поедет в соседний город. — Путь неблизкий, знакомых нет... Так что не знаю, сколько мне потребуется времени...

Эмилиан вышел на порог дома и проводил ее взглядом, затем вернулся в комнату сына Зутеров.

Мальчик спал. Сила мысли Эмилиана все еще владела его сознанием. Сила вендари. Она парализовала его разум и тело. Он не был привязан. Эмилиан подошел чуть ближе. Еще один ребенок. Габриэла никогда бы не простила ему этой смерти.

— Эй! Просыпайся и уходи отсюда, — велел он, но ребенок не пошевелился. Эмилиан прикоснулся к его руке. Плоть ребенка была холодной. Сердце не билось. Мальчик умер от голода, страха, паралича.

Эмилиан долго смотрел на него, представляя, как убьет своего сына в теле Габриэлы. Убьет вместе с матерью. Весь мир как-то застыл, вся жизнь. Эмилиан не услышал, как в дом вошла Дарла. Она была злой и усталой.

— Никто не хочет ехать далеко от своего города, — сказала она. — Проститутки и те отказываются.

— Не хочу проституток, — тихо сказал Эмилиан. — Они могут быть заразными, и я не знаю, какой вред мне причинят вирусы.

— Я понимаю, — Дарла смущенно опустила глаза. — А сын Зутеров? Ты осушил его?

— Он умер своей смертью.

— Не знаю даже, что хуже.

— Я тоже не знаю.

Они снова замолчали. Где-то далеко раздался шум патрульной машины. Шериф Лари Вэлбек свернул с дороги, остановился возле заброшенного дома. Мысли в его голове путались. С одной стороны, была Дарла, которая заставила его думать о чем угодно, кроме этого заброшенного дома, с другой стороны, были его инстинкты, которые обострились, как только он увидел знакомую машину, на которой приезжала Дарла. Машину, принадлежавшую Габриэле... Здесь что-то определенно не так. Разве не эту машину описывали очевидцы, жившие возле старого стадиона? Разве не на этой машине уехали подростки в прошлую ночь? И как он не подумал об этом прежде? Что помешало подумать ему об этом? Кто? Шериф содрогнулся, вспомнив дочь. Он не знал как, но был уверен, что это именно она затуманила его разум.

Он вышел из машины и громко позвал Дарлу по имени. Его голос заставил дочь вздрогнуть. Дарла бросила короткий взгляд на Эмилиана. Он молчал. Шериф снова позвал ее. Она услышала его шаги. Хлопнула входная дверь. Запах крови и гниения ударил в нос. Шериф расстегнул кобуру. Сердце замерло.

— Дарла? — он не знал, чего боится больше: увидеть свою дочь с выпущенными кишками в груди убитых подростков или же узнать, что она причастна ко всем этим убийствам. — Дарла, пожалуйста, скажи, что это не ты. Скажи, что тебя вообще здесь нет.

- Что будем делать? — спросила Дарла Эмилиана.
— Это твой отец, — сказал он тихо, почти одними губами.
— Уже нет. Почти нет.

Она заставила себя собраться, вышла в коридор. Свет карманного фонаря шерифа ударил в глаза.

— Господи, Дарла! — голос отца задрожал. Он не хотел верить.

— Зря ты пришел. — Дарла попыталась дотянуться до его мыслей, но не смогла. Если бы она не была так стара. Если бы все это случилось еще пару дней назад. Тогда ей удалось бы задушить его инстинкты, возможно, стереть воспоминания, но сейчас эта способность была утрачена, как утрачивают ее древние слуги вендари, которые живут слишком долго. — Зря ты пришел, — повторила Дарла.

Одна из оживших теней проскользнула рядом с ее ногами.

— Какого черта? — Шериф отшатнулся.

Тень опутала его ступни. Шериф выстрелил в сгусток тьмы. Пуля пробила пустоту, вонзилась в старые доски пола. Шериф пошатнулся, упал. На грудь навалилась тень, подчинявшаяся Дарле. Шериф видел, как дочь подходит к нему. Он мог выстрелить в нее. Рука с пистолетом была свободна от хватки холодной, липкой твари, навалившейся на него, словно тень хотела, чтобы он нажал на курок. Но шериф не мог. Только когда лицо Дарлы стало меняться, пальцы сжались. Громыхнул выстрел. Но пули уже не могли уничтожить это существо. Свинец вонзился Дарле в плечо. Она остановилась. Полученная рана затянулась почти мгновенно. То, чего другие слуги добиваются веками, она получила за пару дней, став почти такой же неуязвимой, как вендари, но нужна ли ей была эта неуязвимость? Шериф выстрелил еще раз и еще. Одна из пуль попала Дарле в коленный сустав. Ноги подогнулись. Она упала на колени. Отец снова прицелился. На этот раз в голову дочери, которая смотрела на него так безучастно, так отстраненно.

— Господи, — прошептал он. По его лицу покатались слезы. Дарла приказала тени отпустить его. Тень подчинилась.

— Теперь уходи, — велела Дарла отцу.

Он поднялся на ноги. Тело его дрожало. Взгляд устремлялся то к ожившей тьме у своих ног, то к дочери, в грудь которой он выпустил три пули.

— Убирайся! — заорала Дарла, теряя терпение. Что-то в ее голосе показалось шерифу настолько чужим, что жалость и любовь к своему ребенку уступили место отвращению и инстинкту самосохранения. Мир снова затянула мгла. Словно кто-то подчинил мысли, чувства, волю. Дарла шумно выдохнула, увидев, как шериф покидает дом. Загудел двигатель патрульной машины. Эмилиан подошел к Дарле, помог подняться.

— Это ты приказал ему уйти? — спросила она хозяина.

— Мне показалось, ты этого хочешь.

— Ты понимаешь, что он вернется?

— Не сегодня.

— Но он все вспомнит, — Дарла заглянула Эмилиану в глаза. — Тебе придется уехать.

— Нам.

— Ты готов убить Габриэлу?

— Нет.

— Значит, я останусь и буду ждать, пока она не умрет собственной смертью. Или же пока мой отец не вернется в этот дом. Тогда я убью ее.

— Но я думал, что мы будем всегда вместе.

— Мы и так долго были вместе. Для нас долго. Но мое время подходит к концу. Ты знаешь это. И это знаю я. Я не смогу прожить так долго, как проживешь ты. И не хочу, — Дарла отвернулась и велела ему собираться.

Глава шестая

В доме жены детектива Джейсона Оливера было тихо и пахло лилиями, которые росли под окном вдоль наружных стен. Ядовито-желтая убывающая луна, окруженная призрачным пульсирующим ореолом, висела в ночном небе, тщетно пытаясь осветить землю отраженным солнечным светом. Тени не двигались. Окружив дом Биатрис, они затаились, дожидаясь своего часа. Мэтокс чувствовал их на расстоянии, знал, кому они принадлежат и за кем пришли. Западня была примитивной, но почти безотказной — капкан, мышеловка, в которую Мэтокс собирался войти. Оставалось проехать пару перекрестков и надеяться, что навигатор не заплутает в этом тихом спальном квартале, где все дома похожи друг на друга.

— Ты ведь позаботишься обо мне? — доверчиво спросила Клео Вудворт, когда они свернули к обочине возле дома бывшей жены Джейсона Оливера.

Клео не понимала, чего именно хочет от нее Мэтокс, но он внушил ей, что это важно для него, для нее, для всего города, а возможно и мира. Ее разум был мягким и пластичным, словно глина на гончарном диске. Нужно приложить немного старания, и желанный сосуд родится под неуклюжими руками мастера. Никогда прежде Мэтокс не встречал более податливой личности, чем Клео. Ее воспоминания, страхи, чувства, желания, вопросы — он мог контролировать все, замещать, создавать новое и поднимать из глубин давно забытое. Мэтокс не знал, почему может это делать, да и не хотел знать. Главным было отомстить за Крину, сделав это раньше, чем тени возьмут след Клео и придут, чтобы избавиться от свидетеля.

— Ничего не бойся, — сказал он, взяв Клео под руку, выжигая из ее головы сомнения. Пусть будут только чувства и желания, только томные фантазии да понимание того, что скоро эти фантазии сбудутся. Нужно только довериться новому другу.

Они поднялись на крыльцо дома Биатрис Оливер и постучали в дверь. В угловых окнах вспыхнул свет. Дуэйн Андерсон, дантист, с которым

жила жена детектива Оливера, поднялся с кровати. Мэтокс видел его мысли, где все еще кружили лепестки снов, так бесцеремонно сорванные незваными гостями.

— Это очень важно, — сказал Мэтокс, как только Андерсон открыл дверь. Вернее, не сказал — поселил это убеждение в голове дантиста. Андерсон нахмурился. Он не знал ночных посетителей, но мысли в голове путались, мешали анализировать.

— Кто вы? — спросил он.

— Нам нужна Биатрис, — сказала Клео. Андерсон спешно отступил, потому что ему приказал это сделать Мэтокс, в организме которого было много крови Вайореля. Она давала ему власть, силу. Но он не знал, как долго это продлится. Поэтому нужно было спешить, чтобы успеть отомстить.

Мэтокс и Клео прошли в гостиную. Андерсон разбудил Биатрис. Она вышла в халате, наброшенном на голое тело. Тени за окнами ползли по темным улицам, окружали дом. Мэтокс чувствовал их: голодные, распробовавшие вкус человеческой плоти.

— Что-то случилось с мужем? — спросила Биатрис, увидев Клео. В ее голове одна догадка сменяла другую. Этот хаос раздражал Мэтокса. Суэта, беспокойство. Что все это значило по сравнению с картинами смерти Крины? Биатрис вздрогнула, замерла. На мгновение ей показалось, что она слышит, как в голове звенит пустота.

— Нам нужен вирус двадцать четвертой хромосомы, — сказал Мэтокс. — Вирус, с которым ты борешься в своей резервации.

Вместе с голосом Мэтокса, в сознание Биатрис проникли и его мысли. Она снова вздрогнула, бросила испуганный взгляд на Клео Вудворт. Клео доверчиво улыбнулась, вспоминая секс с Мэтоксом в своем кабинете и фантазируя о чем-то большем. Все остальное Мэтокс не пускал в ее голову, не позволял выходить на первый план, заставляя держаться в отдалении, кричать на дне сознания, но так, чтобы Клео не могла услышать.

— Ты должна сделать то, о чем я тебя прошу, — сказал Мэтокс, показывая Биатрис свои планы.

Она заупрямилась, снова покосилась на Клео Вудворт. В мыслях Мэтокса был план, согласно которому Биатрис надлежало заразить вирусом подругу бывшего мужа. И ради чего? По коже пробежала дрожь, словно холодный воздух проник в окно, заполнил комнату. Мэтокс показал в подробностях смерть Крины. Биатрис почувствовала тошноту, голова закружилась. Лица Вимала, Холдора, Пачджо — лица свихнувшихся слуг Вайореля, казалось, навсегда отпечатались на сетчатке глаз.

— Они обязаны умереть, — услышала Биатрис далекий голос Мэтокса. — Ты согласна?

— Я? — Биатрис растерянно огляделась. В голове господствовал хаос. Биатрис подумала о своей дочери, Лоре, заглянула Мэтоксу в глаза.

— Я присмотрю за ней, — пообещал он, но в обещании этом Биатрис увидела нечто зловещее.

Черные тени подкрались к дому, заглянули в окна гостиной. Биатрис буквально почувствовала их, обернулась, увидела, как они скребутся в окна, сначала подумала, что глаза играют с ней злую шутку, затем попятилась назад, поближе к свету.

— Что это такое, черт возьми? — спросила она Мэтокса. Он показал ей смерть старика Хэнка Дэрила. Биатрис покосилась на дантиста, с которым жила, снова вспомнила о дочери.

— Убери этих тварей от моего дома! — потребовала Биатрис, обращаясь к Мэтоксу.

— Я не могу.

— Тогда убирайся и забирай их собой!

— И этого я не могу. Они пришли не за мной, — взгляд Мэтокса устремился к Клео Вудворт. — Они преследуют ее и твоего мужа.

— Что? Причем тут мой муж?

— Иногда все становится слишком сложным, — Мэтокс улыбнулся.

Биатрис услышала предсмертные крики Крины. Увидела оставшуюся от старика Хэнка Дэрила густую жижу, которую слизывала с пола его собака. И где-то там, за всем этим ужасом, Биатрис почувствовала, что есть что-то еще, что-то более глубокое, древнее, о чем она не захочет знать никогда, ни при каких обстоятельствах.

Свет в доме замигал.

— Тебе лучше поторопиться, — сказал Мэтокс. Биатрис наградила его гневным взглядом, пошла одеваться. — В доме есть свечи? Фонарики? — спросил Мэтокс Дуэйна Андерсона. — Нам потребуются любые источники света, — он направил в сознание дантиста столько ужаса, что Андерсон потерял дар речи. Страх парализовал его. Мэтокс выругался.

— Что-то не так? — спросила Клео Вудворт, продолжая мечтать о чем-то интимном, страстном, словно происходящее совершенно не касалось ее.

Свет снова мигнул. Мэтокс не сомневался, что скоро дом погрузится в темноту. Крина учила его контролировать тени Вайореля, но он не знал, удастся ли ему этот трюк.

— Поторопись! — крикнул он Биатрис, пытаясь мысленно добраться до незнакомых враждебных теней, которые шли за свидетелями, способными выдать существование вендари. Но у этих сгустков пустоты не было мыслей. Только цели и голод. Мэтокс чувствовал это.

Он вспомнил Вайореля, вспомнил, как этот вендари рассуждал о вырождении Гэврила, просил его, Мэтокса, подождать с расплатой, с мстью за смерть Крины до тех пор, пока Гэврил не превратится в монстра. Но что если это не случится никогда? Что если Вайорель ошибся? Или же до безумия Гэврила еще очень долго. Может быть, не один год, может быть, не одно столетие. Но разве у него, у Мэтокса, есть время, чтобы ждать так долго? Нет.

Свет в доме в очередной раз мигнул и погас. Биатрис вышла из спальни, на ходу застегивая блузку. Входная дверь затрещала, превратилась в прах. Тени замерли на пороге: густые, искрящиеся, пульсирующие. Клео увидела их, растерянно хлопнула глазами, но так и не смогла испугаться, разрушив построенные в ее голове блоки Мэтокса.

— Господи, — прошептала Биатрис. — Они что... Они пришли за нами?

— За Клео, — Мэтокс заглянул Биатрис в глаза. — Такие же идут за твоим мужем. И теперь, возможно, будут идти за тобой. Я не знаю.

— Ты не знаешь?! — Биатрис вскрикнула, увидев, как одна из теней проскользнула в дом. Голодный сгусток пустоты, словно хищник, почуяв кровь, уже не мог унять свою природу, которую должен был контролировать слуга Вайореля.

Мэтокс попытался отыскать чужие мысли, но мыслей не было. Значит, либо Вайорель пришел сам, либо просто послал теней скрыть улики любой ценой. На мгновение Мэтокс ужаснулся от мысли, как много невинных людей может пострадать, если вендари начнут поступать подобным образом. Он отвлекся, перестав сдерживать тьму. Тени подкрались к ногам Дуэйна Андерсона. Дантист вскрикнул. Холод обжег кожу. Загремели ящики стола. Вспыхнул луч мощного походного фонаря, который удалось найти Биатрис.

— В подсобке есть еще фонарь и свечи! — крикнула она Мэтоксу. Или же только подумала об этом?

— Вирус! Мне нужен вирус! — сказал Мэтокс. Он проник в мысли Клео и приказал следовать за ним. То же самое он проделал с Дуэйном Андерсоном. — Я позабочусь о Лоре, — пообещал Мэтокс Биатрис. Страх в ее голове уступил место решимости, словно чья-то рука, отыскав в сознании книгу смыслов жизни, переписала некоторые страницы.

Отгоняя от себя ожившие сгустки тьмы ярким светом фонаря, она выбралась за порог дома, обернулась, желая убедиться, что с оставшимися внутри людьми все в порядке, но чужие мысли и цели, внушенные Мэтоксом, тут же заставили двигаться вперед. Где-то далеко снова вскрикнул Дуэйн Андерсон. Сердце замерло в груди Биатрис, но она не могла остановиться, не могла вернуться. Сестра в машину. Включить зажигание. Мчаться прочь, в резервацию.

Мэтокс услышал писк резины сорвавшейся с места машины Биатрис. Теперь можно было сосредоточиться на своей жизни.

— Лора! — очнулся дантист.

— Я знаю! — Мэтокс подошел к комнате девушки. Дверь была заперта. Он ударил ее плечом. Кровать пуста. Ночной ветер врывается в открытое окно, раздувает шторы. Тени заполняют коридор.

— Где Лора? Куда делась дочь Биатрис? — закричал Дуэйн Андерсон. Или просто подумал? Мэтокс уже не видел разницы: читает он мысли людей рядом с ним или просто слышит их голос.

— Лора ушла. Наверное, сбежала к подругам или к своему парню. Сбежала от вас. На эту ночь. Она вернется утром. И не будет ничего знать, — он говорил монотонно, пытаясь отыскать путь к спасению, но кроме фонаря за окном больше ничего не было. Что ж, пусть будет фонарь.

Выбраться из черного, погруженного во мрак дома, который накрывают голодные тени, словно гигантские волны крохотный корабль. Теперь бежать по влажному газону в спасительный свет, слыша, как лязгают беззубые пасти теней за спиной... Но спасительный свет близок.

Тьма зашипела, отступила, перегруппировалась. Мэтокс знал, что тени вернутся, как только найдут способ обесточить фонарь. Тени глупы и примитивны, но они могут заглянуть в мысли своих жертв, испробовать на вкус их страхи и найти ответ. Значит нужно ни о чем не думать, побороть в себе страх. Мэтокс заглянул в мысли Клео. В ее голове все еще работал установленный им блок. Установить такой же блок Андерсону. Но как заставить самого себя не бояться? Как внушить себе не думать о фонаре, не представлять его своим единственным спасением?

Мэтокс зажмурился, пытаясь думать о долгих ночах, когда они с Криной то играли на пианино в четыре руки, то занимались любовью. На них не было одежды. Ночь заползала в открытые окна. Поцелуи. Вкус любимого человека во рту, на губах. Крина любила, когда он ласкал ее долго, неспешно. Поцелуи осыпают грудь, живот, бедра. Его поцелуи. Ее поцелуи. Их ласки. Они не ставят целью достичь оргазма. Им просто нравится ласкать друг друга. По всему дому. По всему городу. Страсть и желание приходят внезапно, стихийно. Клавиши пианино жалобно бренчат. Крина хватается руками за крышку. Звуки разорваны, как и ласки. В них нет стройности и порядка, нет безудержного урагана. Все вспыхивает и угасает. Пальцы скользят по бархатистой коже. Все это словно неизведанные земли, для которых невозможно нарисовать карты, потому что эти земли постоянно меняются. Плотский мир сливается с духовным. И все так просто, что от этого кружится голова.

— Хочу тебя, — шепчет Крина. — Возьми меня прямо здесь.

Они идут по ночному городу. Ветер шумит в кронах деревьев. Тени, звуки, шорохи.

— Сюда, — Крина тянет Мэтокса в парк.

Ночь прячет их от глаз города. Кора старого дерева грубая. Крина упирается в него руками. Ее горячее, возбужденное тело вспыхивает и гаснет, переливается метаморфозами. Мэтокс чувствует это. И кажется, что невозможно утолить эту жажду секса и крови. Губы Крины ищут запястья Мэтокса. Он стоит сзади нее.

— Не останавливайся. Не останавливайся, — шепчет Крина.

Ее спина выгнута. Мэтокс держит ее за плечи правой рукой. Губы Крины скользят по его левому запястью. Появляются тонкие зубы-иглы. Укус. Кровь. Крина пьет жадно, спешно, пока спазмы не подчиняют тело. Оргазм долгий и вязкий. Кажется, что она тонет в нем, захлебывается. Мэтокс замирает. Боль от прокушенной руки медленно расплывается по телу.

— Я выпью тебя. Выпью тебя всего, — шепчет Крина уже откуда-то снизу. Ласки грубые и настойчивые, почти агрессивные. — Ну же! — торопит она Мэтокса. — Быстрее. Дай мне это. Дай. Дай... — ее голос теряется где-то в звоне оргазма. Мэтокс замирает.

Крина поднимается, смотрит ему в глаза. Поцелуев нет. Где-то далеко идут редкие прохожие. Пахнет цветами и предстоящим дождем. С неба срываются крупные капли. Мэтокс чувствует их на своей разгоряченной коже.

— Думаю, тебе нужно побыть одному, — говорит Крина. Мэтокс молчит. Просто стоит и смотрит, как она уходит.

Затем дорога домой. Дождь усиливается. Мыслей в голове нет. Кажется, что все закончилось, но на следующий вечер за пианино в одном из ночных баров Мэтокс думает только о Крине. Ждет ее. Ищет взглядом в толпе. Но ее нет, ни сегодня, ни завтра. Фейерверки чувств вспыхивают и гаснут. День за днем, неделя за неделей. Пока не приходит усталый от переживаний покой. В этот самый момент возвращается Крина. Стройная, в узком платье, глаза темные, глубокие, волосы черные, рассыпаны по плечам. Она сидит за столом недалеко от Мэтокса, который продолжает играть. Ее губы плотно сжаты, но Мэтокс знает — она улыбается... Улыбается женщина, которая прожила слишком много жизней, чтобы улыбаться... Улыбается, пока не появляются безумные слуги ее хозяина: Вимал, Холдор, Пачджо...

Мэтокс больше не мог вспоминать. Он открыл глаза. Тени окружили его. Окружили в реальности. Фонарь не горел. Но страх ушел. Он больше не боялся умереть. Прошное прогнало страх. Осталась лишь холодная, ледяная пустота. Голодные тени замерли. Пища перестала существовать для них. Они больше не видели ее. Она сбежала от них. Провернула какой-то трюк и исчезла. Тени зашептались, поползли по улице прочь. Мэтокс не двигался. Стоял и смотрел в пространство перед

собой. В этот момент ему действительно было плевать на все. Но пустота отступила: медленно, осторожно. На ее место пришла жажда мести.

Теперь вернуться в дом. Дождаться возвращения Биатрис.

— Ты понимаешь, что это может превратить человека в монстра? — спросила она перед тем, как сделать Клео Вудворт укол, заразив вирусом двадцать четвертой хромосомы.

— Ты хочешь увидеть настоящих монстров? — спросил Мэтокс, снова показывая жуткие картины смерти Крины, оглушая сознание смехом убийц. — Они должны умереть.

— Надеюсь, ты знаешь, что делаешь, — пробормотала Биатрис, закатывая Клео Вудворт рукав.

Жгут стянул набухшие вены. Игла проткнула кожу. Поршень в шприце пополз вниз. Мэтокс блокировал сознание Клео. Когда они покинут дом Биатрис, она ничего не будет помнить. Для нее все это станет сладким сном, где она мечтает о чем-то теплом и страстном. Но впереди нет тепла, только боль и безумные слуги, устроившие в загородном доме маленький вампирский рай. Мэтокс приходил туда как-то раз с Криной.

Ненависть живет в сердцах вендари, но их слуги плюют на вековую вражду. Здесь, за высокими заборами, в стенах, пропитанных кровью и криками, они собираются вместе. Старые и молодые. Некоторым из них нужна кровь их хозяев. Другие могут питаться кровью простых смертных, которые приходят по своей воле, словно девушки эскорта на закрытые вечеринки. Секс и кровь сливаются воедино. Законы мира отступают, но и безумия нет. Нет анархии. Здесь действуют свои законы. Музыка никогда не смолкает. Люди умирают в этих стенах крайне редко. Никто не осушает их до дна — это правило. Плата за кровь, как плата за секс. Мужчины и женщины приходят сюда, чтобы заработать.

В центре дома есть бассейн с крокодилами. Хищники выглядят сонными и усталыми, сытыми. Пара ныряльщиков замерла на краю бассейна. Горсть драгоценных камней взмывает в воздух, падает в прозрачную воду, опускается на дно. Слуга, бросивший их, улыбается. Шоу начинается. Крокодилы спят. Ныряльщики срываются со своих мест. Добраться до дна. Камни блестят, отражают лучи света, преломляют его. Крокодилы просыпаются. Возле бассейна собирается толпа. Гул голосов. Зубы хищников щелкают возле ног зазевавшегося ныряльщика. Алая кровь в кристально-чистой воде. Гул голосов усиливается. Первый ныряльщик выбирается из бассейна. В руке у него зажаты несколько драгоценных камней. Второй ныряльщик с прокушенной ногой извивается, избегая смертельных укусов. Хищники преследуют его. Страх смерти обостряет инстинкты. Выбраться из бассейна. Крокодилы следуют за ним до ограждения. Прокушенная нога кровоточит. В руках зажато богатство. От галдящих людей закладывает уши. Невозможно понять, за кого они пе-

реживают больше. Крокодилы злы. Кто-то бросает им живого ягненка. Хищники рвут теплую плоть, дерутся друг с другом за добычу. Раненый ныряльщик взбирается на подиум, показывает добытые камни. Женщина перевязывает ему ногу. Женщина-слуга, которая еще не так стара, чтобы питаться человеческой кровью. Она платит ныряльщику за предстоящую ночь любви. И неважно, откуда пришла эта женщина и кто ее хозяин. Здесь нейтральная территория. Здесь правят не вендари, а слуги.

Крина ведет Мэтокса к бару, чтобы купить ему выпить. Сама она платит молодому парню в прозрачной майке за то, чтобы испить его крови. Мэтокс не ревнует, потому что Крина покупает ему девушку. Они сидят за столом рядом друг с другом. Свет приглушен. Мальчик, которого пьет Крина, дрожит. Глаза его закрыты. Крина не смотрит на него. Ее взгляд следит за Мэтоксом и девушкой, которую она купила для него. У девушки светлые волосы и большие голубые глаза. Иногда она поднимает голову и смотрит снизу на Мэтокса, чтобы понять, нравится ли ему то, что она делает, как она это делает. Он молчит и никуда не торопится. Как не торопится Крина, которая часами может пить кровь. Ее мальчик тихо стонет. Девушка под столом стонет вместе с ним. Крина улыбается. Мэтокс улыбается. Для них сейчас нет ни девушки, ни мальчика. Только они. А все остальное не более чем интерьер.

Здесь десятки подобных пар. Ночь кажется адом и раем в одном лице. За соседним столом кто-то оставил несколько белых кокаиновых дорожек, но никому нет до этого дела. Наркотики в этом месте не более чем хорошее вино. Все собрались здесь не для этого. Мэтокс закуривает. Если он захочет, то девушка под столом будет ласкать его всю ночь. Как мальчик Крины будет позволять ей пить себя. Им платят за это. Они пришли сюда ради этого. У тех, кто живет веками, всегда слишком много денег. Слуги бессмертных не знают, что такое нужда. Мэтокс смотрит, как Крина пьет кровь своего мальчика, и думает о том, выжил бы мальчик, если бы встретил ее на улице. Наверное, нет. Если бы Крина не осушила его, то это сделал бы ее хозяин. Но здесь мальчик выживет и заработает столько, что хватит на пару месяцев, а может и на год. О ныряльщиках можно и не говорить. Их риск оплачивается сполна. И не важно, что когда они будут покидать дом, им внушат поддельные воспоминания. Никто не вспомнит наутро, где был в эту ночь и что происходило. Все превратится в спутанный, неясный сон. Они проснутся в другом доме, в другом месте, похожем на это, но совершенно ином. В память останутся лишь шрамы да безумные сны.

— Интересно, всю эту систему придумали слуги или же сами вендари, чтобы их слугам не было скучно? — спросил Мэтокс Крину, когда они покинули этот дом утром, как слуги Вайореля. Никто не признал в Мэтоксе простого смертного.

— Этот дом содержат люди, — сказала Крина. — Простые люди. И не удивляйся. Каждый в этом мире зарабатывает так, как может.

— Я не удивляюсь, — Мэтокс обернулся, желая запомнить адрес этого дома.

Тогда он не знал, зачем ему это, просто посчитал, что будет не лишним. Но сейчас, когда Крины не стало, он надеялся, что этот дом поможет ему отыскать ее убийц. Нужно только уметь ждать: день за днем, неудача за неудачей.

В первый день, придя в загородный дом, он представился слугой Вайореля. Имя древнего вендари заставило других шептаться, указывая на гостя и его человеческую жертву — опьяненную Клео Вудворт, в голове которой Мэтокс создал так много закрытых дверей, что она с трудом могла вспомнить, чем занималась прежде, кто ее друзья, какими были увлечения. Несколько раз по приказу Мэтокса она звонила коллегам по работе и говорила, что в ближайшие недели не появится в участие. Ей нужен отпуск. Затем она обрывала связь прежде, чем ей успевали задать хоть один вопрос...

Эмилиан. Он появился в тот самый момент, когда ожидание принесло плоды. Вимал, Холдор и Пачджо приехали на старой бензиновой машине, остановились возле загородного дома слуг. Находясь на безопасном расстоянии, Мэтокс наблюдал, как странная троица смеется над домом развлечений и его хозяевами, которые собираются диктовать свои правила тем, кто давно перестал быть слугами.

— Но ты ведь тоже не слуга, верно? — спросил Мэтокса Эмилиан. Он появился из пустоты, распустился дивным созданием ночи. Вот — это всего лишь случайный прохожий, а вот — это уже древнее существо, силу которого сложно недооценить.

— А ты не вендари... — Мэтокс пристально взгляделся ему в глаза. Их мысли лились словно две реки, впадая друг в друга. — Не совсем вендари...

— Как и ты не совсем слуга, — Эмилиан улыбнулся холодно, недобро.

Дорога до пастбища Гэврила заняла у него почти две недели, и все это время он питался, даже когда голода не было. Он хотел набраться сил, подняться с Гэврилом на одну ступень. Мужчины и женщины, старики и дети — Эмилиан осушал всех, кто был достаточно глуп или беспечен, чтобы позволить ему превратить себя в жертву. Габриэла осталась умирать где-то далеко в заброшенном доме, и вместе с ней осталось все то, чему она его научила. Нет, у него не будет времени, чтобы вырасти, чтобы ждать. Его время летит слишком быстро. В его волосах появились седые пряди. На лбу и в уголках глаз — морщины. Его жизнь подходит к концу. Вечность отвернулась от него, предала. Как предала

Дарлу Вэлбек, оставшуюся, чтобы проследить за ребенком-монстром, который развивается в теле Габриэлы.

Перед тем как Эмилиан покинул заброшенный дом в пустыне, она пообещала, что найдет его. Что ж, она сдержала данное обещание. Старая и скрюченная. Эмилиан почувствовал ее близость раньше, чем смог увидеть. Разлука закончилась. Под звездным небом Дарла лежала на спине и тяжело дышала. Смотрела куда-то в пустоту и говорила, что не боится. Эмилиан молчал. Им не нужны были слова. Потом наступило утро. Старое тело вспыхнуло, превратилось в прах. Солнце причиняло Эмилиану боль, но он оставался с Дарлой, пока ветер не подхватил оставшийся от нее пепел, не унес прочь. Его слуга был мертв. Его друг был мертв. Его ребенок был мертв. Ничего не осталось. Даже время отвернулось от него. Случайный прохожий поплатился жизнью за то, что имел глупость заглянуть в убежище Эмилиана.

Солнце все еще светило, поэтому Эмилиан не решился выйти из своего убежища, чтобы спрятать обескровленное тело. Смерть привлекла еще пару прохожих, которых Эмилиан выпил досуха. Вечером он затащил их тела в свое убежище, свой приют в недостроенном здании, прикрыл мусором. Скоро они начнут разлагаться, их запах опять привлечет новых жертв. И скоро его тело станет еще старше.

Эмилиан бродил по ночным улицам города, пытаясь отыскать знакомые мысли — мысли вендари. Дом Гэврила, о котором рассказала ему Габриэла, был оставлен напоследок, потому что в городе, на пастбище, были другие вендари и их слуги. Эмилиан чувствовал это. Особенно слуг. Почему их так много? Откуда они здесь? Принадлежат ли они все Гэврилу или же здесь есть и другие вендари? Но если есть другие, тогда кому достанется это пастбище после смерти Гэврила? Поиски и сомнения привели Эмилиана за город в дом развлечений. Десятки слуг разных вендари поставили его в тупик. Он решил выждать, присмотреться. Возможно, в его стареющем теле хватит сил, чтобы сразиться с Гэврилом, но ему не удастся противостоять десяткам вендари. Не сейчас. Не здесь.

Наблюдая за странным домом, он увидел Мэтокса — слугу, который не был слугой. Мэтокс так же наблюдал за домом, как и Эмилиан. И еще Клео. Эта странная Клео, в голове которой было так много закрытых дверей, чтобы план Мэтокса мог увенчаться успехом, позволив уничтожить безумных слуг Вайорея: Вимала, Холдора, Пачджо.

— Мой слуга не был безумцем, — сказал Эмилиан, еще не решив, убьет он Мэтокса и Клео или нет. — Ее звали Дарла Вэлбек, и она умерла у меня на руках от старости.

— Слуги не умирают от старости, — сказал Мэтокс.

— Ее забрало солнце.

- У меня была женщина. Крина. Ее подругу тоже забрало солнце. Она сама хотела, чтобы ее забрало солнце.
- А кто забрал твою женщину?
- Слуги Вайореля.
- Еще один вендари?
- Разве ты не чувствуешь его в этом городе?
- Мне нужен только Гэврил.
- Вайорель говорил мне то же самое.
- Он тоже хочет получить его пастбище?
- Нет. Он хочет остановить его безумие.
- Гэврил безумен?
- Гэврил стар и скоро сойдет с ума, превратится в монстра. Вайорель говорит, что подобное происходит со всеми вендари.
- Я тоже стар, но не безумен.
- Возможно, у тебя еще есть время, — Мэтокс замолчал, увидев мысли Эмилиана: его рождение, юность, зрелость, старость, которая стоит у дверей и ждет, когда ей откроют. Увидел Мэтокс и Габриэлу, Дарлу Вэлбек, лабораторию.
- Думаю, ты такая же ошибка этого мира, как и я, — сказал Эмилиан, увидев историю Мэтокса.
- Думаешь, мы сможем объединиться?
- Думаю, я смогу помочь тебе отомстить за Крину.
- Почему?
- Потому что мне нравятся те чувства, которые ты испытывал к этой женщине.
- Только не думай, что это похоже на то, что ты испытывал к Габриэле.
- Нет. Не думаю.
- Тогда зачем тебе я?
- Затем, что я не смогу один противостоять Гэврилу и Вайорелю.
- Я не вендари. Я не смогу противостоять древнему.
- Но ты человек. Ты можешь врать и обманывать. К тому же ты можешь скрывать свои мысли. И мысли других, — Эмилиан посмотрел на Клео. — Эта женщина... Ты заразил ее, чтобы ослабить слуг Вайореля. Думаешь, она сможет уцелеть после того, как ты отравишь ее кровью Вимала и его свору?
- Я не думаю об этом.
- Хорошо. Мне это нравится, — Эмилиан улыбнулся. — А этот вирус, что течет у нее в крови... Думаешь, он такая же ошибка мира, как мы с тобой?
- Думаю, мир просто хочет избавиться от таких как Гэврил и Вайорель.

— От таких, как я?

— Нет. Ты не один из них. Ты что-то новое.

— Как и ты, — Эмилиан снова улыбнулся. — Можно попросить тебя не блокировать свои мысли?

— Разве ты видел недостаточно?

— Я хочу увидеть историю вендари, которую показал тебе Вайорель. Хочу увидеть жизнь Крины, которую она показала тебе.

— Боишься, что умрешь раньше, чем жизнь наполнит тебя собственными воспоминаниями?

— Нет. Не боюсь. Я знаю, что так оно и будет, — Эмилиан снова улыбнулся.

Мэтокс закрыл глаза, позволяя ему завладеть своими мыслями. Тьма заволокла мир: густая, перешептывающаяся. Она подчинила его, сделала частью себя. Десятки, сотни, тысячи воспоминаний потекли перед глазами, перебираясь из одного сознания в другое. Эмилиан высасывал из Мэтокса воспоминания и чувства, но ничего не дарил взамен.

— Хватит! — попытался остановить его Мэтокс.

— Я уже закончил, — сказал Эмилиан. Мэтокс открыл глаза. Окружающий мир хлынул в сознание, но прошлое так и осталось темным, опустошенным. В том числе и чувства. Словно кто-то выжег все внутренности. — Что ты сделал со мной?

— Так тебе будет проще добиться того, что ты задумал.

— Верни мои чувства!

— Позже, — Эмилиан снова улыбнулся. — Ты хочешь быть твердым, но ты слаб. Ты просто никчемный пианист. Я видел это в твоих мыслях. Твоя рука дрогнет в нужный момент. Ты был влюблен. Ты хотел, чтобы любили тебя. Ты просто человек. Тебе не выжить в мире вендари, опираясь на свои чувства. Оставь их мне. Доверь их мне... — Эмилиан все еще улыбался. Мэтокс слышал его голос, который продолжал чеканить холодные слова. Но все стало каким-то далеким, призрачным. Осталась лишь цель, стремление — далекий загородный дом, за дверьми которого скрылись Вимал, Холдор и Пачджо.

Мэтокс включил зажигание. Эмилиан отошел от машины, позволяя вывернуть на узкую, петлявшую дорогу.

Теперь стоянка. Клео улыбается доверчиво, как ребенок. Выйти из машины, постучать в дверь. Охранник считает Мэтокса слугой Вайореля. Высокий и чернокожий. У него сломанный нос в память о тех годах, когда он занимался боксом. Кулаки большие, словно два молота. Глаза черные, пытливые. Но он не слуга. Всего лишь человек, охранник, нанятый теми, кто содержит весь этот дом — людьми.

— Удивлен, что ты все еще не осушил этот сосуд, — говорит он Мэтоксу, указывая на Клео.

Клео окидывает его смущенным, но от этого не менее похотливым взглядом. Почти все двери в ее голове закрыты. Лишь те, что ведут к желаниям и страсти, распахнуты настежь. Высокий мускулистый охранник нравится ей. Особенно его животная сила, голодный взгляд. Но охранник остается где-то позади, за спиной. Можно лишь надеяться, что он провожает ее жадным плотоядным взглядом. Мэтокс видит все эти мысли. В них нет страха. Даже когда они проходят мимо бассейна с крокодилами, страха нет.

Шоу с ныряльщиками давно закончилось. Ночь перешагнула экватор. В просторных залах пахнет кровью и марихуаной. Четверо скрипачей играют Моцарта. Из соседнего зала слышны звуки звенящей жизнью мелодии Морриконе. Женщина-слуга пытается купить на оставшуюся часть ночи одного из музыкантов. Девушка-скрипачка смотрит на пачку денег, которую предлагает ей женщина-слуга, но заставляет себя отказаться. Женщина-слуга уходит. Да. Здесь действительно соблюдаются законы этого странного ночного мира. Теперь пробраться в дальние залы.

Вимал, Холдор и Пачджо держатся обособленно. Им не нравятся местные правила. Мэтокс видит это в их мыслях. Они хотят эмоций, хотят видеть страх в глазах жертв. А здесь можно увидеть лишь алчность. Но они, тем не менее, здесь. Они изучают это место, тешат себя мыслью, что после того, как избавятся от Гэврила и Вайореля, вернутся в этот дом и выжгут всю алчность смертных кровью, болью и страхом. Здесь будет смерть. Повсюду. Они осушат все сосуды. Они уничтожат всех слуг, которые дерзнут выступить против них. Другие станут служить им. Об этом они мечтают, в это они верят. И поэтому они здесь. Им нравится мечтать и строить безумные, пропахшие смертью планы.

Мэтокс осторожно продвигается ближе, пока Вимал не замечает его. Взгляд старого безумца вспыхивает, загорается. Конечно, он узнал его. Мэтокс прячет улыбку.

— Пришел продать немного своей крови? — спрашивает Вимал.

— Боюсь, у нас теперь один хозяин, — говорит Мэтокс. Вимал злится. Он уже забыл, что кому-то служит. — Вайорель сказал, что скоро мы будем работать вместе, — продолжает злить его Мэтокс.

Клео следит взглядом за проходящим мимо полуобнаженным атлетом, на шее которого видны свежие раны от укусов. Мэтокс заглядывает в мысли Вимала. Двери. Ему нужно закрыть десяток из них.

— Я ничего не сказал Вайорелю, — говорит он, понижая голос. — Не сказал о том, что на самом деле случилось с Криной.

— Вот как? — Вимал смотрит на Клео.

— Крина была слугой, — Мэтокс заставляет себя улыбаться. — Пока у Вайореля была Крина, рядом с ним не было места мне.

— С чего ты взял, что Вайорель захочет тебя?

— Он уже хочет меня, — Мэтокс улыбается шире, перехватывает взгляд Вимала, изучающий Клео. — Она тоже хочет меня.

— Вот как...

— Только меня...

Теперь рассказать о том, что было в ее кабинете. Рассказать неспешно, осторожно, смакуя детали.

— Верно, Клео? — спрашивает Мэтокс. — Тебе ведь нравится боль?

— Ты знаешь, — она улыбается.

— А мой ремень?

— Очень.

Клео осторожно касается его железной пряжки — делает то, что заставляет ее делать Мэтокс. Сейчас она игрушка в его руках, кукла, которую он дергает за ниточки.

— Она умрет за меня, — говорит Мэтокс Вималу. Холдор и Пачджо молчат. Их взгляд холоден и блестит смертью. — Мой верный пес.

— Вот как... — губы Вимала дрожат.

Мэтокс проектирует ему в голову безумные картины с Клео в главной роли. Девушка пьянит, очаровывает. Вернее, не девушка, а плоть: живая, теплая. Она возбуждает, волнует. Ремень свистит, разрезая воздух. Кожа лопается. Запах крови. Вимал не понимает, откуда у него в голове все эти фантазии: яркие, сочные. Мэтокс смотрит на Холдора и Пачджо. Их глаза налиты кровью.

— Говорят, жажда и секс с годами становятся одним целым, — произносит Мэтокс. Он вспотел и бледен, но в темноте этого не видно.

— Я убью тебя позже, — обещает Холдор.

— Все еще подчиняешься законам? — Мэтокс улыбается.

Холдор срывается с дивана. Движения его стремительны, едва различимы. Сильные руки северянина сжимают горло. Мэтокс хрипит, но страха нет. Он притворяется, рисуя страх в своих глазах.

— Сначала я убью твою игрушку, а потом тебя, — обещает Холдор.

— А мне кажется, ему понравилось то, что мы сделали с Криной, — говорит Пачджо. — Может быть, он более безумен, чем мы?

— Тогда его точно нужно убить! — смеется Холдор. Он разжимает пальцы, позволяя Мэтоксу дышать, смотрит на Клео. — Значит, говоришь, любишь, когда тебе причиняют боль, — он улыбается, словно хищник, почуяв кровь жертвы. Мысли в голове рисуют картину порки. Спина Клео. Ремень. — Посмотри, — Холдор поднимает рубашку, показывая пряжку своего ремня. — Хочешь, чтобы я снял его? Думаю, он уже чувствует твою спину, — он смеется потому, что взгляд Клео прикован к его железной пряжке, словно там сейчас сосредоточен весь мир, вся жизнь. — Думаю, она уже забыла о тебе, безумец, — говорит Холдор Мэтоксу.

— Эндрю обещал мне веселье, — говорит Клео, словно ребенок, у которого аллергия на сладкое, но он все еще выпрашивает у родителей конфеты.

— Так ты хочешь веселья?

— Может, бросить ее в бассейн с крокодилами? — предлагает Пачджо, но в сознании поселился вселенский голод, который невозможно контролировать.

На эту иллюзию у Мэтокса уходят последние силы. В голове что-то взрывается, из носа начинает течь кровь, хотя этого никто не замечает, считая Мэтокса слугой, а кровь слуг отравлена кровью вендари и ее невозможно пить. Чтобы утолить голод, нужен кто-то чистый, сочный. Слуги Вайореля смотрят на Клео, пускают слюни — последняя иллюзия Мэтокса, на которую у него хватило сил, перед тем, как отключиться....

Когда сознание вернулось, за окнами начиналось утро. Было тихо. Где-то рядом гулко падали крупные капли. Перед самым лицом. Темные, еще теплые. Капли скатывались по высокому своду и падали в кровавую лужу на полу. Мэтокс поднял голову. Там, под самым потолком, застряв между сводчатых арок, находилось разорванное надвое тело. Позвоночник продолжал скреплять разделенные в районе брюшной полости части. Кишечник вывалился, почти доставая до пола. Это был мужчина. Тот самый мускулистый красавец, на которого ночью обратила внимание Клео. Тогда она обернулась, провожая его голодным взглядом. Сейчас от его былой красоты ничего не осталось. Не было даже лица. Кто-то откусил его, оставив кровавую маску из сломанных костей, разорванных сухожилий и бешено вытаращенных глаз. Желудок сжался. Желчь наполнила рот. Мэтокс зажмурился. Звук капель стих. Он больше не слышал их. Ничего не слышал. Мысли в голове спутались.

— Клео! — он заставил себя подняться.

Девушка лежала на полу возле его ног. Одежда на ней была разодрана. Спина превратилась в кровавую массу. Рядом лежал залитый кровью и покрытый кусочками плоти широкий ремень. Кто-то порол ее до тех пор, пока она не отключилась. Порол и пил ее кровь. Мэтокс видел множественные укусы на ее теле. Возможно, ее насиловали. Или же она сама просила, чтобы ее насиловали. Те блоки, которые установил в ее голове Мэтокс, могли заставить делать и более страшные вещи.

— Но она все еще жива, — сказал Эмилиан.

Он сидел рядом с Мэтоксом на диване, закинув ногу на ногу, и глуповато оглядывался по сторонам. Свет был почти весь погашен. Лишь утро лилось в окна. Глаза Мэтокса медленно привыкали к полумраку. Он выглянул в соседний зал. Смерть. Оторванные конечности. Лужи крови. Внутренности. В сознание хлынул поток мыслей Эмилиана.

Он ждал больше часа после того, как Мэтокс зашел в дом слуг. Затем постучал в дверь. Охранник смерил его презрительным взглядом. Крупный и мускулистый, бывший боксер профессионал.... Эмилиан забрал его жизнь первой. Просто пробил грудную клетку и вырвал сердце. Охранник упал на колени. Он был еще жив, тупо глядя на собственное сердце в руке убийцы. Эмилиан дождался, когда он упадет, перешагнул через него. Он не был голоден. Он был зол. Метаморфозы изменили его тело, превратили в идеальную машину для убийства. Один за другим, он расправился со всеми обитателями дома. Остались лишь крокодилы, которые наелись в эту ночь сполна.

— Почему? — спросил Мэтокс. — Зачем ты убил всех этих людей?

— Здесь были не только люди. Еще слуги. Забыл?

— Но зачем?

— Это мое пастбище, — Эмилиан улыбнулся. — И мне не нравится то, что происходит здесь.

— Это все еще пастбище Гэврила. К тому же, если его не станет, ты не единственный претендент. Есть еще Вайорель.

— Поэтому ты все еще жив, — улыбка на лице Эмилиана стала холодной, хищной. — А без меня ты был бы уже мертв. Ты и твоя девушка Клео. А твои убийцы, убийцы Крины, смеялись бы над твоими останками. Ты этого хотел?

— Нет.

— Тогда скажи спасибо и спроси, как ты сможешь отблагодарить меня.

— Ты убил Вимала и его свору? Ты знал, что можешь убить их, но послал меня сюда?

— Ты сам хотел пойти. Это твоя месть. Не моя. И нет. Я не убил их. Я оставил их для тебя, — он указал на диван. — Я не тронул их. Вирус забрал у них силы, но они все еще в сознании. Кажется, ты хотел увидеть, как солнце сожжет их, хотел вынести их на улицу?

— Ты pomoжешь мне?

— О, нет. Это твоя месть. Я расчистил тебе путь, убрал помехи. Остальное принадлежит только тебе, — Эмилиан замолчал, сложив в груди руки. Мэтокс встретился с ним взглядом, обернулся к своим врагам. Они были в сознании и все понимали, но вирус, которым заразила их Клео, парализовал тела. — Поторопись. Вы как раз успеете к началу дня, — услышал Мэтокс голос Эмилиана. — Хотя если честно, на твоём месте я бы придумал для них более изощренную смерть.

— Мне хватит и этого, — Мэтокс поднял Пачджо под руки и поволок к выходу. Глаза старого убийцы и садиста вращались. Он силился что-то сказать, но не мог. — И не пытайся. Не трать силы, — предупредил Мэтокс. — Я все равно не сохраню тебе жизнь, — он сбросил его со ступе-

ней на подъездную дорогу, вернулся за Холдором и Вималом. — Хочешь посмотреть, как они превратятся в пепел? — предложил он Эмилиану.

— Нет.

— Как знаешь.

Мэтокс постарался не встречаться с ним взглядом, вышел из дома и наблюдал за своими врагами, следил, как они с опаской смотрят в небо, смаковал страх, который появляется у них в глазах. Затем огонь забрал их тела и жизни. Остался запах горелой плоти. Несколько секунд Мэтокс стоял не двигаясь. Все кончено. Он может уйти. Ему не обязательно возвращаться и связываться с той тварью, что уничтожила посетителей этого дома. Он может сбежать. Его дорога заканчивается здесь и сейчас. Мэтокс сделал несколько шагов прочь от дома, затем остановился.

— Клео! — он вернулся в дом, к Эмилиану. Девушка была без сознания, но продолжала цепляться за жизнь.

— Она умирает, — сказал Эмилиан.

— Ты можешь оживить ее?

— Ты же видел в моих воспоминаниях, как быстро стареют мои слуги. Хочешь, чтобы с твоей подругой произошло нечто подобное?

— Нет.

— Тогда отнеси ее к Вайорелю. Уверен, его кровь сможет вернуть жизнь в это умирающее тело, — Эмилиан выдержал пристальный взгляд Мэтокса, в котором был всего один вопрос.

— Ты хочешь убить и его?

— А ты разве нет?

— Он не сделал мне ничего плохого.

— Его слуги убили Крину.

— Но не он.

— Он монстр. Ты хочешь, чтобы этот монстр поселился в твоём городе?

— Ты тоже монстр.

— Но я умру через пару месяцев, а Вайорель будет жить тысячу лет. Посчитай, сколько жизней он заберёт, — и снова на лице Эмилиана появилась не то улыбка, не то оскал. — К тому же ты теперь мой должник. Да и Клео не выживет без крови Вайореля.

Мэтокс не ответил, поднял Клео на руки и понес к выходу. Лишь в его мыслях было согласие. Гневное, несговорчивое, но согласие.

— И даже не пытайся думать, что я не прав! — крикнул ему вдогонку Эмилиан. Мэтокс не ответил.

Он добрался до своей машины, уложил Клео на заднее сиденье, сел за руль. Эмилиан сел рядом. Солнечные лучи обжигали его кожу, оставляя алые пятна, но он притворился, что не замечает этого. Притворился не

для Мэтокса, а для себя, потому что верил, что у него нет времени обращать внимание на подобные мелочи. Он видел смерть Дарлы — своего единственного друга, и знал, что смерть эта все еще прячется за углом, ожидая, когда сможет прийти и за ним.

— Только пообещай, что не убьешь Вайореля прежде, чем он исцелит Клео, — потребовал Мэтокс, когда они остановились на перекрестке.

— Ты так сильно уверен, что победа будет за мной?

— Просто пообещай мне!

— Хорошо. Обещаю, — Эмилиан улыбнулся. Клео судорожно дернулась на заднем сиденье, словно смерть уже протянула к ней свою руку, и она пыталась увернуться от нее. — Думаю, тебе лучше поторопиться, — сказал Эмилиан, чувствуя, как жизнь медленно утекает из Клео: капля за каплей струится по кожаной обивке сидений, падает на пол.

Когда они остановились возле дома Вайореля, Клео почти не дышала.

— Жди здесь, — бросил Эмилиану Мэтокс, забирая Клео из машины. Парадная дверь была закрыта, и он долго стучал, пока ему не открыли.

— Что случилось? — спросил Вайорель, увидел Клео, нахмурился.

— Ты должен помочь ей! — Мэтокс ногой захлопнул за собой дверь, отнес Клео в главный зал, куда сквозь плотные шторы почти не проникал свет. В царившем полумраке тени скользили вдоль стен, словно трусливая армия, зажата в угол.

— Кто эта женщина? — тихо и безразлично спросил Вайорель.

— Загляни в мои мысли и все поймешь!

— Я не хочу смотреть в твои мысли.

— Тогда просто помоги ей! Дай свою кровь.

— Почему?

— Потому что она помогла мне избавиться от Вимала и его псов.

— Ты убил Вимала?

— Только не говори, что тебе жаль.

— Я думаю о Гэвриле.

— С ним разберется Эмилиан.

— Ты говоришь о новом вендари, который появился в городе?

— Так ты слышал о нем?

— Конечно.

— Он не такой, как ты.

— И поэтому ты предал меня?

— Я не предавал тебя.

— Но привел чужака в мой дом.

— Чтобы предать тебя, я должен был служить тебе, а я никому не служу.

— Не будем спорить, — Вайорель помрачнел, услышав, как открылась входная дверь.

Эмилиан не спешил. Лишь гулко раздавались его размеренные шаги. Вайорель слышал их. Метаморфозы обезобразили его благородное лицо. Он прокусил себе запястье. Кровь заструилась по белой коже. Вайорель склонился над Клео. Ему было плевать, пьет она или нет. Он сделал все, что мог, остальное от него не зависит.

— Теперь забирай свою женщину и уходи, — сказал он Мэтоксу.

Тени возле стен замерли, готовясь к бою. Мэтокс поднял Клео на руки и вышел в сад. Дверь за ним закрылась. Вайорель не двигался. Стоял в центре просторного зала и смотрел на Эмилиана, на претендента.

— Только не говори, что мы не враги, — с усмешкой сказал Эмилиан. Он не знал, сможет одолеть это древнее создание пустоты или нет, но смерть не страшила его. Смерть уже стояла в изголовье его постели. Он привык к ней, подружился. Он — тот, кто должен был жить вечно. Но это не смирение, нет. Это вечная, как мир пустота, которая пугает сильнее смерти.

Вайорель чувствовал этот страх. Он проникал в его мертвую сущность, заставлял заглянуть в мысли врага, узнать их, почувствовать.

— Ты не вендари, — тихо сказал Вайорель. — Никогда не был вендари и никогда не станешь. — Застывшие у стен тени ожили. Начали красться, приближаясь к сопернику. Вайорель заговорил о Габриэле, о женщине, которую Эмилиан почитал, как свою мать. — Почему ты убил ее? Почему изнасиловал? Почему не пожелал сохранить своего ребенка?

— Мой ребенок был монстром. Еще худшим монстром, чем ты или я, чем наши самки, которых ты истреблял плечом к плечу с Гэврилом, за которым теперь пришел в этот город, желая убить...

— Ты молод и многого не понимаешь, — сказал Вайорель, отвлекая Эмилиана, считая, что тот не видит, как тени противника подбираются к ногам.

Эмилиан видел. Он был готов к смерти, искал ее, потому что смерть лучше, чем пустота, поселившаяся внутри него. И страха не было. Скорее надежда, что все закончится здесь и сейчас. Тени Вайореля вздыбились, набросились на чужака. Эмилиан не пытался уклониться или сопротивляться. Тьма, окутавшая его, зашипела, забурлила. Громкий смех Вайореля эхом прокатился по мраморным залам. Но ликование было недолгим. Созданные Вайорелем тени заматались, заскулили, словно напуганные раненые псы, пытаясь вернуться к хозяину. Пустота Эмилиана притягивала их, пожирала жадно, спешно. И пустота не могла насытиться: проглотила каждую ожившую тень и нацелилась на хозяина.

— Да кто ты такой, черт возьми? — спросил Вайорель, пытаясь к выходу из дома, но бежать было некуда.

Мэтокс услышал дикий, истошный крик внутри белого мраморного дома, где бурлила ночь. Последний, отчаянный крик Вайорея, от которого очнулась Клео. Открыла глаза и жадно втянула в легкие свежий утренний воздух.

Эмилиан вышел из дома. Тьма все еще клубилась вокруг его тела, но солнце сжигало эти завихрения, как сжигало густую слизь, которая осталась от Вайорея. Эмилиан постарел. Волосы стали почти белыми, кожа морщинистой.

— Кто это такой? — спросила Клео, чувствуя, как дрожь Мэтокса начинает передаваться и ей.

Блоки, созданные в голове, внезапно рухнули по приказу Эмилиана.

— Как я здесь оказалась? — спросила Клео, но не Мэтокса, а своего нового хозяина — старика, в глазах которого не было ничего кроме все-ленской пустоты.

Глава седьмая

Ребенок родился, вырос и оставил приемную мать. Он никогда не предлагал стать его слугой, но Габриэла знала, что он ищет себе кого-то, кто будет добывать для него пищу, как это делала Надин для Гэврила. Трупы, которые оставил Эмилиан в доме, в основном принадлежали девушкам. Многие из них начали разлагаться. В доме стоял смрад, летали мухи. В одной из комнат Габриэла нашла мертвого чернокожего мальчика. Вряд ли он пришел сюда добровольно, как остальные девушки, но...

— Эмилиан не хотел убивать его, — сказала незнакомка, вынырнув из темноты, словно одна из теней. Габриэла окинула ее растерянным взглядом. Приемный сын нашел кого-то другого и ушел, оставив пустоту.

— Ты служишь Эмилиану? — спросила Габриэла.

— И не я одна, — девушка улыбнулась. У нее был неприятный, дерзкий взгляд.

— Почему ты не ушла вместе с ним? — спросила Габриэла.

— Потому что Эмилиан попросил меня позаботиться о тебе.

В руках незнакомки появился нож. Она ударила Габриэлу в живот. Затем еще раз и еще. Габриэла зажала полученные раны руками, но теплая кровь и черная слизь текли сквозь пальцы. Девушка, которую послал Эмилиан, смеялась. Габриэла смотрела на нее и не верила, что приемный сын мог поступить подобным образом. Потом наступила темнота. Смех стих. Незнакомка решила, что Габриэла умерла, и ушла. Но смерть больше не желала приходить в этот заполненный трупами дом.

Габриэла выползла на улицу. Машины не было. Помощи не было. Единственный шанс — доползти до дороги и надеяться на случайную попутку, которая доставит ее в больницу. Габриэла преодолела треть пути, оставляя за собой кровавый шлейф, и замерла: все тело горело изнутри, боль сводила с ума. Но вместе с болью приходила трезвость сознания. Мысли становились кристально-чистыми. Габриэла словно внезапно протрезвела. Как могла она допустить все это? Как могла

вскормить этого маленького ребенка-монстра? Нет, сомнений не было, он что-то сделал с ее сознанием, опьянил, опутал темной паутиной, воспользовался, чтобы набраться сил, а теперь был готов убивать, отправившись в город, где располагался комплекс «Зеленый мир», и сразиться за это пастбище с Гэврилом. И не важно, кто победит — итог будет один.

— Нужно остановить этих тварей! — заскрежетала зубами Габриэла. Злость придала сил. Покрытая пылью и кровью, она добралась до дороги и заставила себя не терять сознание, ждать попутку...

Позже, в больнице, когда Габриэле задавали вопросы о полученных ранах, она притворилась, что ничего не помнит. Она не считала дни, недели, месяцы, ушедшие на выздоровление. Лишь изредка следила за теньями в коридоре, которые могли прийти за ней, забрать ее жизнь. Но тени и приемный сын считали ее мертвой. «Значит, у меня есть еще шанс все исправить», — думала Габриэла, проверяя швы и затягивающиеся раны.

Несколько раз в больницу приходил шериф Лари Вэлбек, пытаясь понять. Он показывал Габриэле фотографии, задавал вопросы, вкрадчиво вглядываясь в ее глаза своими растерянными, опустошенными глазами. Дарла. Его Дарла. Его дочь. Габриэла узнала ее на одной из фотографий. Узнала девушку, которая нанесла ей двадцать два удара ножом в брюшную полость, убив ребенка, зачатого от монстра. Габриэла не собиралась оплакивать эту потерю, приняв, как неизбежное. Лишь врачи и шериф смущались, говоря об этой смерти, не зная подробностей.

— Думаю, вам стоит забыть о своей дочери, — сказала шерифу Габриэла. Это была их последняя встреча. Шериф не брился, не заботился о внешнем виде. Он стал заложником своих мыслей, страхов. Он видел жизнь за гранью реальности, но до последнего вздоха не мог позволить себе принять это.

— Дарла изменилась, — тихо сказал он.

— Дарла стала другой и ничто не сможет вернуть ее, — сказала Габриэла.

Дальше был рассказ о Надин Торн, которая была слугой Гэврила. Рассказывая об этом, Габриэла неосознанно надеялась найти сообщника, но шериф молчал и что-то хмыкал себе под нос. Потом ушел, напился и выстрелил себе в голову из револьвера. Его нашли неделю спустя. Он сидел в гараже, в старом «мустанге». Личинки мух копошились в гниющем лице. Рядом лежала бутылка виски.

Габриэла узнала об этом от пары агентов ФБР, которые приехали в этот богом забытый пустынный город, чтобы продолжить дело шерифа. Их вопросы были колкими и резкими. Они то относились к Габриэле как к соучастнику, то как к жертве, напоминая Габриэле ее собственные шрамы, которые то шли на поправку, то снова воспалялись, начинали

гноиться. Объявление Дарлы Вэлбек в розыск не дало результатов. Как не дали результатов поиски пропавших горожан. Мужчины и женщины, дети и старики... Тени сожрали всех в заброшенном доме... Лишь одного Габриэла не могла понять: почему тени не пришли за ней? Почему Дарла позволила ей уйти? Что это — беспечность или случайность? Уничтожить улики, но оставить в живых главного свидетеля...

Агенты убрались из города так же внезапно, как и появились. Остались доктора, косые взгляды которых начинали раздражать Габриэлу. Они словно спрашивали ее снова и снова, где наши дети, где наши соседи? Габриэла притворялась, что ничего не замечает. Уехать из больницы. Уехать из города. Уехать из штата.

— Не думаю, что могу отпустить вас, — сказал лечащий врач и долго что-то бормотал себе под нос о швах и серьезных ранах. Габриэла выждала еще неделю и, получив очередной отказ в выписке, сбежала из больницы, выкрыв свои собственные вещи, которые привез из заброшенного дома шериф незадолго до своей смерти.

Она отправилась в город, принадлежащий Гэврилу. Пришла в «Зеленый мир», готовая унижаться и умолять, лишь бы ей вернули прежнюю работу. Она не хотела начать все заново, но ей нужна была лаборатория и предыдущие исследования.

— Пожалуйста, — сказала она руководителю проекта. — Мне очень нужна эта работа.

Он долго мерил ее тяжелым взглядом, затем осторожно кивнул и предложил поужинать. Габриэла не отказалась. Позже, в ресторане, он сказал, что рядом есть хороший отель. Она сказала, что не против. Он снял номер на ночь и попросил ее раздеться. Она сделала все, что он хотел.

— Думаю, ты больше нравишься мне как специалист, чем как любовница, — сказал он, меряя презрительным взглядом свежие шрамы. Габриэла кивнула и начала одеваться.

Она вернулась в служебную квартиру и приняла душ. Чувств не было, лишь только цели и способы их достижения. Затем пришел беспокойный сон, и она снова увидела Эмилиана, ночь их близости и ребенка, которого они зачали. Ребенок толкался в ее утробе и разговаривал с ней при помощи мыслей.

— Почему ты не любишь меня? — спрашивал он. — Почему ты радуешься моей смерти?

— Потому что ты такой же монстр, как и твой отец.

— Ты просто обижена на него за то, что он бросил тебя.

— Он хотел убить меня.

— Он знал, что я спасу тебя. Моя сила спасет тебя. Сила вендари.

Ребенок сжался, превратился в зародыш. Габриэла прижала руки к животу. Свежие раны воспалились, некоторые начали кровоточить.

Кровь и черная слизь текли из ее тела. Где-то далеко засмеялась мертвая Надин. Словно смех из ада, из преисподней.

Габриэла проснулась, встала с кровати, открыла окно и долго дышала утренней прохладой. Она не знала, где сейчас Гэврил или Эмилиан. Не знала, кто из них победил, а кто отправился в ад. Или куда там отправляются подобные им твари? Габриэла хотела одного — положить этому конец. Она постаралась вспомнить, сколько крови потребовалось Эмилиану, чтобы окрепнуть и набраться сил. Она знала, что кровь животных для этой цели не подойдет. Знала, что невозможно будет использовать синтетическую кровь из больницы, а способа достать кровь доноров у нее не было. И так же она знала, что не станет никого убивать ради этих тварей. Она клонирует их столько, сколько сможет выкормить. Она начнет принимать транквилизаторы, чтобы они не смогли снова пробраться в мысли, опьянить, как это сделал Эмилиан. Она будет держать их в клетках, не позволяя убить друг друга, а затем, когда их сил хватит на то, чтобы противостоять друг другу, она выпустит их на волю, рассказав о пастбищах и разделенных территориях, если они вдруг забудут об этом... Но они не забудут.

Габриэла прятала новорожденных тварей так долго, как только могла. Она знала, что рано или поздно эксперимент раскроется, но надеялась, что к тому времени ей будет уже все равно. Ее кровь выкормит монстров и пошлет охотиться на других монстров. Она отдаст им все что у нее есть, всю себя, а потом... Потом начнется война, которая сможет перевернуть жизнь города, а может быть страны или всего мира. Лишь ближе к концу Габриэла засомневалась в своей холодной мести. Сколько людей погибнет? Чем все закончится? Как далеко зайдет ненависть созданных тварей друг к другу? Снова и снова она спрашивала себя об этом, но понимала, что механизм запущен и ничего нельзя изменить.

Твари росли и просили все больше и больше пищи, все больше и больше крови. Тени, почувствовав соперников, сгущались вокруг лаборатории, но генераторы и аварийное освещение справлялись с их натиском. Твари в клетках рычали, жаждали уничтожить друг друга. Габриэла выбрала самого сильного из них, вывезла далеко за город и выпустила на свободу. На крыше служебной машины был закреплен прожектор, и тварь, испугавшись света, не посмела наброситься на создателя. Ночь поглотила бледнокожего подростка. Он завыл откуда-то из темноты, но Габриэла уже неслась обратно в город.

За последующие десять дней она выпустила остальных тварей, оставив напоследок самого слабого. Мальчик не рычал, не ругался, не умолял выпустить его. Он просто сидел в своей клетке и наблюдал за Габриэлой. Он был слаб и немогущ, потому что Габриэла кормила его хуже других. Она не знала, почему выбрала именно этого ребенка. Скорее

всего, просто случайно. Ей нужен был кто-то слабый, когда собственные силы покинут ее. Когда она не сможет никуда ехать, а сил хватит лишь на то, чтобы открыть клетку и подставить свое горло, чтобы немощная тварь смогла выпить оставшуюся в ее теле кровь, набраться сил и отправиться на охоту за своими соплеменниками.

Габриэла подошла к клетке. В лаборатории было тихо и пахло цветами, которые она должна была клонировать здесь. Монстр в клетке молчал, наблюдая за Габриэлой черными как ночь глазами.

Теперь открыть задвижки, отойти назад, сесть на пол и ждать. Тварь медлит, ждет, играет, как хищник играет с жертвой.

— Ну, чего же ты ждешь? — спрашивает Габриэла.

Мальчик улыбается, осторожно выбирается из клетки. Он слаб, но его сил хватит на десяток взрослых мужчин. Габриэла закрывает глаза. Метаморфозы изменяют детское лицо. Появляются зубы-иглы, которыми он разорвет подставленное ему горло. Габриэла слышит его прерывистое, возбужденное дыхание. Слышит далекие шаги. Она отпустила охранников и не знает, кто это может быть. Гэврил? Эмилиан? Просто воображение? Не важно. Сейчас все закончится. Ребенок-монстр рычит. Его ноги напрягаются. Прыжок...

От грохнувшего выстрела закладывает уши. Габриэла открывает глаза. Детектив Джейсон Оливер стоит в дверях лаборатории. Она не знает его, но она знает монстра, в которого он только что выстрелил. Их нельзя так убить. Раненый ребенок отползает за клетку.

— Я не знаю, кто вы, но если вы хотите жить, то вам лучше уйти, — говорит Габриэла незваному гостю.

Вместо ответа детектив Оливер снова жмет на курок. Ребенок-монстр успел сменить свои уродливые формы, став обыкновенным ребенком, но детектив не верит в эти перемены. Все это маска, притворство, обман. Он знает, видел, когда охотился на этих тварей. Здесь, в городе, и в лесах, куда вывозила Габриэла этих маленьких монстров, которые слишком быстро обретали силу, подчиняли себе мрак. Люди шепотом называли их вендари. Люди, с которыми встречался Джейсон Оливер, когда пытался отыскать Клео Вудворт. Ради этих поисков он готов был опуститься на самое дно, но и там не было следов Клео. Может быть, ее забрали тени? Может быть, она сбежала? Ответа не было. Лишь скомканная, сбивчивая история бывшей жены, которую она не могла рассказывать спокойно. История о том, как тени пришли в ее дом за Клео Вудворт. Она помнила, что с Клео был мужчина, но так и не смогла вспомнить его имени, его лица. Все стерлось. Все стерли. Стер Эндрю Мэтокс. Осталось лишь знание, что тени и вендари боятся вируса. Тени, которые шли за детективом Оливером, наступали ему на пятки. Он не мог спать, потому что сон приносил темноту. Он не верил, что до-

живет до утра. Утро начиналось, а он уже думал о ночи, думал о своих голодных убийцах.

Когда ему позвонила бывшая жена, он приехал сразу. Она нервничала и умоляла его найти их дочь, Лору, которая осталась ночевать у подруг, не сказав об этом матери.

— Они забрали ее! — плакала Биатрис. — Тени забрали нашу дочь.

Оливер молчал. Продолжал слушать сопливые причитания и набирал номер Лоры.

— Она у подруги, — сказал он, поговорив с дочерью.

Биатрис поняла не сразу. Затем сказала, что ей нужно выпить, успокоилась. Дуэйн Андерсон, дантист, с которым она жила, ушел на работу. Оставленные Мэтоксом в его сознании закрытые двери работали исправно, блокируя ненужные воспоминания.

— Дай мне сигарету, — попросила Биатрис. Руки у нее дрожали.

История о безумной ночи была сбивчивой, почти нереальной. Но что в этом мире было реальностью? Детектив Оливер слушал молча, затем попросил достать для него штамм вируса двадцать четвертой хромосомы.

— Зачем тебе? — испугалась Биатрис.

— Эти тени идут не только за Клео, — Оливер выдержал тяжелый взгляд бывшей жены, закурил. — Я не планирую заражать себя специально. Только если не будет выбора, — пообещал он, но не прошло и суток, как тени добрались до него.

Фонари погасли. Вокруг никого. Джейсон Оливер метнулся в темную подворотню. Дверь в многоквартирный жилой дом была открыта. Лифт звякнул, впуская гостя. Тени зашептались. Загудели моторы, поднимая Оливера на последний этаж. Он не знал, куда едет. Нет, знал — в объятия пустоты, мрака. Тени достали его. Тени сожрут его.

Он достал шприц, который дала ему Биатрис, и заразил себя одним из самых страшных вирусов современности. Если этот вирус превратит его в монстра, то у него будет перед этим немного времени, будет шанс найти Клео Вудворт или остановить тех, кто послал эти тени. Когда лифт добрался до последнего этажа и Оливер вышел в длинный, погруженный в полумрак коридор, вокруг не было ни теней, ни каких-либо других монстров. Он так и не понял: прогнал их вирус, или же было что-то еще. Хотя все это уже не важно. Он был заражен, и страх отступил, лопнул мыльным пузырем. Ценности жизни стерлись. Осталась только цель. Но все поиски зашли в тупик. Почти все.

Старик Хэнк Дэрил, которого забрали тени, рассказывал о Надин и женщине из телевизора. Женщине, похожей на Габриэлу Хадсон, которая после десяти лет изгнания вернулась к работе. Детектив Оливер отправился в «Зеленый мир». Ничего. Никого. Лишь затертый, петляющий след, который вел в затерявшийся среди пустынных дорог город.

Габриэла была в больнице. Детектив Оливер следил за ней: сначала в больнице, затем в «Зеленом Мире», где она вернулась к работе. Он видел, как Габриэла выпустила первого маленького монстра.

Мальчик был голоден. Он убежал в лес, и Оливер долго не мог найти его, пока не услышал крики бездомного. Мальчик превратился в монстра и разорвал оборванцу горло. Кровь сделала его сильнее. Или забранная жизнь? Оливер выстрелил в него восемь раз. Он видел, как пули пробивают плоть монстра. Но подросток-монстр не заметил этого. Он оскалится, повернулся к Оливеру лицом и набросился на него. Острые зубы разорвали Оливеру плечо. Тварь зарычала, почувствовав кровь, сбила Оливера с ног, прижала к земле и начала пить. Один глоток, другой. Неожиданно метаморфозы оставили это хрупкое на вид тело. Подросток зашелся кашлем, зарычал, упал, сжался. Из рта у него пошла кровавистая пена. Оливер выстрелил ему в голову. Безрезультатно. Ни пули, ни сталь не хотели забирать эту иррациональную жизнь. Даже огонь и тот сожрал одежду, но не тронул тело. Оливер связал подростка и позвал жену.

— Ты можешь провести вскрытие или взять анализы, чтобы выяснить, что это за тварь? — спросил он. Биатрис не ответила. Оливер взял ее за плечи и встряхнул. Она смерила его испуганным взглядом.

— Джейсон, ты спятил. Это же просто подросток, — Биатрис вскрикнула, услышав выстрел. От грохота у нее заложило уши. Пуля пробила подростку голову, но рана тут же затянулась.

— Спятил, да? — зарычал Оливер, теряя терпение. — Скажи мне, что это за тварь и как ее убить...

Он помог Биатрис взять на анализ кровь. Бывшая жена была бледной, голос ее дрожал. Особенно, когда она спрашивала о том, как вирус подействовал на Оливера. Под одеждой было не видно, но он знал, что его тело начало меняться.

— Мне нужно осмотреть тебя, — сказала Биатрис.

— Узнай, как убить этих тварей! — закричал он, теряя терпение.

— Может быть, вирус?

— Нет. Вирус только делает его слабым, но не убивает. Как и солнечный свет. Я уже пробовал, — Оливер огляделся, упрекая себя, что не закопал тело бездомного, которого убил подросток-монстр. Запах и мухи начинали раздражать, злить.

— Ты должен принимать таблетки, — сказала Биатрис и вложила в руку тубу с пилюлями. — Я видела много людей, которых вирус свел с ума.

— Единственное, что меня сводит с ума — это тени и эти твари! — отмахнулся Оливер, но таблетки убрал в карман. После он будет их принимать горстями. Безумие и уродство подберутся к нему, схватят за горло, но все это случится недели спустя...

Сейчас подросток-монстр набирается сил, разрывает веревки. Биатрис кричит, прячется за спиной Оливера. Глаза подростка горят голодом. Оливер целится ему в голову, но не стреляет. Он знает, что пули причинят боль этой твари, но не заберут жизнь. И подросток-монстр знает об этом. Он ходит кругами, пытаясь подобраться к своим жертвам так, чтобы избежать пуль. Его страх рождает тени, которые не подчиняются своему хозяину. Они голодны, и они ищут пищу.

— Беги! — говорит Оливер бывшей жене. Но тени уже нашли себе жертву. Они пожирают того, кто дал им жизнь.

Мальчик пытается спастись, но тьма поглотила его ноги. Он не может бежать. Только ползти. Сцена холодит кровь. Оливеру кажется, что он сходит с ума. Биатрис отвернулась и не смотрит.

— Нужно убираться отсюда, — приходит в себя Оливер. Подросток уже не кричит. Тени покончили с ним, ищут новую жертву. Оливер и Биатрис садятся в машину. Двигатель гудит, унося их из этого проклятого леса.

— Теперь тени будут охотиться за мной? — спрашивает Биатрис.

— Нет, — говорит Оливер. — Не думаю.

— Лучше бы ты оказался прав, — шипит Биатрис, обвиняя Оливера, как и прежде, когда они еще жили вместе, во всех смертных грехах. Он молчит, не замечая упреков. Машина прыгает на ухабах, выскакивает на дорогу и мчится к резервации, где работает Биатрис, чтобы она могла провести анализы крови мальчика-монстра. — Это будет не быстро, — предупреждает Биатрис. Оливер кивает, смотрит на высокие стены огражденной резервации. Скоро он сам окажется здесь. Но это совершенно не беспокоит его. Он видел смерть. Он знает смерть. И он уже не может страшиться ее, как прежде. Тем более, что уродство — это еще не смерть.

— Позвони мне, когда закончишь, — просит Оливер жену.

Теперь вернуться к комплексу «Зеленый мир», наблюдать и ждать, ждать, ждать... Но Биатрис не позвонит. Она заберет Лору и уедет из города. Оливер найдет пустой дом. Даже дантист Дуэйн Андерсон, и тот уедет с ними, сбежит. Оливер будет стоять в гостиной опустевшего дома и чувствовать, как вирус искривляет его кости, превращает в монстра. Он только сейчас понял, что потерял семью. Не тогда, когда он отвернулся от нее. И не когда в постели Биатрис оказался другой мужчина. Это произошло сейчас, здесь. Произошло, когда опустел дом, в котором они жили. Все закончилось. От семьи остались разбросанные вещи и полный выпивки бар. Оливер сделал себе выпить и постарался забыть, не думать, не вспоминать. Но чем больше он пил, тем больше становилось воспоминаний. Прошрое издевалось над ним. Он слышал голоса, слышал смех Лоры. Той Лоры, у которой еще не выпали молочные

зубы. Она бегала по квартире и что-то кричала. Он пытался ее поймать, взять на руки, но она ускользала от него, как ускользала реальность.

Оливер не знал, сколько дней провел в подобном состоянии. Дни. Недели. Жена и дочь бежали в спешке, оставив заполненный продуктами холодильник. Оливер опустошил его. Затем, убегая от реальности, опустошил бар. Но реальность догнала его.

Он открыл глаза и заставил себя подняться. Был вечер. Голова болела. Желудок выворачивался наизнанку. Оливер включил холодную воду и пил, пока его не вырвало. За время беспамятства вирус изменил тело сильнее, и теперь его левая рука была похожа на негнувшийся протез, а правое плечо так сильно возвышалось над левым, что ему было тошно смотреться в зеркало. Изменилось и что-то еще. Что-то за спиной. Не то горб, не то просто небольшой нарост. Оливер не хотел этого знать. Он достал пистолет и засунул дуло себе в рот. Весь мир замер. Затем жизнь понеслась перед глазами безумным хороводом. Особенно последние недели, месяцы. Вирус, дети-монстры, комплекс «Зеленый мир», Габриэла Хадсон, которая выращивает монстров...

— А, какого черта! — проворчал Оливер, решив, что вышибить себе мозги успеет в любое время. Сейчас куда приятней было найти причину всех неудач, на которую можно обрушиться накопившимся гневом. Причину, у которой есть лицо. — Габриэла Хадсон.

Оливер вышел из дома и отправился в «Зеленый мир». Охранника не было. Стеклопакеты двери разбились после нескольких ударов рукоятью пистолета. Оливер снял оружие с предохранителя. Он планировал узнать у Габриэлы, как убить созданных ею монстров, уничтожить их всех, а затем уничтожить саму Габриэлу. Вот тогда уже можно будет думать и о самоубийстве. Но когда Оливер оказался в лаборатории Габриэлы, его охватил ужас. Клетки, где содержались монстры, были пусты. Из семи тварей осталась одна. Самая слабая. Не ребенок и не чудовище — нечто среднее, что не имело право появляться на свет — в последнем Оливер не сомневался. И это нечто менялось, готовилось к прыжку, чтобы перегрызть горло своему создателю, который был готов к этому, ждал этого.

Оливер прицелился и выстрелил в тварь. Грохот выстрела эхом прокатился по пустым помещениям. Пуля попала твари в голову. Вернее, уже не твари — ребенку, чьи уродливые формы снова стали человеческими, обманывая глаз. Габриэла Хадсон что-то сказала, но Оливер не услышал — от выстрела заложило уши. Он прицелился и снова нажал на курок. Затем еще раз и еще. Он выпустил в корчащуюся на полу тварь всю обойму, перезарядил и снова начал стрелять. Оливер не собирался останавливаться. Он уже видел, как избивает тварь ногами, когда у него закончатся патроны. Избивает до тех пор, пока от монстра не ос-

танется бесформенная лужа плоти и крови, или из чего он там сделан? В его уродливом теле хватит сил. В его воспаленном сознании хватит ненависти. Так думал Оливер, пока дряхлый на вид старик бесшумно не подошел к нему со спины и не свернул хрупкую шею. Жизнь покинула тело мгновенно. Колени подогнулись. Оливер упал, уставившись мертвыми глазами в потолок.

— Не могу смотреть, как люди издеваются над ними, — сказал старик, указывая на ребенка-монстра.

Габриэла не двигалась, не дышала. Зияющие пустотой раны от выстрелов на теле ребенка-монстра затянулись. Он боязливо поднялся на ноги, насторожился, обнюхивая старика, зарычал, попытался выпустить клыки. Старик ударил его ногой. Габриэла услышала, как хрустнули кости. Ребенок-монстр пролетел мимо нее, ударился об стену, сжался, захныкал.

— Ты могла вырастить из них людей, но предпочла вырастить монстров. Почему? — спросил Габриэлу старик, черты лица которого смутно казались ей знакомыми.

— Эм... Эм... Эмилиан? — неуверенно спросила она, не веря глазам. Старик холодно улыбнулся.

Ребенок-монстр, продолжая хныкать, пополз к старику, извиваясь словно змея. Все его жесты и мимика выражали покорность и раболепие. Он притворялся, что обрел хозяина, признал его силу, пока не оказался на расстоянии прыжка. Тогда метаморфозы снова изменили его лицо. В искрящемся блеске появились клыки. Ребенок-монстр зарычал, прыгнул на противника. Старик не двинулся с места. Лишь в его голубых глазах вспыхнула пустота, которая обожгла ребенка-монстра подобно огню. Взгляд стал материальным — холодный, безразличный. Взгляд вечности. Свет в лаборатории замигал. Десяток теней, шипя и пенясь в лучах гаснущих ламп, ударили ребенка-монстра, защищая старика, прижали к холодному полу. По лаборатории пронесся дикий, гортанный вопль, но почти сразу стих, захлебнувшись в пустоте и ночи.

— Не нужно больше детей-монстров, — сказал старик Габриэле.

— Ты... ты убил их всех? — она, не моргая, смотрела на оставшуюся от ее творения черную жижу, которую в полумраке продолжали пожирать тени. — Я думала, они уничтожат вендари.

— Они стареют слишком быстро. Как и я. Их жизнь коротка. Их цели примитивны. Это всего лишь монстры, если не научить их человечности.

— Ты тоже монстр.

— Я нечто новое.

— Ты приказал своей слуге убить меня.

— Я приказал убить нашего ребенка, который не должен был жить.

— Тогда ты дважды монстр.

- Ты не видела мыслей этого ребенка, как это видел я. Он должен был стать хуже, чем самки вендари.
- Ты убиваешь людей.
- Дети-монстры, которых ты выпустила на свободу, убили больше людей, чем я.
- Я хотела, чтобы они убивали только вендари.
- Тогда почему не научила их этому?
- Я думала, это у вас в крови.
- У нас в крови только голод, о котором нам нужно рассказать, который нужно направить, изменить, указать ему другие цели.
- Почему же ты не направил созданных мною детей-монстров? Почему просто убил их?
- Потому что ты вырастила их как монстров. Ты создала из них монстров. И если бы я не нашел их всех прежде, чем они набрались сил, то улицы этого города были бы залиты человеческой кровью, — старик шагнул к Габриэле, протянул руку, помогая подняться. — Ты была мне матерью. Почему ты не захотела стать матерью для них? Почему не захотела дать им то, что дала мне?
- Потому что все это неважно. Я думала только о том, чтобы они добрались до Гэврила, до тебя, до всех вас.
- Я не Гэврил, — Эмилиан улыбнулся. — Я мог бы убить Гэврила, если бы он не сбежал. Убить, как убил других вендари, которые появились в этом городе.
- Я не учила тебя убивать.
- Но это было в твоих мыслях. Я видел. Не пытайся отрицать.
- Почему бы тебе тогда просто не убить меня сейчас и не закончить все это?
- Я пришел сюда не для того, чтобы убить тебя. Я хочу, чтобы ты пошла со мной.
- С тобой? Разве тебе мало своих слуг?
- Я отказался от слуг. Я не могу им дать то, что дают вендари — вечность. Моя кровь убивает их, а не дарит бессмертие.
- Тогда зачем тебе я?
- Настоящие вендари вырождаются, превращаются в монстров. Когда-нибудь рассудок оставит их, и мир, который ты любишь, утонет в крови. Никто не сможет остановить их, кроме таких, как я, кроме их клонов. Пойдем со мной. Будь со мной. Помоги мне создать и воспитать новых клонов. Помоги мне дать жизнь новой расе, и мы истребим всех вендари.
- А что будет потом?
- Потом ты станешь нашим богом. Нашим прародителем, нашей матерью. С тебя начнется наш род, и ты сможешь дать своим новым детям все то, что дала мне и все то, что не успела дать.

— Почему я должна тебе верить?

— Потому что я никогда не предавал тебя. Потому что весь этот мир меняется. Вендари меняются. Люди меняются. Один из моих слуг, Эндрю Мэтокс, был так силен, как прежде не был силен самый древний слуга. Но в сердце его не было безумия. Я отпустил его и его женщину Клео Вудворт, чтобы они смогли пройти свой собственный путь. Отпустил, потому что уверен, что где-то в мире есть такие же, как и они. Есть те, кто не будет слугой. Никогда не будет. Вечность вендари стоит на краю пропасти. И только тебе сейчас решать, сорвется она вниз одна или потянет за собой человечество. Только тебе.

Эпилог

Валдиз. Аляска.

Мэтокс не знал, почему выбрал этот город с населением менее пяти тысяч человек. Не знала этого и Клео Вудворт. Наверное, просто случайность, провидение — так они говорили новым знакомым. Говорили в роддоме, когда Клео рожала близнецов — мальчик, похожий на мать, и девочка, похожая на отца. Говорили, когда отправляли детей в школу. Говорили год за годом, пока люди не перестали спрашивать, забыли о том, что эта семья — чужаки в их крохотном городе. В какой-то момент Клео и Мэтокс сами были готовы забыть о том, почему оказались здесь. Но забыть об этом было не так просто. Особенно когда в подвале твоего дома находится плененное древнее существо — вендари по имени Гэврил.

Немногочисленное население города способствовало тому, чтобы ни одна древняя тварь не решла устроить здесь свое пастбище. Пропажу людей тут же заметят, забьют во все колокола. Проще выбрать большой город. Завести себе слуг. Занять уединенный дом и тихо вырождаться, как вырождался Гэврил, пока до него не добралась рука судьбы. Вирус двадцать четвертой хромосомы, которым была заражена Клео Вудворт, не превратил ее в уродца. Он стал другом, защитником от древних тварей. Ее зараженная кровь забирала у Гэврила те немногие силы, что остались у него после долгих лет голода. Изредка Мэтокс кормил его кровью доноров, которую покупал у моряков в порту, чтобы он, Мэтокс, его жена, Клео, и их дети могли питаться кровью этого древнего существа и жить веками, как прежде жили слуги вендари. Но слуги восстали, бросили бывших господ к своим ногам.

Первые годы пленения столь сильного существа были самыми трудными, но Гэврил сломался быстро. Или же притворился, что сломался. Поэтому Мэтокс и Клео продолжали держать его в цепях, опасаясь так же, как и в первые дни пленения. Их дети — мальчик, похожий на мать,

и девочка, похожая на отца, знали о вендари. Они чувствовали его, могли читать его слабеющие мысли. Иногда Мэтоксу начинало казаться, что его потомство обладает еще большей силой, чем он сам. Или же виной всему кровь вендари, которую родители изредка дают детям, чтобы они знали, что происходит в этом мире, понимали, чувствовали свою исключительность?

После, когда они вырастут, Мэтокс и Клео позволят им выбрать свой путь. Они уйдут или останутся. Они будут жить веками или умрут через шестьдесят-семьдесят лет, как обычные люди. Все будет зависеть от них. Но дар у них в крови. Он делает их особенными. И от этого им не сбежать. Никогда. Как не сбежать другим людям нового вида, которые живут где-то на этой планете. Мэтокс знал, что живут. Иногда он чувствовал их — случайные прохожие, туристы, матросы. Но все они старались держаться вдали, не желая пересекаться с подобными себе. Что ж, Мэтокс не возражал. Пусть будет уединение, пока на планете им не станет тесно, а разросшийся мир не заставит взглянуть друг другу в глаза. Но пока этого не случилось, они будут жить отдельными семьями, будут плодиться, будут расти и прятаться. Пока...

июнь 2012 — август 2012

Оглавление

Глава первая.	2
Глава вторая.	19
Глава третья.	47
Глава четвертая.	79
Глава пятая.	135
Глава шестая.	178
Глава седьмая.	198
Эпилог.	210